РЕВОЛЮЦИЯ
NEXT
ВЕРА ОГНЕВА
МЕНЯ ЗОВУТ I-45

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новый Рим жесток. Рай для патрициев и ад для бедняков, которым вместо имен присвоены номера. Восемнадцатилетняя I-45 – слепая из трущоб планеты Земля. Она многого не знает из своего прошлого. Не видит настоящего – грубоватого парня, который спас ей жизнь, – и не подозревает о том, что ждет ее в будущем. Пробуждение силы, из-за которой на I-45 начнет охотиться вся империя…

- Вера Огнева
  -
  -
  - I. Caligo
    - Исход
    - 7—4
    - Энцо в глазури
    - Зрячая незрячего

Вера Огнева
Меня зовут I-45

© Огнева В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Артемию Дымову, без которого эта книга не появилась бы на свет.

Супругу – за безграничное терпение.

Друзьям и коллегам Татьяне Богатыревой, Марике Становой и Алексею Боблу – за неоценимую помощь в работе над романом.

И, разумеется, читателям за поддержку. Без вас литературный труд лишается смысла и цели.

I. Caligo

И долго я бежал по нити
И ждал: пахнет весна и свет.
Но воздух был все ядовитей
И гуще тьма… Вдруг нити – нет.

В. Брюсов «Нить Ариадны»

Исход

– I-45!

I-45 вздрогнула. Вынула руки из перчаток, встроенных в отверстия над конвейерной лентой, и повернулась на голос. Поначалу различала только размытые силуэты цеховых манипуляторов, за которыми светлели квадраты окон.

Их перекрыла плотная тень.

– Послушай, ты пропустила еще три штуки. Сборщицы жалуются. Мастер сказал, что он тебя предупреждал.

Она похолодела. Увольнение. На этот раз не отделается простым выговором. В голову сразу полезли ненужные мысли про остаток на счете. Про последнюю упаковку соевого мяса, которая лежала дома. Про оторванный ремешок на ботинке. Она чинила его столько раз, что конец превратился в бахрому.

Бригадир придвинулся ближе – ткань спецовки коснулась руки. Запахло табаком и лапшой с обеда.

– Сорок Пятая, таковы правила. Мне очень жаль, – добавил он тише. – Ты же знаешь, сколько народа в очереди на место.

Знала, еще как. Успела выучить к восемнадцати годам. Кандидатов хватало и без слепых номеров. Кому нужны молодые инвалиды?

Машины продолжали грохать, выплевывая новые детали. Рядом безразлично шуршали перчатки соседки-сборщицы. Кисловатый фабричный воздух подхватывал звуки и уносил их куда-то под купол.

– Ты слышишь?

I-45 потянула маску с лица. Вышла заминка – волосы запутались на резинке; пришлось рвануть ее с треском. Больно получилось, но не это сейчас волновало. I-45 оттолкнулась от края стола, поднялась, задев бригадира плечом, и неверным шагом двинулась к выходу. От шока и ярости знобило.

Она представляла конец рабочего дня совсем не так.

* * *

Во тьме над головой взревел тяжеловоз.

I-45 вздрогнула и снова провалилась в грязь по щиколотку. *«Через десять шагов поверните налево»*, – сообщили из наушника с программой-поводырем. Юпитер всемогущий, да эти десять шагов нужно было как-то пройти… Каждый день ходила одной дорогой и все равно забредала в канавы.

Она выбралась из рытвины, едва не оставив в ней ботинок. Землю вспахали сотни строительных машин. Они часто здесь ездили: мост расширяли в связи с проверкой из Сената. Дома под мостом сносили, жильцов экстренно выселяли. Всюду лежали осколки камней – I-45 чувствовала острые углы даже через подошвы. Спотыкалась об останки снесенных стен.

По трассе над головой с ревом пролетали автомобили. Слышались эхо уличного оповещения и близкие голоса гуляющих соседей. Журчала вонючая речка – сточные воды с верхних уровней. С богатых верхних уровней с виллами, театрами и парками. И храмом. Малая ходила туда с мамой, когда та была жива. Там пахло благовониями и красиво пели, а на ступенях шептали паломники.

Жаль, I-45 не могла его видеть – слабовидящая с детства. Денег на операцию требовалось много, не скопить даже за две жизни.

А теперь не осталось работы.

И дом собирались сносить.

Вспомнив об этом, I-45 тихо выругалась и сунула ключ в древний, как сама империя, замок. Толкнула дверь. Та отъехала в сторону, заскрипела песком на рельсе. Плохая защита, но хватало и ее – домушники обходили контейнеры под мостом стороной. Брать в них все равно было нечего, только клопы и мутировавшие тараканы, которые прогрызали банки с соевой лапшой. I-45 провела чуткими пальцами по стене, нащупала выключатель и вдавила кнопку.

Стало светлее, появились очертания предметов. Пахло сыростью и тиной.

– Я дома, – она сказала по привычке.

Только зябкое молчание в ответ.

I-45 поджала губы. Отыскав стол, она положила связку ключей. Опустилась на табурет и устало ссутулилась.

С некоторых пор она осталась одна, и это угнетало. Каждый вечер одно и то же: сумрак, грохот с автострады и почти-голод – по человеческому общению и натуральной еде, которую нельзя заварить, «просто долив воды» из кухонного модуля. Холодная пустота, как космос.

И вот именно тем зябким вечером ее осенило: она могла перебраться в центральные курии планеты.

На заводе поговаривали, что там хорошо платят.

Что там чисто, никаких болезней.

Что даже за сервисное обслуживание мусороуборочных роботов начисляют больше, чем некоторым патрициям Десятой курии.

Вдруг у нее получится там устроиться? Найти работу, накопить на операцию по восстановлению зрения… К тому же она знала пару диалектов и немного из межгалактического, – пускай на слух, но знала же. И была обучена манерам, принятым у патрициев. Мама научила; когда-то работала на вилле одного богача.

Как хотелось перестать экономить и перебиваться с лапши на воду! Хорошо одеваться, жить в настоящем доме – не обязательно большом, но чистом и светлом. С удобной кроватью.

И получить имя.

I-45 даже задохнулась. Вот уж действительно несбыточная мечта. Патриции имели по три, а то и по четыре имени: личное имя, имя отца, имя рода, прозвище. Считались порядочными, образованными людьми; могли голосовать, носить оружие и покупать землю. Истинные граждане Старой Земли и империи Нового Рима. Высшая каста, недосягаемая.

У самой I-45 не было даже прозвища. Просто Сорок Пятая. А как было бы здорово, назови ее кто-нибудь иначе…

Тем же вечером она собрала сумку, натянула лучшую майку и штаны. Нащупала ребристую поверхность чипа под кожей на запястье. Все необходимое на месте: голова, документы. И позитивное мышление, как учила мама. Нужно думать о хорошем, и хорошее непременно придет.

I-45 собралась с духом, закинула сумку на плечо и вышла в душную тьму под мостом.

Впереди ждала лишь удача.

* * *

Жар от сопла опалил ноги, и I-45 шагнула в сторону, судорожно вспоминая, что хотела сказать. Она ловила попутку битых полчаса, и эта машина была первой, которая остановилась. Темное пятно с тлеющими бело-желтыми точками. Шумное, даже воздух завибрировал.

– Куда едешь?

Мягкий голос, и это немного успокоило. Больше всего I-45 боялась, что к ней подъедет какой-нибудь пьяный номер на колымаге. А этот говорил правильно и спокойно. Должно быть, патриций.

– В центральную.

– Далековато, – донеслось из салона.

I-45 упала духом.

– Но я могу подвезти до Восьмой.

Вот это другое дело! Дверь поднялась – воздух у лица всколыхнулся, – и I-45 нырнула внутрь.

– Сумку кидай назад, – велел водитель.

Назад куда? Она обернулась и растерялась – перед глазами плыла непроглядная тьма. Так бы и раздумывала, что делать, но сумку выдрали из пальцев. Она тяжело упала где-то в той самой тьме, за пределами досягаемости.

– Вот так.

I-45 кивнула расплывчатым очертаниям водителя и сцепила холодеющие пальцы на коленях.

– Не забудь пристегнуться.

Этого она точно не могла сделать, о чем сообщила сразу же. Водитель удивленно хмыкнул, но все же перегнулся и притянул ее к креслу широкой лентой, наискось по груди.

Он пах лавандой, а рукава его рубашки оказались такими же мягкими, как голос.

– Тяжело путешествовать, когда ничего не видишь?

I-45 вздрогнула, когда машина набрала высоту и скорость вдавила в сиденье.

– Непросто, – снова кивнула, гадая, куда смотрит водитель. – Но я же не совсем слепая.

– Как так?

Машина резко повернула. Сорок Пятую качнуло, и она едва не ударилась головой о дверь.

– Например, тень вашу вижу. Как руками двигаете. – Она повернулась к окну. Наверху, над автострадой тянулись линии городского освещения. Четкие в сером месиве. Яркие и, казалось, бесконечные. – Цвет, свет…

Иногда чувствовала импульсы электронных приборов: блокнотов, панелей управления на заводе, имплантатов, вживленных в тела людей… Но об этом она предпочитала молчать. Не говорила даже родителям, когда те были живы.

Сумасшедших номеров забирали легионеры, а I-45 совсем не хотела иметь с ними дело.

– С детства такая?

– Ага.

Водитель хмыкнул:

– Но тебя же встретят?

– Нет, я сама по себе. – Она бодро улыбнулась в ответ на удивленный возглас. Не любила жалость. – Ничего, я привыкла.

В машине воцарилось молчание. Водитель приоткрыл окно. I-45 зажмурилась, когда в салон ворвался ветер и сдул волосы со лба. Мимо проносились автомобили, что-то гудело, как линии напряжения под мостом.

Вскоре Десятая курия осталась позади. Смог уровней и высоток отступил, сменившись ночной свежестью. Многоголосый шум двигателей стих; лишь изредка мимо с жужжанием проносились машины, и воздух на миг приобретал горький химический привкус.

Спустя еще пару часов они остановились. Ветер задувал в окно, подвывал в тишине. Сломались? Неисправность? I-45 погладила шершавый подлокотник. Спрашивать не стала – не хотела показаться надоедливой. Может, водитель просто хотел облегчиться.

Ей тоже не мешало сходить в туалет. И поесть – живот уже сводило.

Она задумчиво вжалась лбом в охлажденное климат-контролем стекло, прикидывая количество часов езды до Восьмой курии. Можно было потерпеть и поесть там. Дальше поймать другую попутку или продать ту безделушку, что осталась от матери, и пересесть на…

Сильные пальцы вцепились в волосы на затылке. Не успела I-45 опомниться, как оказалась лицом вниз. Нос уткнулся в ткань штанов.

– Нет! Что вы делаете?!

Взвизгнула застежка, что-то царапнуло по лицу. I-45 ударила локтем – куда-то попала, но точно не в водителя, – и закричала, когда ее ударили лбом о приборную панель. На миг увидела мелкие кнопки с неизвестными символами, экран с данными, красные и зеленые лампочки. Одна из них часто пульсировала, как жилка на шее…

Затем ее снова нагнули во тьму.

Тьма пахла лавандой.

Кровь теплой струйкой затекла в рот.

Боль затопила густой волной. И стыд вперемежку с паникой. Ничего не могла сделать.

Слишком слабая.

Слишком жалкая.

Стало душно, дурно, по телу пробежал ток. Мир растерял все звуки; их заменило пощелкивание, как хруст тараканьих лапок. I-45 вдруг почувствовала гибкую пластину имплантата в голове насильника – так явно, словно держала ее в руках. Пальцы кололо от сигналов, которые по ней бежали.

Такого с I-45 еще не случалось.

Она сжала кулаки, и водитель взвыл, словно его ударили. Приборы на панели машины запищали на разные лады, сменялись каналы радио, складывая безумную песню. I-45 вывернулась из захвата. Двинула локтем, но вместо потного лица

попала в приборную панель. Локоть вспыхнул болью, за спиной щелкнуло, и в салон ворвался холодный ночной воздух.

Она оттолкнулась, выпала в пустоту за пределами авто и распласталась на песке. Едва успела увернуться, когда пятна сопел вспыхнули. Машина взлетела и выстрелила дальше по шоссе. Рев мотора стих вдали.

I-45 осталась в кромешной тьме.

Сумка. Сумка уехала вместе с патрицием, ларвы его забери…

I-45 смяла пальцами песок и шумно исторгла остатки заводского обеда. Тыльной стороной ладони вытерла слезы, смешав их с кровью и слюной, и отключилась.

«До курии Девять… семь… стадий», – сказал «поводырь».

* * *

Энцо наткнулся на девчонку случайно. Отлей он парой сотен шагов севернее или южнее по шоссе, она так бы и вялилась на солнце. Лежала лицом вниз, раскинув руки с худыми, похожими на птичьи лапы пальцами. Вся белая, словно морозом крио выстуженная. Длинные волосы смешались с пустынной пылью, футболка в крови, локти ободраны, а на шее, под затылком… Он присел, подцепил волосы сухой палочкой и отвел их в сторону.

Как и думал, на шее темнел выбитый номер.

«I-45—10».

Мертвая баба. Чего только не найдешь в пустыне.

На всякий случай он приложил пальцы к белой шее и сел от неожиданности, когда девчонка подскочила и замахала кулаками. Энцо даже испугался за ее здоровье. Так можно было и плечо вывихнуть.

– Эй, эй, остынь! – Он поднялся и отряхнул зад. – Не собирался я ничего делать. Уймись.

Лицо I-45 опасливо вытянулось; на лбу и под носом тоже засохла кровь, на скулах темнели синяки. Губы по-детски пухлые, бантиком. Кость тонкая, как у богатых девчонок с верхних уровней. И странный взгляд. Энцо шагнул в сторону, и I-45 повернула голову следом, распахнув глазищи с прозрачными ресницами. Она как сквозь него смотрела.

– Слепая, что ли? – Энцо махнул рукой у ее носа. I-45 зло отбила ладонь.

– Дорогу смогу найти.

Спотыкаясь, она затопала к раскаленному сотнями турбин шоссе. Восходящее солнце облепило худой силуэт лучами. Штаны были коротковаты, и из-под них торчали костлявые щиколотки.

Горбились столь же костлявые плечи. Так же горбилась сестра. Энцо скривился, вспомнив. Будто вновь увидел ее живой, с той же мягкой улыбкой и полными, красивыми руками.

Он почесал подбородок. Шумно выдохнул и закатил глаза к марганцевому рассветному небу, проклиная свою сентиментальность.

– Сорок Пятая! Эй, малая, подожди.

Он догнал слепую в три длинных прыжка. Тронул за плечо, но она сбросила ладонь. Сжала бескровные губы, сверля Энцо напряженным взглядом. Упрямая. Он не любил таких.

– Ну постой же! Куда собралась, вслепую-то?

– Не твое дело, – огрызнулась она и пошатнулась от сильного порыва ветра.

Энцо снова оценил худые плечи, ноги с острыми коленками. Не дойдет же как пить дать. Не дойдет, а его потом совесть заест. Или кошмары с кишками по капоту.

– А может, мое? Давай провожу до ближайшей курии. Я иду в сторону Девятой.

Он махнул рукой, указывая на север – впрочем, прекрасно понимая, что жест остался незамеченным.

I-45 отставила ногу, готовая сорваться на бег. Ну как еще можно было ее убедить? Энцо подавил злость. Не хватало надавать слепой по щекам из добрых побуждений.

– Брата-номера бояться не стоит. Меня зови А-206. Или Энцо, так свои кличут, – рискнул он. За использование гражданских имен номерам грозило от трех до пяти лет, и он бы скорее сунул голову в турбину, чем вернулся в крио.

Но, хвала всем богам, девчонка не работала на легионеров.

– I-45, – ответила, все так же напряженно. Энцо кивнул. Вот и поладили. Хотя свою кличку она так и не сказала. Не доверяла, что ли? Или, может, не было у нее клички.

Он приложил раскрытую ладонь к ладони I-45 и пожал.

– Вместе безопаснее, – повторил и двинулся вдоль шоссе по утрамбованной ногами, протезами и годами тропе.

Солнце показало из-за горизонта раскаленный бок. Жара накатила, навалилась тяжким брюхом, несмотря на барьеры купола искусственной атмосферы. Энцо выдохнул, стер выступившие капли пота. Спустя сотню шагов обернулся.

Слепая ковыляла за ним.

* * *

К вечеру, когда жар сменился прохладой, они подошли к

автостраде. Монолитный шум распался на росчерки отдельных машин. Рокот двигателей накатывал со спины и так же быстро исчезал вместе с огнями сопел и фар. Одна машина пролетела слишком близко, и I-45 пошатнулась на воздушной волне.

– Девятая курия недалеко. Отсюда уже видно, – звучный голос перекрыл дорожный шум. Высокая тень Энцо замерла на фоне полос освещения: раскаленные добела линии прерывались очертаниями головы, темного облака волос и разлетом широких плеч.

I-45 снова почувствовала пленку чужого пота на коже. И вонь лаванды. К горлу подступила тошнота.

– По дороге будет заправка? – пришлось спросить. Терпеть больше не было сил. Но Энцо не ответил; молча взял за руку и потащил дальше.

У здания-коротышки в промзоне Девятой пахло химией и маслом. Машины глотали топливо, перекликались голоса. В отдалении что-то мерно стучало, напомнив звук упаковщика на заводе. Под куполом зоны ожидания болтали по коммуникаторам патриции. Вода шумела, разбиваясь о металлические бока.

– Смотри, куда прешь! – рявкнули из черной тени рядом. Звук гулкий, как из ангара.

I-45 вздрогнула и сжалась, готовая к удару. Сердце забилось чаще, понеслось вскачь.

Но злой голос лаял не на нее.

– Сам смотри, – рыкнули в ответ из той же тени. Магнитная подушка погрузчика перестала урчать, об асфальт звякнул металл, и кто-то шумно сморкнулся.

Похоже, марсиане. Номера с соседней планеты, почитатели бога Марса. Выполняли грязную работу, разговаривали бранью. Сильные и грубые, напичканные имплантатами.

– Что? Повтори что сказал, ушлепок!

Говорили, что боги обделили их интеллектом.

– У тебя что, на заднице глаза?..

Что они разорили Марс постоянными войнами и теперь кочевали по империи, плодясь везде, куда только пускали. Особенно на Старой Земле.

– Не видишь – я здесь стою! Не умеешь – не трожь пульт!..

Что многие из них любили драться и убивать, а самые сильные носили стальные ошейники.

I-45 встречала их редко и обходила десятой дорогой. От ненормальных фанатиков стоило держаться подальше.

– Эй! – вмешался еще кто-то с мягким, не имперским выговором. – Оба! За работу или вылетите в грязь!

Рабочие заткнулись, и гул погрузчика возобновился. I-45

вздрогнула, когда чья-то рука ухватила за локоть.

– Не тормози, – буркнул Энцо на ухо, – пока не прилетело.

Он направил ее в голубоватую прозрачную тень. Запахло мочой и окисленным металлом, под ботинками зашлепала вода. I-45 вытянула руку. Пальцы коснулись липкого пластика двери.

– Жду за углом.

Она кивнула и ступила в тесный сумрак. Хлопнула дверь, щелкнул автоматический замок, и шум заправки утих. В нос ударила вонь мочи.

Пару секунд I-45 просто стояла, опустив руки. Слушала, как рядом звонко шлепались капли, и не знала, с чего начать. Помыться хотелось целиком, но в кабинке туалета ей это не светило. Начинать стоило с малого.

Она сунула наушник с поводырем в карман, содрала майку и придвинулась к тусклому пятну света над умывальником. Протянула ладони, и на них с шипением полилась вода. Холодная. I-45 глубоко вздохнула и сунула голову под кран. В шею впились ледяные брызги – она чуть не взвыла. Вода под мостом и то была теплее.

I-45 пошарила по стене, ковырнула санитарного геля из углубления и намылилась им до пояса. Выпрямилась, ежась от влаги, что стекала по груди.

Стало легче, но ненамного.

Жаль, майку сменить было не на что. «Проще сжечь», – уныло подумала она, с омерзением оттирая и выжимая тонкую ткань. Натянула – или, скорее, налепила – ее на себя. Старалась не стучать зубами. Плохо, конечно, что она затеяла помывку вечером – солнце ушло, сохнуть предстояло долго.

Зато теперь она пахла химическим букетом геля, а не лавандой и чужими руками.

Путь к выходу из туалета оказался тернист: она приложилась головой, споткнулась и лишь после вывалилась из сырой вони в душный химический смрад и гул. Откуда-то из-за угла доносился знакомый уверенный голос. Энцо. Похоже, он говорил по коммуникатору: умолкал после каждой фразы и без особого терпения выслушивал ответы.

– Да обычная девчонка. – Он сдавленно кашлянул. – Что? Хорош, не лезь в бутылку. Белая, чистая. Номер с Десятой.

Он снова захмыкал на разные лады.

– Никого она тебе не распугает! Отмыть – так будет вообще красотка.

Щелчок зажигалки.

– Может, дня через четыре, если с экспрессом все прокатит. Высылай деньги, короче…

Деньги?!

I-45 похолодела. Он что, продать ее собрался?! Вот влипла!

Дожидаться окончания разговора I-45 не стала. Шустро зашагала вокруг здания в противоположную от Энцо сторону, пробралась между урчащих авто, измазав ладони и локти в холодной пене, и побежала к шоссе.

В какую сторону она неслась – к Девятой курии или обратно в пустыню, – она не знала. Не было времени надевать и настраивать «поводырь». Да и плевать! Куда угодно, только бы подальше.

* * *

Энцо скатал коммуникатор в трубочку и сунул его в пачку между сигарет. Подбоченился, расправил усталые плечи. Оглядел заправку и широкую ленту шоссе за ней. Пересчитал красивые и не очень тачки в очереди на заправку и помывку. Ему особенно глянулась «Кассиопея», похожая на хищного золотистого зверя. Когда-то давно Энцо довелось на такой прокатиться. Не за рулем – в багажнике, со жгутами на запястьях, – но ему понравилось. Быстро разгонялась, зверюга.

– Курить запрещено, – строго сообщили откуда-то из-под правой руки. – Тут на стене знак висит, даже марсианину понятно.

Энцо обернулся. Поднес сигарету к губам и сделал долгую затяжку, не сводя с рабочего сощуренных глаз. Тот оценил металлическую кисть, хромированные пальцы которой сжимали фильтр. Опустил взгляд на шею Энцо – на впадину над ключицей, где чернело набитое четырехзначное число. Количество дней, проведенных в тюрьме на орбите.

Может, догадался наконец, что перед ним тоже стоял не землянин.

– Хотя у туалета можно. – Он поднял руки в знак примирения. – Никто не увидит.

Энцо кивнул и вновь уставился на золотистую красавицу «Кассиопею». Ее владелец, холеный патриций, все трещал по коммуникатору. Закрепил его плоскую бляшку на ухо, а сам любовно расправлял манжеты рубашки. Этот педик не заслуживал своей тачки. Энцо сморщился и на миг представил себя в кожаном эргономичном кресле водителя. Как бы он разогнался над шоссе…

– А еще сигаретки не найдется? – Рабочий так и стоял под боком. Кивнул, когда Энцо протянул ему пачку. Щелкнула

зажигалка, табачная трубочка, стянутая прозрачной пленкой, загорелась. Теперь они курили бок о бок, любуясь на чужую работу. Бесконечный помывочно-заправочный круговорот.

У дальней станции очистки возился уборщик-марсианин с покатым лбом и пигментными пятнами на буграх мышц. Он вытащил бак с отходами, открутил шланг, поднатужился, и запечатанный цилиндр наконец вышел из паза. Металлическое днище скрипнуло по асфальту. Уборщик забросил бак на платформу погрузчика, потянулся за лентами крепления, но замер. Обернулся и сцепился с Энцо взглядом. Принюхался – широкие ноздри раздулись. Оскалил крупные зубы.

– Опять нарывается. Таких издалека видно, кто они и откуда. Даже чип проверять не надо, – знающе цокнул рабочий.

Точно не понял, с кем говорил.

Энцо молчал. Его начинало тошнить от непрошеной трескотни над ухом. Скорее бы уже девчонка вернулась. «Малая» – так он окрестил ее про себя. Ей шло такое прозвище.

– Намучился я с ними. Тупые твари…

– У них язвы на руках. – Энцо проводил оранжевый жилет уборщика взглядом. – У тех, кто работает с отходами дольше пяти лет. Ты знал это?

– Да что им сделается.

Служащий затянулся – всосал полсигареты разом, до фильтра. Выпустил дым из ноздрей и вдруг повеселел.

– Глянь-ка, – гоготнул, указав истлевшим окурком на шоссе.

Что еще?

Энцо сощурился, вгляделся в неразборчивый силуэт у трассы… И, похолодев, сорвался с места.

Глупая слепая! Мчалась прямиком к машинам, словно хотела перерезать им путь. Спешила, как на свидание. Волосы плескали белым маячком в свете фонарей, рваные полы майки развевались на ветру, и между ними белела узкая спина.

Между ней и шоссе оставалось каких-то двести шагов.

Между ней и Энцо – куда больше.

Он припустил через линии подачи машин. Перекатился по капоту некстати вырулившего авто и помчался наперерез, по комьям каменистой грязи. Кто-то лающе захохотал. Кто-то загудел вслед.

Малая, похоже, услыхала погоню – побежала быстрее, вильнула в сторону и споткнулась. Раз – нелепо махнула руками, два – вывалилась на проезжую часть. Машины огибали ее с ревом и визгом сигналов, а она металась между ними, так и норовя угодить на капот.

Одна машина едва успела уйти в сторону.

А вторая мчалась прямо на нее.

Малая сжалась и накрыла руками лицо.

Оставшееся расстояние Энцо преодолел длинным прыжком. Ухватил слепую за локоть, выдернул из потока и швырнул прочь с трассы. Фары слепили глаза, совсем близко. Энцо подпрыгнул, оттолкнулся от капота несшейся на него тачки, гулко стукнув ботинками, и бросил себя на обочину. Перекатился в придорожной пыли и развалился на спине, тяжело дыша в сумрачное небо. Перед глазами звезды плясали, тело как изнутри горело.

Вот же Марсова задница…

Энцо ощупал занемевшее плечо. Приземлился неудачно, но перелома не было. Он приподнялся и огляделся – не идет ли кто? За такие фокусы могли и морду набить. Но машины неслись дальше, сопла мелькали во тьме. Со стороны заправки кто-то кричал. Легионеров наверняка уже вызвали; стоило валить, причем быстро.

Тяжело дыша, Энцо отлепил от штанины липко-розовую мятую этикетку, брошенную кем-то на обочину. Отыскал взглядом Малую и подошел к ней, едва сдерживаясь, чтобы не отвесить оплеуху. Черт, да ей *стошло* дать разок по роже, чтобы больше таких фокусов не повторяла.

– Ты что творишь?! – рявкнул он. – Жить надоело?!

Малая подобралась, привстала на локтях. Тело просвечивало сквозь мокрую майку. Паника исказила тонкое лицо.

– Тебе-то что до меня? – Она с трудом встала и попятилась. – Чего прицепился, извращенец? Тоже на инвалидов тянет?

Вот это было неожиданно.

Энцо вытаращил глаза. Сердце налилось тяжестью, заухало от вдарившего адреналина.

– А ну повтори!

Он шагнул ближе, ухватил Малую за плечи и тряхнул. Не рассчитал силу – девчонка побелела от боли, голова мотнулась.

– *Моя сестра* была слепой! – Энцо тряхнул ее снова, так, что зубы клацнули. – Поняла? Хочешь сказать, я сестру свою хотел?! А?

– Тогда о каких деньгах ты говорил?! По коммуникатору! Я все слышала, не думай, что я…

– О деньгах на проезд, дура!

Малая ссутулилась, обмякла в его хватке. Мокрые волосы плетьми налипли на ее лицо, и Энцо разжал пальцы, проклиная свою несдержанность. На бледных, покрытых песком плечах налились длинные красные отметины, особенно яркие на правой стороне – от имплантата, заменявшего Энцо руку.

А, да пошла бы она в Тартар, эта малолетка.

Он развернулся, вспахав рыжую пыль ботинками. И чего вдруг решил заделаться работником соцслужбы? Слепые подростки-бродяжки были делом легионеров, а у него и своих проблем хватало. Слепой не нравится его общество? Лучше сдохнуть под колесами? Боги в помощь.

– Извини… – донеслось вслед. Голос Малой дрожал, звучал сдавленно, как сквозь слезы.

Энцо не хотел останавливаться. Но все же шаркнул по песку и замер.

– Прости меня. Я… Не уходи.

Он вздохнул, в отчаянии качнул головой. Быстро вернулся к Малой, ухватил за руку и потащил по обочине шоссе. Прочь от заправки.

Им стоило поймать попутку.

* * *

Энцо слишком много курил. Порой казалось, что табачным дымом воняло все. Машина тряслась и громыхала, в кузов сочилась химическая дорожная вонь, что-то звякало в багажнике. На поворотах заносило так, что приходилось цепляться за разложенное по полу тряпье. А сигарета Энцо невозмутимо вспыхивала точкой. Всю дорогу он молчал; лишь обменялся с водителем попутки парой фраз на непонятном грубом наречии. На похожем говорили рабочие в заводских подвалах.

Их подвезли только до Восьмой курии. Дальше пришлось идти пешком. Сперва по пустырю, затем по бетонной дорожке, рядом с которой низко гудело силовое поле. Энцо сказал, что по ту сторону была территория местного космопорта. Пески и камни сменились меленькой травкой, на которой было приятно сидеть. Солнце продолжало жарить косыми лучами, припекая лишь одну половину тела. Другая зябла в надвигающемся ночном холоде.

Привал они устроили только на закате, когда зыбкая пелена вокруг I-45 насытилась цветом и тенями.

– Так вот, Малая, есть вариант, – откашлялся Энцо. – Я еду в Четвертую. У кореша есть работа. Может и тебя пристроить, если я замолвлю словечко.

– Какая работа? – насторожилась I-45.

Энцо затянулся; сигарета вспыхнула во тьме светляком.

– Какая-нибудь непыльная. Ты ж слепая. Не боись, в короткой тоге не заставят ходить.

Он снова затянулся. Его силуэт пошевелился, вытянул ноги

по траве.

– Я таким не занимаюсь. Торговлей детьми.

– А я не ребенок, – поторопилась ответить I-45. Было бы здорово положиться на Энцо и принять помощь. Поверить ему. Ведь злился он убедительно – едва не сломал ей плечо.

Хотя пахнущий лавандой тип тоже пел приятно.

– Глянь-ка, – прервал ее мысли Энцо. – Челнок взлетает.

I-45 торопливо вскинула голову и, поймав себя на этом, улыбнулась. Смешно. Словно она могла хоть что-нибудь разглядеть, на таком-то расстоянии.

– Как… как он выглядит? – Она решилась спросить, шаря взглядом по сумеречной мути над головой.

– Как здоровая консервная банка, набитая патрициями, туда их в Стикс, – фыркнул Энцо. – Вот сейчас ты его услышишь.

И правда – воздух завибрировал далеким гулом.

– А сейчас он выше поднимется. Видишь огни?

I-45 подалась вперед. Впилась взглядом в пульсирующие точки света вдалеке: две пары, одна над другой. Они разгорались все ярче и вскоре слились в звезду, которая взлетала все выше. Отпечаталась на сетчатке глаз.

– Отвернись, больно же.

– Мне отлично, – еле шевеля губами, ответила I-45.

«Когда-нибудь и я взлечу так же, – подумала она. – Окажусь на борту корабля и улечу».

Она закусила травинку и обняла колени. Звезда улетела – наверное, куда-то к большому крейсеру на орбите. Ветер набросил пряди волос на лицо и шею. Его порыв принес размытый запах гари с привкусом металла.

– Есть хочешь?

I-45 мотнула головой. Хотелось взглянуть на корабли. На взлетное поле. Оказаться на орбите и посмотреть на огромную тушу Старой Земли и ее спутник. Говорили, что они круглые как шар. Луна серая, с заброшенными станциями, а Земля рыжая и выжженная. С пятнами курий в верхней части.

Энцо зашелестел бумагой, и запах гари в воздухе сменился ароматом бутерброда, одного из нескольких, которые он стащил из забегаловки на выходе Восьмой. Набил карманы на двоих – рассчитывал на себя и одну слепую девчонку.

Все-таки с ним было спокойно.

Он звал ее «Малая».

«Малая», распробовала I-45 на языке. Беззвучно, чтобы Энцо не услышал.

Ей вдруг стало ужасно совестно. Стоило только вспомнить тот побег на заправке…

– Прости меня, ладно?

– Да сколько можно извиняться, Малая?

И снова «Малая». Будто по голове погладили.

– Просто я обычно не такая.

Она запустила пятерню в волосы. В кои-то веки порадовалась, что не видит дальше собственных ресниц. Должно быть, в тот момент Энцо смотрел на нее как на сумасшедшую. Или с жалостью, что было не лучше. Она не нуждалась в жалости.

– Такая не такая – какая Марсова разница? – Бутерброд мешал Энцо говорить. Так и подавиться было недолго. – Главное, что живая и невредимая. И…

Он все-таки подавился и закашлялся. I-45 протянула руку – хотела стукнуть по спине, – но торопливо убрала ее, едва коснувшись лопаток.

Ее будто током ударило. Спина оказалась сильной, горячей, как у большого зверя. И пальцы теперь жгло, словно они тронули огонь. I-45 отвернулась, чувствуя, как жар неумолимо заливает лицо. И чего разволновалась? Грубые здоровяки никогда ей не нравились. Если честно, на мужчин она вообще редко обращала внимание.

Энцо продолжал жевать.

Вскоре совсем стемнело. Ветер принес странный сладковатый аромат. Слух обострился. Послышался вой из каньонов вдали, шепот травы. Хорошо, что они развели костер. Кто знает, какие звери здесь водятся?

Теперь Энцо скрывался за охристым пятном костра. Еще не спал – выдавал шорох одежды. «Моя сестра была слепой» – так он сказал. «Была». Интересно, что с ней стало? О себе он не рассказывал, об I-45 не расспрашивал, будто его совершенно не интересовало, с кем он делит еду и костер. Акцент выдавал в нем уроженца центральных курий, а грубость и умение выживать в дикой пустоши – простое происхождение. Загадочный парень.

И хотелось сделать еще кое-что.

I-45 мысленно проговорила заготовленную фразу и набралась смелости.

– Ты не будешь против, если я… Можно я посмотрю твое лицо? Раз мы идем вместе, и… Я бы хотела знать, с кем имею дело, и…

Странное желание, конечно. Обычно она не рвалась щупать каждого знакомого.

– Валяй.

Энцо поднялся. Прошелестела трава, глубокую синеву неба заслонила тень. Пахнуло мясом. I-45 подняла руки и тронула его лицо – осторожно, словно он мог ее укусить.

– Тебе сколько лет? – вырвалось у нее. Ей казалось, что Энцо старше, судя по низкому голосу и манере разговаривать. Но под ладонями скользила гладкая, слегка липкая от пота кожа. Крепкий подбородок, скулы, щетина.

– Сложный вопрос.

Энцо отстранился, и пальцы I-45 провалились в пустоту. Она опустила руки, чувствуя себя ужасно. Теперь точно показала себя полной дурой. Наверное, ему было неприятно. Кому понравится, когда по твоему лицу возят грязными ладонями?

– Давай спать, Малая.

Спать так спать.

I-45 улеглась на траву, лицом к костру, и закрыла глаза. Холодные порывы ветра тут же забрались под одежду. Она сжалась, чтобы не стучать зубами, но те продолжали предательски клацать. Сейчас бы пригодилось родное, пропахшее тиной одеяло, которое осталось под мостом. Должно быть, теперь грело какого-нибудь другого номера. Или покоилось под обломками, если дом успели снести.

По траве прошелестели шаги, и I-45 насторожилась.

Энцо.

Он опустился на землю рядом. Его рука легла на ее бок, к лопаткам прижалась теплая широкая грудь. Чужое дыхание пошевелило пряди на макушке.

I-45 сжалась, готовая вскочить, но больше он ничего не делал. Похоже, уснул – дыхание стало размеренным и глубоким.

Это было странно. Не то чтобы ей не нравилось греться в обнимку – ночами в степи было адски холодно. Но…

К горлу отчего-то подкатил комок.

Она хотела отодвинуться, вывернуться из-под тяжелой руки. Но впереди горел костер – откатиться к нему ближе значило опалить лицо. А шевелиться было уже лень. Перед глазами замелькали странные образы первых снов, и она уснула. Лишь в последний момент вздрогнула и ухватила Энцо за длинные пальцы.

Ей вновь почудилась пахнущая лавандой машина.

7—4

Энцо родился в грозу.

Почуяв схватки, мать выбралась из канализации на поверхность – с чего-то ей захотелось под алый закат – и легла за коробками на углу десятой и одиннадцатой магистралей. Небо жмурилось тучами, рассказывала она потом. Дрожал прозрачный пластик витрин, и коробки улетели прочь, подгоняемые порывами шквального ветра. Обычная весенняя погодка Пятой курии. Грохотало так, что уши закладывало, и никакие искусственные купола не помогали.

Было ли это правдой, Энцо не знал. Мать любила приврать. Но говорили, что те, кто явился на свет под тугие струи ливней, притягивали к себе неприятности. А в этом Энцо был мастером.

«Ваш баланс – тысяча денариев», – сообщил женский голос из автомата. Аналогичная надпись высветилась на весело-зеленом фоне экрана. Ниже выпал перечень доступных операций.

Энцо вынул руку из углубления и потер запястье с вшитым в него чипом. Работодатель не пошутил, когда сказал, что переведет ровно ту сумму, о которой договаривались. Тысяча денариев. Достаточно, чтобы купить один билет на Трансзональный экспресс и поужинать в его вагоне-ресторане.

Вот только ехал Энцо не один.

Он с шумом выдохнул и взъерошил волосы. Сам обещал Малой довезти до Четвертой курии, никто за язык не тянул. А теперь что? Попрощаться? Или вовсе не прощаться? Оставить ей двести денариев на разменной карте, а дальше каждый сам за себя. Он пытался достать билет. Он не смог, не его вина.

Но почему при одной мысли об этом становилось так паршиво?

Заметив на себе нетерпеливый взгляд патрицианки, Энцо сдвинулся в сторону и пропустил ее к билетному автомату. Мимо мчались машины, подрезая друг друга на въезде на эстакаду. Переключались полосы на проезжей части, перемигивались светофоры, яркие в наступающих сумерках. По тротуару в пятнах оберток и использованных денежных карт торопились рабочие-номера, вышагивали легионеры в экзоскелетах с клеймом имперского орла, проститутки в латексе. Из фургона под мостом вылезли рабочие в кислотно-желтой форме – четверо тощих и один высокий и здоровый. Следом два робота вытащили стройматериалы.

Малая стояла на углу, поближе к стене, чтобы люди не сшибали. Грела руки в карманах и невидяще смотрела перед

собой. Свет фонарей искрился в белых волосах, как сахарная пыль. Энцо покосился на нее и опустил взгляд на заплеванный асфальт.

Нужно было что-то решать.

На затылок шлепнулась капля, и Энцо глянул на потемневшее небо в прорези между слоями уровней. Затянутое облаками, но без дождя. Со дна верхнего уровня вроде тоже ничего не лилось – только висели сопли толстых кабелей и отростки нелегальных зданий, прилепившихся между канализационными системами.

Зато в двух этажах над головой из окна скалилась рожа с заплаткой имплантата. Марсианин. Заметив внимание к своей персоне, тот осклабился шире и изготовился для второго плевка.

На его шее была татуировка песьей морды. Увидев ее, Энцо содрогнулся. Вытер слюну рукавом и зашагал прочь.

Прошлое догоняло слишком быстро. Напомнило об одном варианте, использовать который страшно не хотелось.

– Куда же ты, псина? – Марсианин завыл, подражая диким собакам, но Энцо не обернулся. Ухватил Малую за руку и потащил мимо витрин с подделками имперских блокнотов, через густо пахнущую мускусом и уличными кебабами толпу. Свернул на рынок с его странной едой и дешевыми, паршивого качества товарами. Пробежался вдоль ряда с подержанными имплантатами, протиснулся между магазинчиками и выбрался под сваи жилой колонны. Она светилась окнами жилья для бедняков. Еще выше, в сотне этажей к небу, покоился уровень патрициев. Там жужжали дорогие машины, гремели празднества, которые устраивала фламиника Юпитера, мерцали вывески клубов и ресторанов.

В сырость и мрак у канализаций патриции не сворачивали. Шаги отозвались эхом от исписанных граффити стен. Пахло мочой, гнилью и химией отработанного топлива, под ногами шуршал мусор. В арке у стены притулился седой, как пыль, но все еще крепкий дед. Из тьмы блеснули огоньки окуляров.

Энцо направился к нему, без лишних слов снял куртку и задрал рукав футболки. С плеча оскалился выбитый синей тушью пес.

Дед смерил татуировку взглядом – окуляры, заменявшие ему глаза, вспыхнули ярче. Так же внимательно осмотрел Малую (с потерянного выражения лица до бледных острых коленок) и самого Энцо (с потертых ботинок до небритой рожи). Подумав, все-таки поднялся с табурета и стукнул в неприметную дверь за своей спиной. Дверь приоткрылась, повеяло сточными водами и жареным мясом.

Энцо завел Малую внутрь и шагнул следом.

Дверь за ними закрылась.

Тоннели подземного города не походили на по-солдатски прямые улицы наземной части курии. Когда-то давно канализация состояла только из коммуникационных линий, но атмосфера истощилась, места под искусственными куполами осталось немного, и жизнь на поверхности заметно подорожала. Номера перебрались под землю. Превратили канализацию в настоящий лабиринт – спьяну нужной дороги точно не найдешь. Сенат их не трогал; посчитал, что номерам под землей самое место. Они помогают курии выгребать дерьмо и не воняют на поверхности – что может быть лучше? При любом подозрении на бунт им просто вырубали энергоснабжение и проводили зачистку. Кто-то гнал, что так было в Пятнадцатой. Не стоило давать легиону повод.

Энцо с Малой спустились по сбитым ступеням. У подножия лестницы протиснулись мимо одетых в кожу «Псов Свободы». Те передавали по кругу дозатор с зеленоватым клик-препаратом; по очереди кололи его в жилистые запястья, под татуировки песьих морд.

Уровнем ниже шумела толпа. Под куполом шел бой, один из многих, которые проходили в канализациях каждой курии. Любимое развлечение плебса – смотреть, как один здоровяк бьет морду другому. На ринге месили друг друга белый лысый номер и темнокожий марсианин с биометаллическими ногами. Эти имплантаты Энцо отметил особо: они начинались от колен, мощные, с когтями вместо ступней. Хорошие образцы, так просто не раздобудешь.

Темнокожий прыгнул и захватил щиколотку белого когтями. Белый заорал, на песок брызнула кровь. Зрители заорали в унисон, в воздух полетели обертки от соевой жратвы. Рядом с ухом просвистел локоть соседа – тот что-то возбужденно кричал, не отрывая глаз от боя. Энцо поморщился. Когда-то ему тоже нравилась Арена. Даже дрался, было дело. Теперь тот бешеный «пес» казался чужим и далеким. Совсем другой человек.

Энцо покосился на Малую. Та хмурилась и вздрагивала, когда зрители ревели особенно громко. Казалась совсем не к месту в этом бардаке. Он затолкал ее в более-менее свободный угол, подальше от ринга, и огляделся. Вроде на них никто не смотрел, пристать не должны.

Пара минут еще никого не убила, верно?

– Жди здесь, я скоро буду.

Малая послушно кивнула, пряча глаза. Вот и умница.

Оставив ее, Энцо продрался сквозь толпу. За рингом, в

душном, обитом дешевым пластиком кабинете выпивал Аларих – легко узнаваемый, несмотря на прошедшие годы. Когда-то крепкий, а теперь рыхлый от возраста, он выделялся на фоне собравшихся «псов». В зубах дымилась сигарета, грозя поджечь усы и кудрявую рыжеватую бороду. На пальцах блестели перстни. Натуральный патриций, хоть и опустившийся; при деньгах, со связями.

Энцо шагнул за порог и остановился, когда к виску прижалось холодное дуло.

Аларих поставил бутылку. Парень по правую руку от него – Егерь, так его звали – оскалил десяток наточенных металлических зубов. По левую руку дохнул дымом Пятый. Еще один наемник.

Эзопа, старого друга и предводителя «псов», видно не было. Энцо зря искал его взглядом.

– Дружище! – Аларих вдруг расплылся в улыбке. Дуло пушки убрали от виска. – Сколько лет, сколько зим. Семь, если я не ошибаюсь?

Он не ошибался.

– Не думал увидеть твою марсианскую задницу снова. Но стая рада приветствовать брата.

Собравшиеся закивали, и Энцо нехотя салютовал в ответ. Вести переговоры со старым патрицием он не рассчитывал. От Алариха за световой год несло ложью.

Но перед крио Энцо взял на себя часть чужих грешков. А долги полагалось возвращать.

* * *

Что Седьмая курия – Тартар наяву, стало понятно сразу. По тому, как все кругом смердело, как толкались прохожие. Капли конденсата с труб шлепали по лбу, заставляя морщиться. Пахли ржавчиной. Шумели автострады – сверху, снизу, по всем сторонам, во всех направлениях. Казалось, они с Энцо попали на огромное, нескончаемое шоссе. На перекрестках I-45 втягивала голову в плечи, боясь, что какой-нибудь из огней сейчас размажет ее по опорам верхних уровней. Влетит и не заметит. Мгновенная смерть. Но Энцо держал ее руку крепко. Уверенно тащил вперед, по лужам, мимо звенящих колокольцами бродячих торговцев, сквозь жирный смрад закусочных. Повсюду слышались незнакомые наречия и странные голоса – гортанные и цокающие, шипящие и крикливо-высокие. «Словно за яйца подвесили», – фыркнул Энцо, когда один такой взвился прямо у них над ухом. I-45, конечно, не знала, как разговаривает подвешенный за яйца, –

и разговаривает ли вообще, после такого-то, – но посмеялась от души.

Ее смех быстро затерялся в гуле, грохоте и стуке.

Седьмая кишмя кишела любителями халявы с окраин. Все хотели перебраться поближе к центру, собратья I-45 по мечте. Но на их пути лежала зона отчуждения – полоса земли между защитными куполами Седьмой и Шестой курий. Пересечь ее можно было только одним путем – на экспрессе, билет на который стоил дорого. Многие приезжие искали работу, легальную и не очень, копили, да так и оседали в Седьмой. Некоторые теряли терпение и пробовали перебраться через зону пешком.

Их даже не останавливали: до цели все равно никто не добирался. Шестьсот стадий – нешуточное расстояние, если бежишь в разреженном воздухе, а тебя жарит радиация. Рассказывали, что тела потом собирал специальный робот-уборщик. Собирал и отвозил в хранилище там же, в зоне.

Все это I-45 узнала, сидя за ларьком быстропита на углу мотеля. Энцо устроился рядом, жуя кебаб. Самой есть не хотелось – дух масла, вонь топлива и собственного грязного тела отбили аппетит напрочь.

Тем вечером Энцо вел себя странно. Ходил напряженный, говорил редко, чаще огрызался. Затем повел в какие-то подвалы. Лестница сменялась лестницей, кругом делалось все темнее, люди толкались и кричали. Громко играла музыка. И Энцо ушел. Не нашел лучше места, где оставить. Так и не сказал, куда отправился, а I-45 не спрашивала, хоть и боялась до дрожи. Не могла отделаться от мысли, что он не вернется, и сразу же стала просчитывать варианты, чем она могла прокормить себя в Седьмой.

Кроме собственных органов и тела на ум ничего не приходило.

Пару минут (хотя казалось, что целую вечность) она просто стояла у стены. Вслушивалась в гомон, крики и вой. Звуки ударов. Холод расползся по коже, тени людей и предметов плыли в световых сполохах. Не выдержав, она села и уткнула лицо в ладони, унимая растущую панику.

Нужно было собраться. Готовиться к возможному самостоятельному путешествию.

Путешествию куда? Зачем?

– Юпитер всемогущий… – прошептала. Подумать только, какую-то неделю тому назад собиралась покрыть все расстояние до центральных курий в одиночку. Бравая слепая Сорок Пятая, ха. Да если бы не помощь Энцо, она бы погибла еще тогда, у шоссе.

Оказалась еще беспомощнее, чем думала…

Снова почудилось жужжание – как гул высоковольтных проводов, только на изнанке черепа. И бормотание далеких голосов, как из трубки коммуникатора. В висках начало колоть. I-45 мотнула головой, силясь вытряхнуть странные звуки из головы. Слишком много электроники, она чувствовала каждую мелочь. Хаос сигналов навалился так, что даже затошнило. Раньше было не так громко, и это пугало. Может, она заболела? Подцепила какую-нибудь инопланетную дрянь… Говорили, от одной сходили с ума за день. Сначала чудились голоса, потом у предметов цвета менялись, а после из носа шла кровь и все – мгновенная смерть.

I-45 оцепенела, когда рядом кашлянули.

Она что, была не одна?

В полумраке закутка качнулась едва различимая тень – кто-то сидел у стены. Рядом с тенью светился прямоугольник. Блокнот. У него батарейка садилась, машинально отметила I-45. Сигнал был слабым.

– Что крошка забыла в этом гадюшнике? – поинтересовался женский голос. – Не страшно тебе?

Страшно, конечно. И больше всего пугала эта самая женщина. Когда успела подобраться?

I-45 не ответила ничего – мама учила не говорить с незнакомцами, а случай с лавандовой машиной отбил это желание окончательно.

– Как насчет сыграть? Выиграешь раз – дам триста денариев. Выиграешь дважды – четыреста. А? Как?

Нашла дуру. I-45 нащупала в кармане разменную карту, которую оставил Энцо. Двести денариев. Больше и не требовалось.

– Чего не отвечаешь? Гордая?

– Не гордая, а слепая.

На, получи. Как ты будешь играть с тем, кто не видит?

Но женщина только рассмеялась.

– Что, прям совсем слепая?

– Почти.

– А у меня и для «почти» игры есть. Тебя как звать?

– Малая, – брякнула I-45, не подумав. – И денег нет у меня.

– А мы без денег. Просто так. Скучно мне.

Ну раз просто так… Все равно нужно ждать Энцо. Как он ее найдет, если она уйдет в другое место?

I-45 нехотя кивнула, и у ее ног лег блокнот. На экране зажглись шестнадцать крохотных пятен.

– Видишь цвета?

I-45 снова кивнула.

– Смотри. – Над экраном пронеслась тень руки, и квадраты окрасились разными цветами. Запахло спиртом и кислым дыханием. – Нужно запомнить расположение красных и повторить. Поняла?

Что могло быть проще? Красные пятна выделялись на общем фоне, как сигналы светофора. А память у I-45 всегда была хорошей.

В похожую игру она играла с мастером на заводе и почти всегда выигрывала.

– Делай ставку, Малая.

Блокнот рассыпался новой порцией цвета и окрасился белым.

– Эти, – I-45 по очереди указала на нужные пятна. Тень чужой руки снова пронеслась над экраном, и указанные ячейки зажглись алым.

– Да ты прям пифия! Давай еще разок.

Энцо не вернулся, заняться было нечем. Чего она теряла?

Блокнот вновь сменил цвет, теперь быстрее. I-45 едва успела пересчитать глазом все алые пятна. Она даже вошла в азарт, так захотелось угадать нужную комбинацию. Когда экран вновь стал белым, она прислушалась к своим ощущениям и отметила нужные.

– Ты уверена?

В голосе женщины звучала улыбка, но почему-то казалось, что выбор верен на все сто процентов. Какое-то десятое чувство, где-то на подкорке.

– Да.

– Ну смотри.

Экран мигнул. Снова угадала. I-45 довольно улыбнулась.

Проще простого.

– Смотри-ка! – расхохоталась женщина. – Такого я еще не видела. У тебя там нейропорта не стоит? А то вдруг ты лютый хакер, дуришь мне голову.

I-45 почувствовала прикосновение к своему затылку и отстранилась. Нейропорта у нее не было, ни обычного, ни дистанционного. Она просто чувствовала, куда нажимать, и все тут. Ничего особенного. Машины всегда были ближе, чем люди.

И машины не лезли к ней с руками.

Женщина забрала блокнот себе. Тот пискнул, перезагрузившись.

– Сыграй-ка еще.

– Нет, спасибо.

– Ну давай, разок.

– Нет, я не…

– Чего сидим, кого ждем? – их прервал резкий голос. Сорок Пятую накрыла тень. – Мне что, самому клиентов окучивать? Давай в зал.

– Это Егерь, мой старый друг, – снова прикосновение, на этот раз к плечу. I-45 поджала губы. – Не обращай внимания. Вечно кислый, как ваго с Антареса…

– За базаром следи, – оборвал Егерь.

– Не злись, деточка. Лучше глянь, какая у нас звезда объявилась. Все угадывает.

– Опять с портом?

– А вот и нет! Давай, Малая, покажем ему.

Игра слишком затянулась, но I-45 все-таки кивнула. Даже почувствовала какую-то глупую гордость за свою способность. Чужое внимание льстило.

Вновь замигали цвета, на этот раз так быстро, что I-45 не успела моргнуть. Она ткнула в квадраты, и те вспыхнули; снова верно.

– Глянь на экран. Видишь это? – подал голос Егерь. Он обращался к женщине, и I-45 торопливо убрала руки от блокнота – вдруг что-то сделала неправильно? Но ее грубовато толкнули в плечо.

– Не-не, ты продолжай. Как у тебя это выходит?

– И правда. Как при взломе, да? – Женщина подсела ближе, прижалась боком. – Смотри сюда.

– А я про что.

Да что случилось?! Егерь подтолкнул еще раз. I-45 часто задышала и нехотя взяла пластину блокнота. Они ей не нравились, совсем не нравились. Ни Егерь, ни женщина, ни блокнот. Хотелось бросить все и убежать.

Пальцы защекотало – совсем как тогда, в машине. Экран вдруг замерцал и потемнел. Запахло паленым.

– Ой, – только и смогла сказать I-45. Да что с ней творилось?

На этот раз никто не смеялся.

– Ты что сделала?!

– Извините, я не знаю… Что-то нажала… – пробормотала I-45. Она поднялась на ноги и попятилась.

– Извините?! Да ты мне блокнот сломала!

– Одним извините сыт не будешь, – согласился Егерь с другого бока. Загнали в угол. И никуда не скроешься, не убежишь – сразу догонят…

I-45 вытащила из кармана разменную карту и протянула на вытянутой руке.

– Вот, – сказала она, стараясь держаться как можно спокойнее. – Это все, что у меня есть.

Карту выхватили. I-45 хотела уйти, но запястье стиснула большая рука.

Егерь. Крепко держал, не вырваться.

– Думаешь, этого хватит? – Его голос раздался совсем близко. I-45 почувствовала странную тяжесть в глазницах. На миг даже увидела себя со стороны – белый силуэт, испуганное лицо. Похоже, вместо глаз у Егеря были окуляры.

– Отпустите!

Крик потонул в общем вое, донесшемся от ринга. I-45 попробовала освободиться, вцепилась в его пальцы.

Егерь фыркнул.

Фыркнул! Ему было смешно, как она, беспомощная, билась в его хватке!

I-45 накрыла глухая злость. Чтоб он подавился, гад. Чтоб окуляры перегорели.

Кольнул заряд. Егерь вскрикнул, разжал руку. Раз – и его силуэт исчез. Донесся звук упавшего тела. Вскрик женщины.

I-45 бросилась прочь. Быстрее, пока Егерь не пришел в себя.

Она даже не хотела представлять, на что он будет способен, когда очнется.

* * *

– Готово, Малая! Теперь на вокзал.

Энцо торжествующе махнул пластиковыми картами и лишь затем понял, что фигура, притулившаяся в углу, была куда крупнее Малой. Баба подняла голову и уставилась на него черными от «псиона» глазами. Бритая наголо. Потасканная, как униформа, в которую была одета.

Энцо огляделся. Малой видно не было.

– Тут девчонка сидела. Не видела?

– Неа.

Она врала. Энцо чуял запах Малой на ее одежде.

Он оперся на мусоросборник и склонился ниже. Баба взирала на него спокойно.

– Где слепая?

– Какая слепая? – Она оценила номер, выбитый на ключице. – Не знаю, крио, о чем…

– Не ври мне! Куда она пошла?

– Без понятия. Убежала! – рявкнула баба в ответ.

А глаза так и бегали. Нехорошо, очень нехорошо. Энцо нахмурился и только собрался поговорить по-плохому, как за спиной раздался знакомый голос.

– Она блокнот сломала, ты в курсе?

Энцо обернулся.

Егерь. Служил Алариху давно, был самым верным из его «псов» – посыльным, охранником и лучшей шестеркой. Рябой и рыжий, со столь же рыжими пятнами на коже, острыми стальными зубами и парой окуляров вместо глаз. Левый почему-то не работал. На шее золотился ошейник. Энцо отметил усилившийся рельеф плеч под курткой; ноги под штанами тоже вздувались буграми. Похоже, со времени их последней встречи Егерь успел улучшить тело новыми имплантатами.

Заметив подошедшего «пса», баба оживилась. Вытащила из-под куртки панель блокнота и сунула ее Энцо под нос. Та была явно сломана и мигала диковинными цветами.

– Вот да. Кто будет за него платить? – она осклабилась. – Может, ты?

О чем они вообще толковали? Энцо нахмурился. Эта баба что, играла с Малой на деньги? С безнадежной слепой, которая даже пару шагов не могла пройти ровно, вечно спотыкалась…

Мразь.

Энцо ухватил бабу за ворот и приподнял над полом. Сунул пальцы в нагрудный карман куртки и вытащил разменную карту. Как он и думал, та пахла Малой.

Он будто держал не пластик, а тонкие белые пальцы.

Ярость заволокла глаза. Рука нанесла удар прежде, чем он успел подумать. Кулак окрасился кровью, баба завизжала.

– Эй-эй, Двести Шесть! – Егерь захватил его за шею и оттащил. – В руках себя держи! Она своя.

Энцо сплюнул, задыхаясь от ненависти. Свои так себя не вели.

Разборки он оставил на потом – времени было мало – и кинулся через толпу у ринга. След Малой вел к автомату с водой, где становился сильнее и нитью поднимался по выщербленной лестнице. Дверь наверху заело; она застыла на середине проема, мерцая аварийными индикаторами. Из мокрой тьмы двора доносился чей-то хриплый смех и болтовня. Деда видно не было.

Энцо протиснулся в кривую щель и остановился. С досадой прикрыл глаза. Правильно говорила мать: рожденные в грозу всегда притягивали неприятности.

– Куда же ты пошла?.. – пробормотал, осматривая закуток.

След увел вдоль автострады, в гущу центральных улиц, где работали подъемники на верхний уровень. Энцо ступил на двигающуюся платформу, и напирающая толпа притиснула его к решетке ограждения. Дрожа, платформа поползла вверх, прочь от смрада нижних кварталов. По мере подъема стали видны огни

рынка, светящиеся полосы дорог, расчерчивающие муравейник трущоб вдоль и поперек. По ним жужжали светляки автомобилей. Вдалеке непристойно алела башня лупанария с девицами всех сортов за стенами прозрачных ячеек.

Вскоре обзор закрыли конструкции опор верхнего уровня. Платформа поравнялась с тротуаром, остановилась, и поток людей вынес Энцо на площадь.

Здесь запах Малой потерялся окончательно.

В отчаянии Энцо взъерошил волосы и развернулся кругом. Мимо торопились патриции с охраной, номера и роботы-мусоросборщики. Стояли такси с призывно поднятыми дверцами. Площадь обступили густо-синие, словно наполненные водой высотки. В небе между ними мерцала назойливая реклама, под которой летали точки легионерских дронов. В отдалении, у белых стен храма, толпились попрошайки и номера с банками вечного огня. Из динамиков за колоннами рвались песнопения, тягуче разливались в воздухе над царящим на площади хаосом. Чистые голоса накатывали, умолкали и накатывали вновь, совсем как урчание морозильной установки в подготовительном отделе криотюрьмы. Там тоже было темно и влажно. А после пришел удушающий холод.

Энцо спрятал озябшую руку в карман. Задумчиво посмотрел на металлические пальцы второй, натянул капюшон и двинулся к вышке у пустого фонтана. Привалился к ее боку и принялся ждать. Старался не светить лицом перед камерами.

Рядом заливисто рассмеялась девушка, ветер принес сладкий шлейф духов. С другой стороны вышки кто-то хрустел лепешкой с завернутой в нее колбаской; запахло чесноком. В животе заурчало, и Энцо с легкой тоской вспомнил обеденное мясо, умятое за мотелем. Мысли перетекли на экспресс, который отправлялся через три часа. Он поежился. Стоило поторопиться, или их шанс выбраться в Четвертую грозил угодить прямиком в Стикс.

Заслышав тихое жужжание, он глянул наверх из-под края капюшона. Подпрыгнул, на миг очутился над толпой и схватил полосатую тушу легионерского дрона. Тот принялся вырываться, вращая камерами, но Энцо быстро вывел из строя и камеры, и крылья. Сунул дрон под куртку и помчался с площади под встревоженные крики свидетелей.

В паре кварталов он остановился. Стащил зубами перчатку. Пальцы имплантата раздвинулись на фалангах и выпустили тонкие нити датчиков и манипуляторов. Те гибко ввинтились в бело-синее брюхо дрона. Энцо привычно сломал защиту и подключился к данным видеонаблюдения. Ничего не изменилось.

Программы информационного щита остались теми же, что и семь лет тому назад. Империя любила экономить на системах общественного наблюдения.

Дрон мигнул индикатором, заурчал, и в память Энцо потекли видеоданные за последние часы.

Именно за такие фокусы он однажды загремел в тюрьму. И, похоже, рецидив не заставил себя долго ждать.

* * *

По привокзальной площади сновали люди, много людей – I-45 не нашла лучшего пункта назначения для наушника-поводыря. А куда еще идти? Они же собирались уезжать, значит, на вокзале Энцо появится точно. Небо над Седьмой курией почернело, зажглись огни фонарей. Один светил прямо на I-45, выделяя ее, как на витрине. Она даже порадовалась. Если что, Энцо не пройдет мимо.

Если вообще станет ее искать.

I-45 лязгнула зубами – скорее от страха, нежели от холода. Тронула наушник, и шум толпы утонул в глубоких басах электронной музыки.

Что же все-таки произошло? Нет, иногда и дома бывало, что лампочки взрывались, стоило понервничать. Но чтобы так?.. Управлять программой и спалить блокнот? Отправить кого-то в обморок? I-45 закусила губу. Может, и с тем патрицием в машине вышла не случайность. Она же чувствовала имплантат в его голове.

Ее накрыла высокая тень, и I-45 сощурилась. Выключила наушник.

– Энцо?

Некто присел рядом на скамью и положил одну руку на спинку. Чужие пальцы коснулись плеча.

– Кто такой Энцо? – осведомился незнакомый мужской голос.

– Нет, я не… Я жду кое-кого, – промямлила I-45, растеряв последнюю уверенность. Она сдвинулась на край лавки и уставилась на снующие по площади тени. Наверное, стоило уйти и не дожидаться очередного конфликта. И куда девались слова, когда были так нужны? Ее уже тошнило от собственной беспомощности и постоянного бегства. Жалкая, тощая слепая, с тихой ненавистью подумала она. Тело номер Сорок Пять.

– Мальчик, ты тут сидишь уже несколько часов.

– Я не мальчик! – огрызнулась I-45.

Сосед умолк. К сожалению, ненадолго.

– Ты не замерзла?

Продрогла немного, но I-45 скорее откусила бы себе язык, чем сказала об этом.

– Я живу неподалеку. Не хочешь прогуляться?

– Нет.

– Что?

– Нет, говорю.

О боги, помогите. Снова бежать не было сил.

– Но у вокзала оставаться опасно. Если тебе некуда идти, мы могли бы…

– Могли бы что? – его оборвал знакомый низкий рык. – Пшел отсюда, урод.

Судя по звуку, приставучего соседа вытолкнули с лавки.

И ударили.

– Да что ты себе позволяешь?! – заголосил он. – Да как ты смеешь?!.

I-45 вскочила, не дожидаясь, пока на крик сбегутся все имперские легионы. Энцо жадно ухватил ее за руку и потащил вперед.

– Марсовы извращенцы… – рычал себе под нос, продираясь в гуще народа. Его металлические пальцы сжимали запястье слишком сильно, но I-45 не жаловалась. Спотыкалась и старалась не отставать.

– Как ты меня нашел? – крикнула она через нарастающий гул толпы.

– Ты в порядке? – вопросом на вопрос ответил Энцо.

– В полном.

– Точно? Он ничего с тобой не сделал? Не говори со всякими паскудными номерами, поняла меня?

I-45 кивнула и охнула, с разбега влетев в его плечо.

Они словно уперлись в стену. Живую изгородь тел, спрессованных у входа на территорию Трансзонального вокзала.

– Иди рядом, – велел Энцо, проталкиваясь впереди. Хотя в такой давке I-45 не потерялась бы даже при сильном желании.

– Подайте, прошу… – сказали на ухо.

– Деньги есть? – хрипло проговорили с другой стороны.

– Билетик, один билетик…

I-45 закашлялась, когда ей дохнули едким дымом в лицо.

– Малыщка, – пробасили со странным говорком. – Не хочещ слехка развлещся?

– Анупшелвонмля! – рявкнул Энцо, и едкий дым развеялся, словно его и не было. Пару раз по штанам скользнули паучьи лапы карманников. Где-то молотили по решетке – судя по звуку, железкой. I-45 отчаянно не хватало воздуха. Она даже принялась

дышать ртом – мерно, считая про себя.

Раз, два…

– Десяток денариев, всего десяток…

…Пять, шесть…

– Куда прешь?!

…Семь, восемь…

– У меня маленький ребенок, ему нужно лечение! Прошу, добавьте на рейс…

…Десять, одиннадцать…

– Потерпи, почти дошли, – процедил Энцо, и I-45 кивнула. «Все отлично», – хотела сказать, да в горле пересохло. А после уже было поздно.

Она выпала в пустое пространство и с размаха ткнулась грудью в воротца турникета.

– Ваши билеты и чипы, – сказали ей. Тон вежливый, голос безразличный; девушка-контролер явно устала от смены в гуще вокзального бардака. I-45 задрала рукав куртки и вытянула руку вспотевшей ладонью вверх. Вздрогнула, когда экран сканера коснулся запястья. Сверкнул луч.

– Номер I-45, Десятая курия, – с легким удивлением сказала контролер, и I-45 похолодела. Она даже не знала, что ответить. Что-то пошло не так?

– Номер, и даже два. Какие-то проблемы? – вмешался Энцо. I-45 немного успокоилась, когда он взял ее за руку. Стало не так страшно.

– Нет, простите. Просто господа с… номерной регистрацией редко пользуются услугами нашего экспресса.

– Теперь будут чаще. Там, в Десятой, лотерея прошла в честь цереалий. Столько народу выиграло… – Он присвистнул. – Закачаетесь. Сажать некуда будет.

– Приятно это слышать, – промямлила контролер. Рядом с ее силуэтом вспыхнул зеленый сигнал, и Энцо легонько подтолкнул I-45 за турникет.

– Прошу вас, поднимите руки… – донеслось откуда-то спереди.

Энцо витиевато выругался.

– Досмотр, – прошипел. – Твою же, забыл…

Он подался за I-45. Ладони легли на ее талию, поставили ровно перед собой.

– Сейчас… Иди прямо, не крутись.

– У тебя что, с собой что-то есть? Ты же знал, куда мы идем… – глупо переспросила I-45.

Она шагнула вперед, и голос легионера зазвучал ближе.

– Малая, – шепот Энцо обжег ухо, – я ж не хочу, чтоб нас с

тобой раздели в какой-нибудь подворотне. Опасно с пустыми руками-то.

I-45 невесело усмехнулась. Вот, оказывается, что стоило брать с собой из дома; не одежду и даже не наушник с поводырем. Нужно было выменять нож у соседа под мостом. С другой стороны, за ношение оружия номерам полагался тюремный срок…

– Следующий!

Что-то тихо звякнуло и откатилось. Энцо толкнул I-45 вперед. Она сделала шаг, уперлась в ворота пропускного пункта и подняла руки, повинуясь инструкции электронного голоса.

– Везете ли вы с собой оружие? Клик-препараты? – осведомился легионер, дохнув гарумом и луканской колбаской. I-45 качнула головой. Наверное, со своими синяками и дрожащими пальцами она выглядела очень подозрительно. Чувствовала себя настоящей обманщицей. Казалось, что с минуты на минуту к ней подойдут и выведут обратно в чад и крики привокзальной площади, где ей было самое место.

Но никто ее не вывел. Они с Энцо оказались в здании вокзала, светлом и бесконечном, судя по гулявшему эху. Фильтрованный воздух наполняли сладкие, вкусные запахи, в термополии неподалеку звякали чашки и вилки. Стоял ровный гул голосов; высоко под куполом носилось эхо объявлений о готовящихся рейсах.

I-45 наконец захлопнула рот. Она словно попала в иное измерение – из душной Седьмой прямиком в рай для патрициев.

«Трансзональный экспресс до курии Четыре отправляется с пятого пути. Приятной поездки».

Энцо нетерпеливо потянул ее за руку, и I-45 поспешила следом. Теперь ботинки скользили не по грязи, а по гладкому камню. Запах выпечки сменился столь же неземным ароматом духов. Кругом распускались цветные огни, звучала тихая музыка, бормотали новости на общегалактическом – I-45 узнавала отдельные слова из потока речи, выучила кое-что за время работы на заводе.

У экспресса стоял странный шум, словно под напряжением гудели сотни, тысячи проводов. Энцо дошел до конца платформы и затолкал I-45 в вагон: через выступающую подножку, по узкому коридору, где ноги утопали в податливом бипреновом напылении, прямо в купе. Щелкнула дверь, и гул двигателей поутих.

– Это вышло случайно, – вырвалось у I-45, когда Энцо, вздохнув, опустился на сиденье напротив. – Я не хотела сбегать.

– Знаю.

Теплые пальцы ухватили ее руку, перевернули ладонью вверх, и кожу что-то кольнуло. Угол пластиковой карты, поняла I-45.

– Нет, мне не нужно. – Она протянула карту обратно, но Энцо был непреклонен. Пришлось сунуть ее в карман.

Экспресс тронулся. I-45 привалилась плечом к вибрирующему боку вагона. Снаружи что-то мелькало, порой яркое, порой темное. Вдали тянулись световые линии магистралей, число которых становилось все меньше.

Перед зоной отчуждения настроение резко упало. Состав втек в иной мир, над выходом из купе загорелась красная лампочка. Находиться в коридоре во время прохождения земной атмосферы было крайне нежелательно – только в туалет и обратно. В случае аварии и разгерметизации салона двери автоматически блокировались до прибытия службы помощи.

А кто не успел, тот опоздал, сообщил приятный и веселый голос из динамика у потолка.

Купе заливал багряный пульсирующий свет, от которого стало неуютно и тревожно. На ум лезли жуткие версии аварий – как поезд с железным визгом сходит с путей и заваливается набок. Как стекло трескается, впуская жаркий, зараженный радиацией воздух. Или выскочившего в туалет Энцо блокирует в коридоре. I-45 представила, как он будет метаться между бронированными перегородками, а она будет стучать ему из относительной безопасности купе… Подземные духи всегда преследовали ее, уносили близких людей прямиком в Тартар.

Она потерла щеку; та горела и чесалась. В купе вдруг стало нестерпимо душно.

– У меня родители недавно умерли, – вдруг сказала она.

Энцо невнятно хмыкнул в алой темноте.

– Они не были моими настоящими родителями, знаешь? – добавила I-45 после недолгой паузы. – Нашли меня или что-то в этом роде.

На сей раз не последовало даже хмыка. Должно быть, Энцо не захотел слушать ее болтовню и уснул.

I-45 скривила губы и уставилась в марево за стеной. В памяти всплыл бесстрастный голос и скупо отмеренные слова легионера, который навестил поселение под мостом за неделю до смерти мамы. «Надзирающий Отдел Управления Десятой курии», – сказал он тогда.

«Встать в центр комнаты, руки поднять».

Номера всегда подвергались особенному вниманию как нестабильные и склонные к насилию. Стучали выдвигаемые ящики, шуршало вывернутое на пол белье, звенела посуда. А I-45

стояла, поддерживая мать за морщинистую и странно легкую руку. Словно полую кость обтянули шершавой прохладной кожей…

Глаза защипало от слез, и она торопливо зажмурилась. Ткнулась затылком в мягкую спинку сиденья, сложила руки на груди и провалилась в тревожный алый сон.

* * *

За прозрачной стеной купе проносились долгие стадии красных песков. У горизонта они смыкались со столь же кровавым небом. Тусклый пятак луны едва пробивался сквозь туман с рыжей взвесью. Его свет выхватывал торчащие то тут, то там остовы древних небоскребов и брошенных установок. Вдали блестели воздушные купола действующих шахт. Как пузырьки в воде.

Издержки – в графе с именно таким названием Служба Контроля отмечала убывших рабочих, освобождала регистрационные номера и присваивала их кому-то еще. Новому родившемуся муравью. Энцо даже не знал, что было хуже: когда папаша сбегал (как, например, сделал его собственный) или когда любимого отца, кормильца семьи, заливало радиоактивной водой в шахте, после чего добывающая компания отмечала эту смерть как месячную «издержку».

Энцо глянул на бледное и узкое лицо слепой. На скуле размазанная кровь, разбитый нос распух, старый синяк под глазом уже начал светлеть. Заметив, как дрожат ее пальцы, Энцо недовольно цыкнул, снял куртку и набросил на тощие плечи. Тронул белую щеку.

Прохладная.

И мягкая, покрытая детским пушком.

Энцо оперся на кулак и вновь уставился на пропитанную радиацией равнину.

Должно быть, Малая тоже родилась в грозу. Потому ее и забыли на улице.

Энцо в глазури

– Булочная?!

Они сидели на людной, залитой светом улице. Не за столиком кафе, конечно, а на ступенях крыльца. Но жевали восхитительно мягкие булки, с которых на укрытые бумагой колени сыпалась сахарная пудра. Булки для патрициев – слишком дорогие для номеров, но Сорок Пятой и Энцо выделили четыре порции в честь новой работы.

Всюду слышались голоса: протяжная, высокая речь патрициев, электронное кряканье автоматов для чистки обуви, крики зазывал-номеров. Рокотали автомобили. Из булочной за спиной тянуло мукой и ванилью.

– Ну да. А ты чего хотела?

– Я… Я думала, что ты…

– Ты думала, я со своим имплантатом пойду воровать и чипы кодировать, да? – Энцо хмыкнул. – Я с этим завязал, Малая.

I-45 еще больше захотелось расспросить его о прошлой жизни. Сотни вопросов так и вертелись на языке. Кто он? Откуда? Чем занимался раньше? Но этот прекрасный день не хотелось портить плохими воспоминаниями.

Почему-то казалось, что у Энцо могли быть лишь такие.

Пальцы тронули ее подбородок, мазнули у уголка губ.

– У тебя сахар налип.

I-45 ударилась в жар. Сидела с грязным лицом, вот же… Она отвернулась и тайком вытерла рот. Место прикосновения горело.

Энцо поднялся со ступеней – широкоплечая тень заслонила небо. Зашуршал смятый пакет. Сорок Пятая неловко встала следом, рассыпая липкую пыль с коленей. Пальцы тоже слипались от растаявшей пудры.

– Наверное, я вся в нем, да? – пробормотала она и смутилась, услышав смех Энцо.

– На тебе не заметно. Ты сама как сахар.

И что ответить на такое? I-45 нащупала перила и заторопилась обратно в булочную.

Иногда казалось, что это происходило не с ней. Что совсем не ее взяли на работу на верхнем уровне Четвертой курии, дали денег и комнату в общежитии. И совсем не ее опекал сильный и добрый парень, похожий на бродячего пса.

Такого счастья она не испытывала никогда. Лучшие дни ее жизни.

* * *

Иногда Энцо ловил себя на мысли, что проживает лучшие дни своей жизни.

В булочной на Тициановом проспекте они устроились неплохо. Он перебирал сломанные детали в подвальной каморке, калибровал печи, чинил упаковочные машины, которые любили съедать бумагу, да так, что часть корпуса приходилось снимать. Новые машины хозяин производства покупать отказывался. Выходец из не очень богатой патрицианской семьи старался экономить на всем.

Малая заправляла мешалки для теста. Облизывала испачканные ванильной смесью пальцы, когда думала, что рядом никого нет. Вся в муке, которая удивительно подходила ее прозрачной коже, глазам и белым волосам. Казалось, она сама была слеплена из ванильного теста; кукла тонкой работы.

Так Энцо и запомнил эти дни: спокойные, с запахом ванили и машинной смазки. С ранними подъемами, тихим смехом, прогулкой от общежития до работы, цепкими пальцами на его локте. С разговорами; Энцо любил описывать все, что видел по дороге. Чувствовал себя гордым старшим братом, когда учил Малую, как следовало себя вести. Куда бить, когда хватают за руку.

Такие были дни. Предсказуемые и уютно скучные.

Пока уют не нарушил гость.

* * *

– Здорово, – оскалился Егерь, привалившись на дверной косяк. Автоматическая створка долго думала, закрываться или нет, после чего мигнула индикатором и замерла в режиме ожидания.

В том же режиме замер и Энцо, чувствуя, как неприятный холодок взбирается по ногам. Он отложил чип, настройкой которого занимался, и свернул манипуляторы.

– Хорошо устроился. – Егерь тронул свисающую со стеллажа связку чипов. – В булочной, надо же. И в Четвертой курии. Аларих как узнал, сразу послал меня к тебе.

– И зачем? – Энцо подобрался на стуле. Ногами нащупал опору, чтобы быстро вскочить; сдвинул руку к лазерному резаку, который, весьма кстати, лежал рядом, под ворохом металлических стружек. С «Псами Свободы» стоило быть настороже.

– За булочками, ясен пень! – Егерь лающе рассмеялся. – Дело есть.

Энцо мотнул головой.

– Теперь с имплантами не бегаю. Передай Алариху, что я отдам всю сумму. Нужно время. Мы договаривались.

Он вживлял новую руку не для того, чтобы снова загреметь в крио.

Егерь прошелся вдоль стеллажей, что тянулись вдоль стен мастерской. Заглянул под крышку короба с крепежами, постучал по пластиковому боку. Хитро усмехнулся и с размаха уселся на стул напротив, раскинув длинные ноги. С ботинок посыпалась грязь.

– Ну это уж не тебе решать, когда и чем долг отдавать, ага? И я не про взлом говорю. Аларих выходит на местный рынок. В этом округе есть ребята, которым позарез нужны «жуки», – он указал на личный чип под кожей на запястье. – Но мы с ними пересекаться не хотим.

Энцо молчал. Это Аларих с «псами» были ему должны за кучу дерьма, которую он взял на себя. Договорились же. Дали денег, большую рассрочку. Но разве что докажешь? Уже нарисовался посыльный, не сотрешь.

Энцо знал, он знал, что не стоило к ним лезть.

– Нет.

Он обрубил поскучневшего «пса» жестом. Вытащил из кармана короткий кабель, нащупал под волосами за ухом разъем и вставил один коннектор в него. Другой протянул Егерю. Тот уставился на кабель с опаской, но все же придвинул стул и подключился. Запах его пота ударил в нос. По достижении определенного возраста все марсиане начинали пахнуть, как клетки в зверинцах. Что-то в генах, не иначе.

«Хорошо, – передал Энцо. – *Могу прикрыть курьера. Где и во сколько?»*

«Не. – Егерь мотнул головой, натянув кабель. – *Сам пойдешь, один. Заберешь у нас, передашь клиенту. Наши не хотят светиться».*

«А я хочу, по-твоему?»

«По-моему, ты по уши в долгах, крио. А долги надо отдавать. Один раз курьером сгоняешь. – Он поднял проколотые брови с кольцами серег. – *Ерунда же, тем более для тебя. Два-Ноль-Шесть стремается «орликов» легиона? Что-то новенькое».*

Какой отстой. Энцо не мог поверить, как все вывернулось.

Печи за стеной тихо гудели. Доносились голоса работников.

Егерь ждал ответа.

«Как девочка поживает? – Стальные зубы блеснули, когда он

улыбнулся. – *Я передал Алариху, что она умница».*

Похолодев, Энцо уставился в плоские линзы его окуляров.

Этот урод не смеет упоминать Малую. Не смеет даже думать о ней. И что, во имя Марса, рассказали Алариху?

«Скажи, где ты ее откопал? Что за фигня у нее в голове? Легионерский имплант, что ли?

Энцо поджал губы.

«Без понятия».

«Аларих хочет знать сколько».

«Что – сколько?»

«За сколько ее отдашь? – осклабился Егерь. – *Она может нам сгодиться. Мы тебе долг простим».*

Энцо фыркнул. Да за кого они его держат? В груди опять заворочалась злость. Двинуть бы Егерю в челюсть, чтобы стальные зубы полетели…

Но «псы» могли явиться к Малой. Они церемониться не станут. «Жизнь – как большая клетка», – говаривала мать. Нет в ней ни выбора, ни свободы, только их иллюзия. И будь готов сполна платить за любую свою удачу.

Энцо боялся представить, сколько придется заплатить за встречу с Малой.

Он сжал дрожащие пальцы в кулак, потупился и кивнул.

«Сам схожу, курьером».

– Отлично.

Отсоединенный кабель стукнул коннектором по столу. Энцо напрягся, когда Егерь хлопнул его по плечу. Еле сдержался, чтобы не сунуть в рожу в ответ.

– Увидимся.

Он проводил Егеря до черного хода пекарни и проследил, как тот сел в машину. Ничего. Сбегает разок, и от них отстанут. Фигня дело, чего так распереживался?

Он вздрогнул, когда его локтя коснулись пальцы.

– Что-то случилось?

Малая смотрела сквозь него – как обычно. Раньше этот странный напряженный взгляд казался неприятным. После Энцо стал жалеть, что она не видит его лица.

Но именно сейчас он возблагодарил Марса, что Малая слышит только голос. Так врать куда проще.

– Все в порядке.

На ее лице расцвела робкая улыбка. Ссадины давно зажили – Энцо каждый вечер мазал их дешевым регенерирующим гелем из аптеки неподалеку. Точкой отмечал синяк на остром подбородке, проводил полосу по скуле, к грани белых волос. Малая при этом смотрела в пол; бесцветные ресницы подрагивали. Как крылья

мотыльков, которых он видел над барханами в пустоши.

Энцо снова глянул в окно.

Машина Егеря уже уехала.

* * *

Груз передали следующим вечером. Сообщили место тайника, время и пункт назначения. Из лаборатории на другой конец курии.

Светиться ребята Алариха не желали.

Четвертая курия встретила его тенями верхних уровней – ослепительно-черных на фоне начавшего голубеть неба. Улицы тянулись между стаканами высоток. Вдали провыла сирена легионерской машины, вдоль тротуаров прокатился сборщик мусора, всасывая бутылки, пакеты и осколки в неповоротливое хромированное тело. Энцо отступил, когда резиновые щетки коснулись его ботинок. Дотянул сигарету и бросил окурок роботу. Пальцы живой руки замерзли и подрагивали.

Пора.

Энцо перехватил контейнер под мышку – левые номерные чипы брякнули о пластиковые стенки. Пробежался вниз по улице, мимо закрытых забегаловок на первых этажах небоскребов, мимо термы, у которой любили стоять проститутки всех возрастов и полов. Миновал голографическую рекламу местного театра. В ее сфере мелькали огромные лица актеров, приторные и ненатурально чистенькие.

Перед тонированными будками патрульных легионеров он завернул за угол и едва не споткнулся о спящего бродягу. Тот заворчал из-под спутанных седых волос. Энцо в ответ пнул его по ноге. Сделал одолжение – ночевки на улицах центральных округов грозят дубинкой по башке, хоть на верхних уровнях, хоть на нижних. «Орлы» легиона и патриции не любят грязь. Так что старому надо было топать в канализацию; туда легионеры совались редко. Под землей свои законы.

Бродяга загремел ящиками, в которых спал, а Энцо уже бежал дальше, по сужавшемуся проходу к алому маячку борделя. Завидев в розоватой тьме одну из девочек, он подмигнул – скорее по старой охотничьей привычке. Шлюха в ответ не улыбнулась. Смуглая, с татуировкой на лице, она следила за Энцо странно тяжелым, усталым взглядом. Темные завитки волос падали в декольте костюма из глянцевой кожи, обводя полукружья грудей. Энцо одарил каждое из них вниманием (тоже по привычке), мотнул головой и зашагал быстрее.

Раньше ему такие бабы нравились, но сейчас что-то даже не тянуло.

Покупателя он нашел в конце ряда парковочных ангаров. Тот стоял, прислонившись к ребристому полотну рольставни, что закрывала вход. Плотную фигуру обтягивал костюм со светоотражающими вставками, лицо скрывал тонированный шлем – голова блестящая и гладкая, как у насекомого. В двух шагах серебрился аэроцикл с выключенными турбинами.

– Плутон? – спросил Энцо, не в силах отделаться от ощущения, что за ними наблюдают.

Покупатель не подал ни единого знака. Даже не свернул забрало шлема.

– От Алариха?

Энцо кивнул, не понимая смысла этих уточнений. Кто еще мог подойти к нему в пустом и темном проулке?

– За мной, – велел Плутон. Тяжело и неспешно двинулся за угол; эхо его поступи отзывалось от стен. Энцо поморщился, но все же пошел следом.

Передача товара слишком затягивалась и нравилась ему все меньше. Это дерьмово пахло. И, о Марс, как он оказался прав!

Почуяв запах кофе и металл табельного распылителя – фирменный аромат легионеров, – он отшвырнул контейнер и припустил в противоположную от Плутона сторону. В пролете между домами заплясал маячок фонаря, и Энцо свернул в боковой лаз. Зацепился ботинком за выступающую трубу. Едва не прочертил носом.

Шум погони слышался все ближе; шаги, топот и рокот аэроцикла. Совсем как тогда. Совсем как семь лет назад. Под ногами хрустели использованные шприцы и осколки. За спиной разгорелся свет: усилилось уличное освещение. Значит, облава. В проулке, по которому он несся, фонарей не было, и это чертовски радовало.

Во тьме мелькнуло испуганное лицо какого-то номера. Энцо перемахнул его одним прыжком, оттолкнувшись от стены. Не останавливаться. Вот главное правило, когда убегаешь от легионеров. Не останавливаться ни за что и ни при каких обстоятельствах. Секунда задержки – и тебя схватят. Или, того хуже, подстрелят. Энцо много раз такое видел. Бах – и человек разлетается пылью.

Судя по топоту, номер тоже бросился прочь. Связываться с «орлами» никому не хотелось. Еще припишут соучастие и разбираться не будут. Над ухом свистнул заряд; крошкой разлетелся кирпич, осыпав лицо. Бахнул еще один, и позади упало тело. Номер не успел.

А Энцо мчался дальше.

Ближайший лаз в канализацию находился в двух кварталах. Только бы добраться да него, а там уже станет легче. Ищи-свищи его в тоннелях.

В «Эхо» – круглосуточный бар, чья вывеска мигала в тупике – Энцо влетел в самый тихий час. Замер, соображая, куда бежать.

Оглядел рыжий от дыма пластик на стенах с рисунком голых девиц, которые при скудном освещении сливались в единую многогрудую тварь.

Проекции змей, скользящие по потолку.

Ряд закрытых кабинок.

Пустую сцену с шестом.

Барную стойку с дюжиной кранов и рекламой психоделического «псиона» на торце.

Энцо облизнул губы и поймал взгляд старого бармена за стойкой. Тот качнул головой на дверь в конце зала, и Энцо бросился к ней.

За алым пластиком его ждала подсобка с выходом на кухню. Пара работавших на ней номеров скользнули по нему безразличными, красными от чада и недосыпа взглядами и продолжили разгрузку контейнера с полуфабрикатами. Энцо обошел их стороной. Втиснулся в заляпанную жиром капсулу подъемника для персонала. Вдавил локтем треснувший сенсорный экран.

«Гребаный Егерь! Гребаный Аларих!» – матерился про себя, пока подъемник сползал на служебный уровень. Сжал лицо ладонями, давя непрошеную панику. Четыре месяца. Всего четыре месяца на свободе и уже успел вляпаться.

Энцо запретил себе думать о крио и рывком сдвинул створку, вывалившись в холод стоянки, общей для зданий этого квартала. Через нее можно было добраться до пары спусков в канализацию. Десять минут к северу, если гнать на машине.

Он выглянул из-за капота. Покосился на алые глазки камер у потолка и быстро зашагал вдоль ряда припаркованных машин. Пока на стоянке царила тишина, но спокойствие это было обманчивым.

Выбор пал на черную «Терцию» – двухместную и неприметную колымагу, похожую на помятого жука. Взломать ее было проще, чем отлить в мусоросборник. Раз – из имплантата выехали тонкие манипуляторы, точь-в-точь паучьи лапы. Два – они ввинтились между боковым стеклом с водительской стороны и пластиковой прокладкой.

Спокойно. Без резких движений. Подключиться к системе управления, предупредить отправку тревожного сигнала на

браслет хозяина и…

Машина заурчала, двери разблокировались. Бинго.

Энцо нырнул в салон. Водительское сиденье плотно обхватило спину, заиграло радио. Ремень безопасности он пристегивать не стал, на что машина отозвалась противным писком и утихла только после тычка по сенсорной панели. Второй тычок выключил радио.

Энцо опустил стекла и прислушался. Показалось, что вдалеке взревели турбины.

Он вырулил на проезжую часть и вдавил педаль газа в пол. Скорость «Терция» набирала лениво. Будто говорила: «Я – семейная машина. Для чистых и законопослушных патрициев, слышишь меня, псих?» Салон гудел от ветра, мимо со свистом пролетали колонны. За поворотом мигнули огни встречного авто. Энцо успел выкрутить руль, и машины разошлись, чиркнув крыльями.

На девятом крупном перекрестке дорога пошла под уклон. Очищенный воздух из систем вентиляции сменился спертым и жарким – дыханием истинной Земли. Еще немного. Энцо закусил губу и впился в руль так, что пальцы свело. Еще чуть-чуть…

Впереди показался аэроцикл. Тот самый, подставного «Плутона». Энцо с досадой крутанул руль. Машина накренилась, с заносом вписалась за угол. Слишком медленно, но больше «Терция» выжать не могла. Огни в зеркалах приближались, разгорались все ярче, слепя глаза. Мотор надрывался, кабина тряслась так, что, казалось, машина вот-вот развалится, выплюнув водителя под сопла аэроцикла.

Энцо взял ближе к стене и чуть сбросил скорость. Положил руку на кнопку блокировки. Когда впереди показалась полосатая дверь аварийного выхода, он выпрыгнул из машины и перекатился. Заляпанное грязью брюхо аэроцикла пронеслось над самой головой – пахнуло гарью и топливом. Прежде чем «Плутон» успел затормозить и развернуться, Энцо нырнул на запасную лестницу. Помчался наверх, перескакивая через заплеванные ступени. Со стоянки донесся грохот: похоже, «Терция» нашла себе место для парковки. Рев аэроцикла стих. Уехал – хотел перехватить на выходе.

Чертовы легионеры с их связью! Наверняка уже оцепили район и передали его координаты!

С верхней площадки было два выхода: на улицу и в подъезд колонны. Энцо выбрал последний. Хлопнул по экрану блокировки, но тот остался темным. Разумеется. На ночь двери в жилые блоки запирались.

Снова зажужжали манипуляторы. Подъездный замок оказался

немногим сложнее замка «Терции». Энцо подключился, отправил несколько команд, и экран загорелся зеленым. В лицо дохнул поток спрессованных запахов: еды, мочи, сигарет и пепла, ржавчины и затхлой воды, пота, секса и болезни. Знакомая вонь человеческого муравейника. От двери через этаж тянулся слабо освещенный коридор с парой десятков квартир. Поодаль, у подъемника, он разветвлялся; там же искрил сломанный пульт экстренного вызова. Вместо камеры наблюдения из стены торчали провода.

На той же стене был намалеван номер дома. Разобрав его, Энцо ухмыльнулся. Наконец-то повезло! В этом блоке жил его старый подельник, Ош Руфус. Приходилось пару раз его выручать, подкинуть денег взаймы.

Теперь в помощи нуждался сам Энцо.

Подъемник заскрипел, взбираясь на восьмидесятый этаж. Проклятая коробка еле тащилась. Двигалась в шахте рывками и порой сотрясалась так, что приходилось расставлять руки, упираясь в выцветшие пластиковые стены. После отметки пятидесятого этажа Энцо перестал их опускать – на случай, если дно кабины все же решит оторваться. Лампочка над головой потрескивала, моргая в такт судорогам лифта. Следом по шахте взбиралось эхо чьей-то пьяной брани. То еще местечко.

Восьмидесятый этаж был погружен во тьму. Энцо принюхался, прислушался и лишь после выбрался из кабины на твердый бетон. Нашел нужную дверь и постучал.

– Кто? – отозвались из квартиры. – У меня есть «гидра», и она смотрит тебе в пузо, м…к.

– Ты кого м…ком назвал? – с усмешкой ответил Энцо. Замок щелкнул, и дверь отъехала в сторону, выпустив бородатого и патлатого Руфуса. Комнатку за его спиной заливал чайный свет, виднелся набитый хламом шкаф и кухонный модуль. Пахло соевым бульоном. В отдалении чирикало телешоу. Кому-то тоже не спалось.

– Какими судьбами? – поинтересовался Руфус.

Энцо оперся на дверной косяк.

– Угол найдется? Пожрать, поспать. Переждать денек.

– Послушай… – Руфус замялся. Его и без того печальное лицо вытянулось, и Энцо понял все без лишних слов.

– Ясно. Бывай.

Он отступил во мрак, судорожно соображая, в какую сторону бежать.

– Пойми, у меня дети тут…

Энцо коротко кивнул. На оправдания, извинения и прочую чушь времени не было. Выбрав направление, он зашагал по

коридору, хрустя сором под ботинками.

– На двухсотом мост есть, – крикнул Ош ему вслед.

Хоть что-то.

На этот раз Энцо выбрал лестницу. Побежал через две ступеньки, цепляясь за гнутые перила. На стене вереницей проносились огоньки индикаторов движения, свет над пролетами загорался и угасал. На площадке тридцатью этажами выше курил номер с осунувшимся синеватым лицом. Проследил за Энцо напряженным взглядом, положа руку на пояс.

Энцо пролетел мимо.

Взбирался выше.

Еще выше.

На двухсотом этаже площадку заменил холл с мусоросборником и автоматом с напитками. За мутным стеклом двери виднелся пешеходный мост – полупрозрачная труба между двумя зданиями. Говорили, что по паутине таких переходов можно добраться до другого конца курии; просто надо вовремя сворачивать, чтобы не угодить в тупик.

Энцо знал по опыту: это не просто слухи.

Он расчехлил манипуляторы; те заскрежетали по пластине вокруг замка. Но ввинтиться под крышку не успели.

Замок щелкнул, заблокировался намертво. Полное отключение. Холл окрасился пурпуром, взвыла сигнализация. Голос из немногих рабочих динамиков в стенах приказал жителям вернуться в квартиры и не мешать работе легионеров.

Не сопротивляться при обыске, вот что это значило на языке номеров.

Сердце заколотилось в такт паузам сирены. Энцо облизал пересохшие губы, глянул в зазор между пролетами. Наверху – тупик. Первые этажи наверняка перекрыты легионерами. Лифт не работает. Мост заблокирован.

«Думай, думай».

Он посмотрел на решетку вентиляции в углу холла. Обхватил тумбу мусоросборника, прижавшись щекой к холодному боку, и сдвинул с места. Мусоросборник протестующе запищал, заскрежетал ножками по полу. Протолкав его до стены, Энцо встал на крышку. Выкрутил крепления решетки, выдрал ее из пазов, подтянулся и заполз в воздуховод. Еле протолкнул плечи в узкое отверстие. Можно было лишь ползти вперед. Энцо и пополз, сдвигая плечами и животом пласты черной пыли и высохшие трупики крыс.

Центральная вентиляция этой колонны не работала давно; обслуживанием района на окраине никто не занимался – ни власти курии, ни жильцы. Воздух стоял спертый, кислый. Через

пару метров короб расширился, ушел наверх. Энцо полез, упираясь в гулкий металл коленями и ботинками. Он помнил этот путь из прошлой жизни. Сколько раз убегал от легионеров: один и в компании, под обстрелом, раненый, с грузом. С отрывом и в дикой спешке.

Стоило догадаться, что он снова окажется в бегах. У богов для каждого свое веретено; так говорила одна баба, у которой он раньше зависал. Любила покурить и потрепать языком, пока клиент одевался. Как ни старайся, от себя не убежишь, говорила.

Наверное, была права, дура крашеная.

Еще рывок – медленный, с натугой, позвоночник скребет по металлу – и Энцо вытянул ноги, ввинтился в горизонтальный отросток вентиляции. Немного прополз на заду и выбил решетку ногами. Раньше на ее месте стоял блок воздухозаборника – давно неисправный и выбитый тем же Энцо лет десять тому назад. Хорошо, что управляющая компания пожалела денег и не заделала дыру намертво.

Прозрачная закругленная крыша моста была влажной от мороси. Ботинки заскользили, и Энцо взмахнул руками, удерживая равновесие. Глянул вниз, в пропасть двух сотен этажей. Там ползли точки машин, проспекты сливались на горизонте, где вспыхивали храмовый комплекс и аэровокзал. Далеко, даже в животе похолодело. Ветер подталкивал к краю перешейка; уши заложило от его свиста.

Собраться. И поторопиться. В конце концов, сколько раз он проделывал такие трюки? С десяток точно. Все же получалось, значит, получится и на этот раз.

Энцо пригнулся. Сделал шаг. Поймал равновесие и сделал еще один. Отросшие пряди упали на глаза. Энцо фыркнул, тряхнул головой.

И ругнулся, заметив движение впереди.

Навстречу, со стороны смежной жилой колонны, шла баба. Та самая шлюха с татуировкой на лице. Она не морщилась от ветра, шагала быстро и уверенно, как по тротуару. В руке поблескивала металлическая дубинка. Шлюха встряхнула ее, щелчком выдвинув на метр, и Энцо отступил.

Легионерская дубинка била больно. Во время последнего с ней знакомства ему сломали пару ребер и челюсть.

Краем глаза он покосился через плечо, на отверстие воздуховода. Отвлекся и тут же за это поплатился – конец дубинки ткнул в солнечное сплетение, ослепив на мгновение. Еще удар в колено; то вспыхнуло болью, подогнулось, и Энцо рухнул. Упал поперек моста. Голова повисла над светящейся миллионами огней пропастью. Предугадав рубящий удар сверху,

он перекатился. Дубинка врезалась рядом с плечом – так, что стекло треснуло.

Энцо вскочил на ноги, смахнул влажные волосы с лица. Руки и ноги не подставлял, бить не пытался – в ближнем бою он был обречен. Следил за бабой, а баба следила за ним, перехватив дубинку обеими руками. Опытная, непростой противник. Простых в легионеры не брали.

Она шагнула, тесня Энцо к стене. Глаза щурились, губы кривились. Ветер завыл сильнее, рванул ее черную гриву.

Мелькнула дубинка. Энцо не успел закрыться. Обрушилась боль, и он согнулся, ловя дыхание. Отступил, коснувшись лопатками стены.

Что за подстава? Он должен выбраться. Должен добраться домой во что бы то ни стало.

Ведь там его ждут.

Сплюнув, Энцо шагнул вперед, ухватил дубинку обеими руками. Оттолкнулся от стены и перебросил себя через легионершу. Оба повалились. Под спиной заскользила крыша, тело съехало куда-то под уклон. Перед глазами снова мелькнули далекие огни автострад.

Энцо прилепил ладони к стеклу.

Медленно подтянулся, перевернулся и припустил во весь опор. Впереди светлел распахнутый технический люк моста. Энцо впрыгнул в него с разбега, перекатился уже внутри моста и выбежал через раскрытые шлюзы на лестничную клетку. Наверняка баба сейчас локти кусала, что не заблокировала за собой ходы.

Энцо скатился кубарем по ступеням. Перепрыгивал целые пролеты, вписывался в повороты, цепляясь за перила. За спиной загрохотали ботинки – легионерша не отставала.

В голове помутилось от карусели пролетов. Топот за спиной отдалился. Энцо на радостях припустил еще быстрее. Вылетел на стоянку и помчался вдоль ряда машин. Запетлял между ними, выбирая лучшую для угона.

Остановился.

Присел.

Прислушался.

За колоннами мелькнула тень. Заметив ее, Энцо торопливо ввинтил манипуляторы в замок. Сердце колотилось, даже уши заложило. Скорее же, скорее…

По крыше машины грохнули ботинки, и сверху обрушилось чужое тело с запахом крашеной кожи. Верхние фаланги раскрытых пальцев затрещали и оторвались, остались висеть рваной гирляндой. Энцо влетел лицом в стену. Нос хрустнул о

бетон, вспыхнул болью. Легионерша кружила, облизывала окровавленные губы. На шее темнел выбитый номер. Энцо скривился. Номер на службе имперского легиона – отврат, да и только.

Он ухватился здоровой рукой за шасси и пнул легионершу в голень. Она со вздохом отступила, пнула в ответ, загнав Энцо обратно под машину. Ее ботинок вдарил по стойке шасси, и та сложилась. Энцо едва успел выкатиться – машина упала в сантиметре от лица, прищемив рукав.

Он разодрал застежку, выпутался из куртки.

Вскочил – и получил в нос. Хрустнуло, ослепила вспышка боли. Энцо перекатился через капот. Уперся плечом в крыло машины и толкнул. Легионерша вовремя отскочила, машины лязгнули, врезавшись друг в друга. Зазвенело выбитое стекло.

Издали донесся вой сирен.

Еще хуже.

Энцо оценил бабу снова и на этот раз смотрел не на сиськи. Развитые плечи, крепкие ноги и спокойный взгляд – опытный боец. Да и разбитый нос Энцо говорил о том же. Дубинку она успела потерять и теперь просто сжимала кулаки.

Сам Энцо хитростями единоборств не владел. Всегда предпочитал грубый бой – ударить разок, но так, чтобы противник уже не встал. И, сказать честно, ему было плевать, кого бить. Полезла баба-марсианка, да еще и из легиона? Она получит сполна.

Но от этой конкретной бабы получил сам Энцо. Один раз в живот. Один раз головой в колонну. Он в долгу не остался: бросил легионершу на капот, так, что та вскрикнула. Дважды угодил на него сам, пробив затылком лобовое стекло. Весь в крови и крошке стекла, упал на асфальт. Огрызок собственного имплантата вспорол ему щеку.

Подняться не успел – в подбородок уткнулась лазерная спица.

– Не дергайся.

Наручники пискнули, стянув запястья. Энцо рыкнул, попытался сбросить легионершу с себя, но та ударила его в челюсть. Аж перед глазами потемнело.

– Сказала – не дергайся.

Она склонилась, часто дыша. Темные глаза смотрели с презрением. Вблизи стала заметна другая татуировка – орел легиона над ключицей у воротника. Край черного крыла.

– Будь паинькой, или останешься без головы. Понял?

Энцо нахмурился, но все же кивнул. Легионерша тоже кивнула и медленно выпрямилась.

Их ждали у выхода со стоянки. Вдоль бетонных стен гуляло

эхо торопливых шагов, тоннель гудел сиренами. Энцо слизнул кровь с разбитой губы и пересчитал собравшихся легионеров. Все настороженные, серьезные, как на опасном задании. Загнали курьера с грузом, герои.

– Бритва, – окликнул молодой легионер в экзоскелете. – Что за улов?

Бритва без церемоний оттянула воротник на шее Энцо, обнажив выбитый номер.

– Двести Шесть, Пятая курия.

Она подтолкнула его в сторону синих машин Управления, рядом с которыми ожидал «Плутон» – в том же мотоциклетном костюме, но уже без шлема. Половину лица наискось уродовали бугристые шрамы. Другую половину заменяла пластина из биометалла. Не будь Энцо так больно и паршиво, он даже бы восхитился работой хирургов: замена челюстного сустава, вместо глаза – армейский окуляр для оптической винтовки. Серебристые, почти не заметные нити скоб тянулись через коротко стриженную макушку. Настоящее произведение искусства.

Энцо перевел взгляд на обломок собственной руки. Вместо доброй половины пальцев свисали провода. Вот же… Ему стоило таких трудов собрать на нее денег.

– Больше никого? – «Плутон» рассматривал Энцо, как прибывший на склад товар.

– Так точно, центурион, – в тон ему ответила Бритва.

«Плутон» кивнул, и Бритва повела Энцо к машине Управления с приветливо задранной дверцей. Надавила ему на затылок и втолкнула в салон. Дверь опустилась с тихим щелчком, разговоры и вой сирен стихли.

Энцо откинулся на занюханное пластиковое сиденье и уставился на силовое поле между собой и передними сиденьями. В салоне пахло старым потом и кровью. И любимым легионерами гарумом. Уж эти-то пожрать не забывали.

Энцо скрипнул зубами. Что ж… Он еще раз попробовал выдвинуть из пальца единственный целый манипулятор, но тщетно. Имплантат не послушался. Наручники так и остались закрытыми.

Он закусил разбитую губу, чувствуя на языке кровь. Сто тридцать дней. Его отпуск на свободе оказался совсем коротким.

* * *

Зря Малая на него положилась. Он в который раз представил себе легкие белые волосы, хлопковым пухом оседавшие на руке,

когда слепая засыпала на его плече. Сбивчивое дыхание. Едва слышный стук сердца за хрупкой клеткой ребер – Энцо слышал его ладонью, там, на пустоши.

Хреновый вышел из него опекун. Делал не то и думал… Он прерывисто выдохнул, когда в паху потяжелело. И думал совсем не о том, о чем следовало думать.

Пульверизатор заурчал, и он пошатнулся под струей воды. Закрыл глаза, пережидая морозный дождь с привкусом металла и следующий за ним порыв горячего воздуха из сушилки. Все так же, голышом, его конвоировали в следующую комнату. Завидев гостеприимно распахнутые гробы криокапсул, Энцо сдавленно замычал. Ноги ослабели и подкосились, но щелчок распылителя в руке охранника заставил идти дальше.

За пультом управления в углу криоприемной сидел лаборант в белом халате поверх облегающего армокостюма. Даже не оторвал взгляда от светящейся над пультом проекции; жевал жвачку так, что его челюсти грозил вывих.

Часто дыша, Энцо встал в ложе капсулы, которое располагалось под небольшим углом к полу. Влажный бипрен прилип к лопаткам. Так же понуро заняли места остальные участники процессии. С синими от холода и страха губами. Голые – заключенным криокостюмы не полагались.

В начале ряда капсул зажужжал аппарат – бочка с манипуляторами. Подъехал к первому заключенному из ряда. Клешни выдвинулись и вцепились так резко, будто хотели выпотрошить тело.

Энцо отвернулся и прикрыл глаза. Нужно было думать о хорошем. Нащупать хоть что-то хорошее в блокированной паникой памяти. Что-то из детства. Но на ум приходила только сестра – в желтой форме работницы фабрики, какой Энцо видел ее в последний раз, перед заморозкой на семь лет. После деконсервации он чуть не бросился с моста, узнав, что торопился домой напрасно.

Может, когда он очнется в следующий раз, то же сообщат и о Малой.

«Сбита машиной», – скажут они.

«Замерзла на улице».

«Без вести пропала».

«Изнасилована и убита».

Ее лицо виделось как живое. Худое и острое, словно вырезанное из белого камня. С большими, на пол-лица, глазами цвета ртути.

Он обессиленно качнул головой. Даже не успел попрощаться.

Жужжание аппарата приблизилось.

Энцо задышал быстрее. Дернулся, когда металлические клешни облепили лицо и разжали челюсти.

– Не глотай. Носом дыши, – безразлично предупредил его кто-то. Видимо, лаборант за пультом управления. В горло протолкнулась жесткая трубка, оцарапав небо и гортань. Затошнило. Аппарат загудел громче, и желудок похолодел от втекшего физиогеля. Предплечье укусила игла, и Энцо обмяк, повис на ремнях. Смутно, через дымку наркотика почувствовал другие иглы – капсула подключалась к его телу и переходила на самообеспечение.

В затылке кольнуло.

Странное состояние – пребывание в крио. «Рациональное использование человеческих ресурсов на благо общества» – так они это называли. «Безопасная технология, дополнительное хранилище данных». Волшебная штука, которая позволяла использовать на полную катушку даже самый выжженный наркотиками мозг. Добавляла его в информационную систему на орбите, наполняла кодами, стирала их и наполняла заново…

И вопреки всем авторитетным мнениям, одобрениям комиссий по защите прав номеров Римской империи и опытам, проведенным над заключенными, сознание во время заморозки работало. Сознание Энцо работало после того, как крышка капсулы захлопнулась и за миг покрылась инеем. Мысли кружили разрозненными обрывками, словно испорченные дроны. Порой они соединялись в воспоминания и планы, в разговоры из прошлого. В чужую, ненужную информацию, которая текла через его мозг. В затылке назойливо жужжало, и от этого зуда хотелось орать.

После крио частенько сходили с ума, и Энцо знал почему.

Зрячая незрячего

– Лабиринт был темный, ничего не видать, но Тесей шел дальше. За каждым поворотом под его ногами хрустели кости. Издали слышался рев Минотавра. Монстр был голоден и чуял человеческое мясо.

– Почему Тесей не убежал? – перебил Тиберий Младший, один из трех сыновей булочника Цепиона. – У него же была нить. Он мог выбраться и уплыть обратно в Афины.

Малая довольно улыбнулась и отложила вилку. Мораль была любимой частью истории.

– Конечно, мог, но для Тесея была важнее справедливость. Не убей он Минотавра, афиняне продолжили бы приносить людей в жертву.

Ей нравилась эта легенда. У Тесея – того Тесея, образ которого сложился в воображении, – имелись *принципы* .

Тесей бы не бросил человека в беде только потому, что тот номер.

Тесей бы не поднял руку на девушку. Особенно на слепую девушку. Не чета многим патрициям Римской империи.

– И потом… – Она провела руками по столу, совсем как сказитель по струнам инструмента: по меньшей мере Гомер из древних времен. – Тесей услышал топот за спиной!

Дети ахнули.

– Но у него был меч, который дала ему Ариадна…

– Что такое «меч»? – на этот раз перебил Марк, средний сын.

– Древнее оружие.

Честно говоря, Малая сама слабо понимала, как выглядел меч. Но Тесей проткнул им Минотавра, значит…

– И выглядел он как большая игла.

Дети понимающе замычали. За их расплывчатыми тенями перемигивалась цветом и светом настенная панель. Краем уха Малая слышала обрывки новостей: что-то про запуск новых моделей личных челноков, смерть уважаемого патриция из центральной курии и ночную облаву на окраине Четвертой. «Задержан на подземной стоянке», – сказали они.

Скукота.

– Тесей ухватил Минотавра за рога и убил его мечом. Затем вывел людей из лабиринта и вернул их в Афины.

Сказки ей рассказывала мама, когда на мосту проводили ежегодную смену покрытия, и машины выстраивались в бесконечные пробки. Ночь наполнялась ревом турбин и сигналами, тарахтели строительные роботы, воздух горчил

отработанным топливом. Шумно, людно. Не уснуть. А мама сидела на кровати рядом, гладила по плечу и тянула очередную историю. Слова терялись в пыльной тьме, и вслед за ними приходил сон.

Как иногда хотелось снова стать маленькой! Никаких забот…

– Еще, – привел ее в чувство Марк. – Расскажи еще.

Малая почувствовала его цепкие пальцы на своих запястьях и со смехом высвободилась.

– Еще будет завтра.

Ей нравилось проводить время с детьми – они были такими открытыми и добрыми. Нравился Цепион, владелец сети булочных, – мягкий, как булочки, которыми он торговал. Совсем не такой, как большинство патрициев. Нравилась комната общежития на нижнем уровне, с ревом машин и смехом прохожих, который слышался за окном шириной в ладонь. Вечный голос города.

Нравилось новое имя, которое она выбрала себе сама. Малая. Теперь ее звали именно так. Пускай легионеры и патриции обращались к ней исключительно как к Сорок Пятой, но она-то знала, кем была на самом деле. Малой.

Его Малой.

Энцо жил на одном с ней этаже. Каждый вечер Малая стояла у двери и ждала, одна в затухающих сумерках. Когда в комнате становилось совсем темно, со стороны лестницы слышались шаги. Поступь уверенная и легкая, как у кошки. Сердце замирало, когда он проходил мимо, с редким и сухим кашлем возился у двери – он слишком много курит. Замок с писком принимал ключ-карту, Энцо переступал порог, и наступала тишина.

Но прошлым вечером он так и не вернулся.

Малая сломала голову, перебирая варианты. Он мог задержаться на работе. Мог вернуться домой раньше ее – чего никогда не случалось.

Мог встретить друзей. Или остаться у девушки.

На этом она упрямо хмурилась и включала наушник с музыкой. А спустя пару минут все равно его снимала и вновь подходила к двери.

Конечно, она ни на что не надеялась; слепая и костлявая, кому такая нужна? Но просто слышать его голос, звук его шагов она имела право и чувствовала себя обманутой, не получив даже этого.

Хотелось поговорить с родителями. Рассказать обо всем, что делается вокруг, спросить совета. Хотя… Малая поежилась. Отец бы точно не сказал ничего хорошего ни о ее затее, ни о компании. Прямо слышался его строгий голос: «Не для того я старался,

устраивая тебя на завод».

Но ведь булочная куда лучше завода.

Малая уставилась на хаотичную пульсацию света на телепанели. Даже не заметила, как дети вскочили и скрылись в коридорах дома. Совсем как стайка беглых номеров. Она нажала кнопку на наушнике-поводыре, и электронный голос сообщил точное время. До конца обеда осталось пятнадцать минут.

За окном забарабанил дождь. Малая поднялась и вышла на крыльцо. Капли освежили лицо. Теплые, как солнцем нагретые.

Она улыбнулась серому небу…

И коротко вскрикнула, когда на голову надели мешок.

* * *

Малая очнулась на холодном полу. Раскрыла глаза и растерянно уставилась на луч света, который направили в лицо. Больно не было, но все казалось белым и ярким.

– Этих мутантов везде полно, – сказал мужской голос. – Кто с тремя ногами, кто без глаз, а кто вон блокноты ломает. Егерь, может, она только это и умеет? Ломает, и все.

Егерь! Тот самый, из канализации Седьмой курии! У Малой словно узел в животе завязали. Нашел ее, боги помогите! Хочет отомстить?

Она подобралась, сжала кулаки. Двое против одной – счет неравный. Значит, нужно врать и соглашаться на все, что скажут; выбора особо не осталось.

– Нет. Я сам видел.

Егерь сплюнул. Видимо, вспомнил, как грохнулся в обморок от боли.

– Хорошо, тебе мозги не поджарила, – загоготал первый и, судя по звуку, получил под дых. – Ну ты че? Может, глюки?

– Нет.

– Она ж слепая. Че с нее взять-то?

– Способность.

Шаги приблизились, пальцы грубо ухватили за подбородок. Малая часто задышала.

Спокойно. Только спокойно. Только не реветь…

– Слепая не слепая… Покажи мне.

Чего он от нее хотел? Да она сама не знала, как у нее вышло.

– Давай же! – прикрикнул Егерь. Его пальцы сдавили челюсть сильнее, до боли.

– Дык, может, того, блокнот ей дадим?

– Он сам… – промычала Малая, еле разжимая рот в тисках пальцев. – Он сам сгорел. Я не виновата.

Егерь помолчал, видимо, оценивая ее слова.

Затем прилетела оплеуха, от которой зазвенело в ушах.

– Вот врать не надо.

Со вздохом он уселся рядом. Малая почуяла запах его пота, услышала его дыхание.

– Сейчас я дам тебе блокнот, и ты мне все покажешь.

– Я не знаю, о чем вы…

Вторая оплеуха перекинула на другую сторону. Затылок ударился о какой-то угол. Под носом повлажнело, и Малая вытерла кровь. Кровь была и на языке – прикусила.

Ее грубо ухватили за горло, приподняли, вдавили в стену. Она закричала, отбиваясь руками и ногами:

– Я ничего не знаю! Не знаю!

– Врешь! Кому врешь, а?!

Малая принялась извиваться, двинула Егеря коленом. Слишком слабо, Юпитер помоги… Был бы у нее пистолет! Или хотя бы нож.

– Пятый, держи крепче…

В отдалении зашипела дверь, обрисовалось пятно света. В нем темнел силуэт. Малую мигом выпустили, и она забилась в угол.

– Босс? – голос Егеря надломился.

– Разве я говорил вам ее трогать?

Воздух вздрогнул, следом долетел звук – потрескивание, как из неисправной розетки. Запахло паленым мясом.

Егерь заорал. С такой болью, что Малая окаменела от страха.

– Нельзя так грубо.

Незнакомый голос. Спокойный и мягкий, но от его звука по спине бежали мурашки. Этот незнакомец казался страшнее Егеря и Пятого, вместе взятых.

Кто-то прикоснулся к плечу, и Малая отпрянула.

– Не волнуйся, я тебя не трону. И эти глупые номера тоже. Позволь…

Ей помогли встать, бережно подхватив под локоть. Провели несколько шагов к маячку лампы и усадили на пластиковый стул.

Стоны Егеря скрылись за дверью.

– Прошу, прости моих людей. Они будут наказаны.

Еще прикосновение. Судя по голосу, мужчина в возрасте, но ладони у него были мозолистыми и тяжелыми. Как у старика рабочего.

Малая спрятала руки и одернула футболку. Ей не хотелось, чтобы ее касались, и в сторону лампы, откуда слышался голос, она предпочитала не поворачиваться.

– Какой твой номер?

– Нет у меня номера. Малая я.

Рядом скрипнул стул, зашуршали складки одежды. Звук был как от рабочей спецовки.

– А меня зовут Аларих. Я – друг Энцо.

Ну да, конечно.

– Друг Энцо не стал бы так себя вести.

– И снова прошу прощения за своих людей, больше этого не повторится. Понимаешь ли, нам нужно было вытащить тебя и спрятать. Я бы хотел, чтобы какое-то время ты пожила под нашей защитой. Для твоего же блага. Иначе за тобой придут легионеры.

Малая нахмурилась.

Легионеры?! Это еще почему?

– Почему? – От нехорошего предчувствия даже пальцы похолодели. – И где Энцо?

Аларих помолчал, прежде чем ответить.

– Ты понимаешь ли… Энцо в тюрьме.

* * *

Задняя дверь гаража подалась со скрипом, тяжело – автоматика не работала. Пришлось налечь плечом. Кто-то из людей Алариха провел Малую по подземным переходам наверх, но с дверью не помог. Остался во тьме внутри.

Она вывалилась на улицу и застыла на пороге, хватая ртом ледяной воздух. Целый час ждала момента, когда сможет выбраться на поверхность. Казалось, что на улице, в жужжании машин и гомоне голосов, она окажется в безопасности. Что ей станет легче.

Как же она ошибалась.

Малая сжала зубы, отчаянно борясь с желанием сигануть под огни какого-нибудь авто за полосой тротуара. Судя по дальнему бою барабанов из храма, она оказалась на окраине курии. В вязком белесом мареве плыли фигуры прохожих, и от их вида наваливалось зубастое одиночество. Впивалось под ребра, как голодная крыса. Выгрызало сердце.

Снова некому крикнуть, не с кем поговорить.

«Четыре года Орбитальной тюрьмы. Энцо, ну зачем? Чего тебе не хватало?»

Крио. Рассказывали, что оттуда не выбираются. А если и выходят, то тряхнутыми на всю голову.

Это будет уже не Энцо, совсем не он.

Малая стиснула кулаки, давя подступающие слезы. Какое же она ничтожество! Даже сделать ничего не могла, ничем помочь. Только и оставалось, что реветь.

Дверь гаража скрипнула. По крыльцу шаркнули неторопливые шаги, щелкнула зажигалка. Запахло табаком. Так же, как от Энцо.

– Я постою, покурю рядом. Ты не против? – спросил Аларих.

Малая мотнула головой. Вытерла щеку тыльной стороной ладони и отвернулась к автостраде. Как будто он уйдет, вздумай она отказаться.

Машины продолжали жужжать мимо.

– Да, жалко его. Хороший был парень.

Он так говорил, словно уже похоронил Энцо. Малая обхватила себя руками; так зябко вдруг стало.

– Неужели… – Голос сорвался, пришлось перевести дух. – Неужели ничего нельзя сделать?

Аларих затянулся.

– Отчего же, можно. Есть у меня один знакомый в Управлении. Мог бы посодействовать, пока Энцо не отправили на орбиту. Оттуда вытаскивать тяжелее, знаешь ли. С орбиты. Недели две есть, но…

– Так попросите его!

– Но это очень непросто.

Снова какие-то условия и недоговорки.

Она тряхнула головой и постаралась собрать мысли в обычный стройный ряд. Малая – та самая Малая, подруга Энцо, – не трусиха, как Сорок Пятая. Малая всегда находит выход. Не жалеет себя, а ищет решение. А решение есть у любой проблемы – так ее учили. Оно, конечно, может не нравиться, но оно существует.

Лучше сдохнуть, чем отдать друга на заморозку.

Друга. Малая распробовала свои чувства к Энцо. Они полыхали пожаром. Из-за них мысли путались, а во рту сохло, и ни одного дельного слова не приходило на ум, когда он был рядом.

Малая невесело улыбнулась. Друга ли?

Без его рук, без его голоса и поддержки было холодно. Будто ее саму заморозили в крио.

– Пожалуйста, если вы можете помочь ему. Помогите.

Ладони вспотели. Она знала, что выглядит неубедительно. Что своим невнятным бормотанием может выпросить лишь пинок под собственный костлявый зад. Но лучше попробовать, чем не делать ничего.

– Я сделаю все, что хотите. Пожалуйста.

– Малая, я даже не знаю, – удивленно протянул Аларих. – Мне неудобно говорить с тобой об этом. В твоем-то положении…

Кого он пытался обмануть этим приторно-заботливым тоном?

Хотя, может, ему и правда стало совестно. Может, они с Энцо были близкими друзьями?

– Ваш человек, Егерь. Его заинтересовало то, что я сделала с блокнотом.

– Да, до меня дошли кое-какие слухи.

Снова чиркнула зажигалка.

– Это не слухи, – ответила Малая, в тихом ужасе от собственной лжи. – Это правда. Я вывела блокнот из строя.

– Да ты что? – Аларих присвистнул. – Силой мысли? Ты правда это умеешь?

Правда заключалась в том, что Малая понятия не имела, как у нее это вышло. Как выходило все эти годы. Она просто *чувствовала* блокнот изнутри. Так же, как чувствовала окуляры Егеря. И знала, что сам Аларих имплантатов в теле не имел. Пользоваться этим знанием она не умела.

Но в любом случае отступать было поздно.

– Я помогу вам, если вы поможете Энцо.

– Ты уверена? У меня есть работа, но она не из легких.

– Да!

«Пожалуйста, пожалуйста, только согласись…»

– Значит, ты готова на все, что я попрошу? – уточнил Аларих.

Он приблизился. Малая сжалась, почуяв странную вонь пепла и горелой плоти, которая исходила от его одежды. Словно Аларих недавно кого-то сжег. Может быть, заживо.

«Все, что угодно», – мысленно повторила она про себя, стиснув зубы.

Да, дорогая, ты сама это предложила.

Тяжелая ладонь хлопнула по спине – так, что Малая пошатнулась. Перед глазами возникла тень – похоже, кулак. С него что-то свисало. Что-то круглое на тонком проводе.

– Сломай это.

Малая вздрогнула. Протянула к предмету руку, но кулак Алариха удалился.

– Только силой мысли. Ты же можешь так сделать, верно?

Она сглотнула и уставилась на круглый предмет – будто могла различить детали из ровно-серой тени. Там, внутри, что-то неуловимо тикало. Она поймала этот странный ритм – как биение сердца, и ухватилась за него как за спасительную нить.

Оставалась самая мелочь – понять, что делать дальше.

Тук-тук. Тук-тук.

Она попробовала разозлиться. Но предмет продолжал тикать как ни в чем не бывало. Мимо жужжали по автостраде машины, где-то голосила уличная реклама.

Аларих ждал.

«Пожалуйста, остановись», – взмолилась Малая.

Тик-тик , ответил предмет.

Аларих кашлянул. Как показалось, в нетерпении.

Малая сжала кулаки. Представила, как ее воображаемые руки сдавливают несчастный тикающий предмет. Почувствовала хрупкий корпус в ладонях.

– Ну, если не получается… – начал Аларих.

Тик.

– …Ты могла бы попробовать…

Малая надавила сильнее, так, что пластик (именно пластик, она была уверена) промялся под пальцами. Представила, как раскаляются и дробятся микросхемы внутри.

Тик.

– …В другой ра… Что?

Тиканье сменилось тишиной.

Тень предмета исчезла – Аларих принялся крутить его в руках.

– Молодец, девочка! – наконец воскликнул он.

Неужто получилось? Малая слабо улыбнулась, до сих пор не веря в произошедшее. Она сделала это, но пальцы дрожали, будто она действительно ломала пластик. Голова взорвалась острой болью. Глаза будто выдавливали из глазниц, и Малая приложила прохладные ладони ко лбу.

– Что это было? – выдохнула она.

– Кардиоимплант, – довольно ответил Аларих. – Только что ты остановила чье-то сердце.

Малая застыла. Сердце? Искусственное сердце?

Что-то пролетело мимо и глухо стукнуло о край мусоросборника.

– По рукам. Есть у меня одно дельце здесь, в Четвертой. Ты поможешь.

Она растерянно моргнула, не в силах поверить своему счастью… Или несчастью; она еще не поняла, как расценивать скрепленный кровью Энцо контракт.

Шаги Алариха отдалились, лязгнула дверь, и Малая осталась одна.

* * *

Утро она встретила в лаборатории – той, где вытравливали набитые номера, взятые на учет татуировки и особо приметные шрамы. Вживляли фальшивые чипы с новыми личностями. Аларих делал это только своим, так он сказал. Пока Малая ожидала в коридоре, она успела наслушаться, как за дверью что-

то жужжало, шипело, хрустело и кто-то ругался, поминая Марса и всех его детей. Пахло горелой плотью.

А затем пришла ее очередь.

Она поежилась. Сталь холодила обнаженные лопатки. В стенах гуляло эхо – выстреливали шаги хирурга, прищелкивал пальцами Аларих, инструменты звякали в лотке, мерно гудела какая-то здоровая установка. Сама же Малая боролась с диким желанием вырваться и сбежать куда подальше. Ведь могла попросить остановиться, сказать, что передумала…

Шаги приблизились. Чей-то палец тронул шрам на брови.

– Откуда?

Аларих. Его голос.

– Не знаю, – ответила Малая, медленно замерзая. Зуб на зуб не попадал. – С… с детства.

– Сильно тебя приложили. Может, из-за этого и зрение плохое?

Родители никогда не говорили, как она его получила. «Упала», – отвечали и меняли тему. Упала и упала, Малая особо об этом и не думала. Так ли это было важно?

– Потерпи, сейчас уколю, не больно, – сказал хирург откуда-то из пятна яркого света. Голос оказался по-женски высоким и мягким; пальцы размяли ей кожу под глазом.

Ее уже кололи тем утром – вкачали что-то в сгиб локтя, отчего закружилась голова, а к горлу подступил горький ком. На этот раз игла впилась под глаз, быстро, как москит. Малая вскрикнула и рефлекторно дернулась, порываясь вскочить, но ремни на запястьях, лодыжках и лбу держали крепко.

– Потерпи, деточка… – пробормотал Аларих. Все это время он стоял рядом, неизменно прищелкивая пальцами. Звук выходил звонкий и хлесткий, как пощечина. – Сейчас схватит и будет не так больно… Будешь летать, как в храме на Сатурналиях.

Боль и правда ушла. Половина лица словно отмерла, перестала существовать. Малая хотела было потрогать щеку, но руку держал ремень. Пахнущая спиртом жидкость расползлась по лбу, затекла в глазницу, испарялась на коже.

– Помню, был я на прошлогоднем праздновании в Третьей курии…

Похоже, теперь Аларих обращался к хирургу. Тот поддерживать разговор не рвался. Молча щелкал тумблерами на гудящем аппарате. Мигнула дюжина индикаторов; Малая заметила бусины огней.

– Сущий Тартар. Один так нажрался, что пытался оседлать статую нимфы. Чокнутый пердун…

Хирург выпрямился – тень отдалилась, на лицо вновь упал

свет лампы.

– Вы ее предупреждали? – осведомился он в ответ.

– Предупреждали о чем? – переспросила Малая, чувствуя, как сердце снова ускоряет ход.

Силуэт Алариха придвинулся ближе.

– Послушай, – голос снова был ласков. – Окуляр может не прижиться, тут как повезет.

– Такие случаи уже бывали? – Малая еле шевелила языком. Похоже, укол подействовал – в рот будто смолы налили.

– Разное случается.

Железные распорки ухватили веки левого глаза и раздвинули их, до ощутимого натяжения в уголках. В стальном лотке снова что-то лязгнуло.

– Сейчас немного пощиплет, – сказал хирург. Перед лицом пронеслась тень руки.

И Малая истошно заорала, срывая глотку.

* * *

Первый час в сознании она блевала. Оставила весь скудный завтрак в углу операционной – мозг никак не желал приспособиться. Все было таким пронзительно четким и ясным – с одной стороны. Живой глаз продолжал видеть лишь муть, и от этой разницы тошнило еще сильнее.

– Эй, эй. – Она почувствовала руки на своих плечах. – Сильно не нагибайся, кровь прильет.

Малая навела резкость на круглое, как бородатый мяч, лицо Алариха. Совсем не страшный. Бородатый, с холодными глазами и редкими рыжеватыми завитками вокруг лысины. Патриций, судя по тому, что на шее номера не было; но в спецовке рабочего. Может, раньше был номером, но свел татуировку.

– Давай, Малая, вставай.

Она кивнула и распрямилась. На одеревенелых ногах проковыляла в другой конец сумрачной комнатушки, разглядывая аппараты с блестящими боками. Осмотрела щипцы и похожие на спирали насадки для машин. Несколько полупрозрачных боксов с чипами размером с ноготь. Металлический стол, на котором извивалась совсем недавно. Впервые она *видела,* а не догадывалась.

Открывшееся стерильное царство ее бы даже порадовало – приятно знать, что тебя оперировали в чистоте. Но в мякоть мозга словно сверло вворачивали. Медленно, с расстановкой. Малая подавила зазорное желание попросить еще инъекцию обезболивающего. Или крепкой настойки. Чего угодно, что могло

дать ей отдых хотя бы на пару часов.

Времени на отдых не было. У Энцо времени не было.

Она оперлась обеими руками на какой-то аппарат, пережидая боль. По экрану у ее пальцев в два ряда бежали символы – как зеленые муравьи.

Очередной приступ едва не ослепил. Малая зашипела, сжала кулаки.

Зеленые столбцы вдруг смешались. Экран потух. Из решетки на боковой стенке аппарата потянулся дым, запахло паленым. Малая сглотнула и торопливо сдвинулась от него подальше. Только и умела, что ломать.

Рядом что-то мелькнуло. Она вздрогнула и обернулась. Зеркало, всего лишь зеркало. А в нем тощая девчонка с бледным, будто выпачканным мелом лицом. Губы кривятся. На шее и бандаже на груди темнеют засохшие потеки крови.

Новый глаз подмигнул зеленым огоньком. Круглая линза, вокруг которой серебрилась пластина из легкого сплава. Она закрывала глазницу полностью, от брови до скулы; тянулась через висок до линии роста волос.

– Теперь один глаз у меня зеленый, – тихо сказала Малая.

– А также ударопрочный, водонепроницаемый, жаро– и морозоустойчивый. Имперский, с повышенной кратностью увеличения. Таких окуляров в канализации не найдешь.

Аларих говорил, как заправский продавец из телевизионной рекламы.

– Что, если я все-таки выведу его из строя?

Он фыркнул:

– А ты как думаешь? Останешься без глаза.

Хирург вытряхнул лоток в раковину, встроенную за лазерным аппаратом, ополоснул сталь. По кипенно-белым стенкам раковины побежали розовые потеки.

Вновь подступила тошнота. Малая отвернулась к зеркалу и странной девушке в отражении.

– И что теперь?

Губы девушки шевельнулись в такт словам.

«Пандора»

Уровни Четвертой курии накрыла ночь. Прожектора золотили толстые ноги жилых колонн. Россыпь окон на их бетонных стенах. Шоссейные полосы и улицы, что сплетались в лабиринт далеко внизу.

Машина летела по дуге развязки, как сигнал по кабелю. Молчаливый водитель с номером на затылке не отрывал злых

впалых глаз от дороги. Изредка прикусывал колечко серьги в губе. Аларих сидел на заднем сиденье рядом с Малой. Походил на старейшину из Сената: в белой тоге, уложенной складками на левом плече, с красной тесьмой на вырезе туники, с перстнем на пальце. Печатка перстня вспыхивала, как датчик движения в укрытии «Псов Свободы».

Самой Малой выдали костюм из плотного тягучего материала. Он лег на тело черной кожей, облепил так плотно, что было тяжело дышать. Фигура стала походить на стилет, какой носил за поясом помощник Алариха. По бокам светились линии усилителей. Если светится, значит, броня активирована, сказал ей один из «псов». Нажал на какую-то кнопку у основания шеи, и костюм сел по телу. Дышать стало легче. Волосы он велел стянуть в пучок. После долгих бесплодных попыток скрутить что-то на затылке Малая просто завязала их в хвост. Замазала синяки, полученные от Егеря, – не прошли даже за неделю.

«Что мне нужно сделать?» – Она спрашивала много раз, но в ответ получала лишь одно: «Узнаешь на месте. Тебе скажут».

В общем-то, Малая была не в том положении, чтобы требовать ответы.

Она следила за движениями рук водителя и непонятными сообщениями, которые вспыхивали на бортовой панели. Не успевала их разобрать – пока еще читала медленно, несмотря на то, что каждый день превозмогала боль и сидела за обучающей программой. Хотела узнать как можно больше и в кратчайшие сроки. И больше не собиралась верить кому-либо на слово. Лучше все знать самой.

Малая придвинулась к окну, заглянула в пропасть между лентами автострад. Все было таким… четким и реальным. Красивым, но слишком ярким. За прозрачными стенами зданий ходили люди, совсем как рыбы в многослойных аквариумах. Мелькали лаконично обставленные квартиры – такие Малая видела все по тому же телевизору. Над дорогой жужжали полосатые дроны. С помощью нового глаза можно было разглядеть даже линзы камер на их корпусах.

Она тронула теплую биометаллическую пластину на виске и вздрогнула от вспышки боли. Наверное, недели отдыха после имплантации было маловато. Следовало соблюдать постельный режим или что-то в этом духе, но для отдыха и щадящего режима времени не осталось.

У Энцо времени не осталось.

* * *

Театр «Пандора» славился на всю планету – так сказал Аларих. По стенам бежали яркие афиши – огромные, размером с пару шаттлов каждая. Шпиль впивался в небо и мигал маячком для идущих на снижение челноков. Вокруг крутилось кольцо рекламы. Много знаков, что-то о легионерах и их здоровье. Следом выплыло изображение загорелого мужчины с окуляром на лице. Он взирал на прохожих с легким презрением, выпячивал квадратную челюсть. Как Малая успела понять, именно такие считались в империи эталоном красоты. И на таком окуляр смотрелся куда лучше.

Гости «Пандоры», лучшие и богатейшие патриции планеты заходили через главный вход. Консулы, понтифики, фециалы, дельцы и торговцы оружием; холеные, со сдержанными улыбками на лицах. Вылезали из машин, которые больше походили на шаттлы, поднимались по широкой лестнице под пение хора из динамиков над портиком. По очереди проскальзывали через раздвижные двери, подставляли чипы под лучи считывающих устройств, а перстни – такие же, как на пальце Алариха, – прикладывали к экранам перед арками сканеров. Затем проходили досмотр и сдавали имевшееся оружие.

Малая еле выдержала в скопившейся очереди; переминалась на месте, а голова невыносимо раскалывалась. Хотелось заорать. Растолкать стоящих впереди людей и выбраться наконец из душного прохода. Аларих искоса поглядывал на нее, но молчал. Она проследовала за ним по «белому» коридору сканеров, стараясь не наступать ему на пятки, поднялась на лифте и попала прямиком на небеса.

Главный зал театра располагался на последнем этаже. Казался бесконечным. Наверху, за прозрачным куполом, перемигивалось ночное небо. Стоял жаркий сумрак, лучи света ползли вверх по колоннам. Играла музыка, томная, с глубокими басами, которые отзывались в животе. Кругом беседовали важные патриции, все как один в белых тогах. По стенам и потолку бежали изображения машин, танцующих женщин и обнаженных мальчиков – все сливалось в пульсирующий тошнотворный поток информации, который ошеломлял и тут же застывал в памяти.

Малая раскрыла рот и замерла как вкопанная. Горло цепко схватил спазм. О боги, да куда она попала? Она не хотела, просто не могла идти дальше.

– Пей.

Малая уставилась на дымящиеся стопки золотистой дряни в руках Алариха. Еще выпивки не хватало…

Хотя вдруг поможет?

Она взяла одну и осторожно глотнула. На вкус напиток

оказался сладким, как сок. По телу разлилось тепло, головная боль притупилась.

Аларих дождался, пока она не допьет, сунул пустые стопки пробегавшему мимо официанту и двинулся дальше, раздвигая толпу покатыми плечами. Малая поспешила следом.

Ложа на третьем ярусе была забита до отказа сенаторами, их женами, любовницами и детьми. Они хохотали, пили и закусывали. Кичились диковинными красками на лицах и гроздьями камней в ушах и на шеях. Сплошь золото и богатство. Они были так прекрасны, что хотелось провалиться сквозь землю. Развернуться и сбежать.

Но внимания на нее не обращали. Взгляды скользили по ней, как по мебели, никогда не останавливаясь. Для патрициев ее не существует, наконец поняла Малая и даже немного расслабилась от этой мысли. Они просто не видели номеров. «Пандора» была широко известна, но создана исключительно для самых узких кругов.

Номера попадали в театр только в качестве уборщиков или личной охраны. Два «уборщика» из «псов» уже работали внутри. Малая была «охранником».

И все – гости и «псы» – ждали начала представления.

Аларих занял кресло, среднее из трех в пустой ложе. Малая встала за его спиной, но он обернулся и указал на сиденье рядом с собой. Она послушно села. Зажала вспотевшие ладони между коленей.

– Посмотри туда, – сказал Аларих на ухо и указал на ложу на самом верхнем уровне. С их места хорошо было видно всех, кто сидел за бронированным стеклом: лысого одутловатого мужчину, вокруг которого суетились женщины и слуги. Сам он оставался серьезен, как орел на имперском гербе.

– Консул из центральной курии. Избран в этом году. Очень неприятный гражданин.

На вкус Малой, все зрители театра «Пандора» были неприятными.

– Справа жена, слева – дочь. Впрочем, тебе это знать не обязательно.

Жена и дочь сцепились через консула. Одна что-то доказывала другой. Они походили на ровесниц; может, ими и были. Консул безотрывно смотрел на сцену. Когда свет погас, он обрубил спорщиц одним жестом.

Фоновая музыка стихла.

– Любит театр, – сообщил Аларих, с довольной улыбкой набирая сообщение на одноразовом коммуникаторе. – Миллионы пожертвовал.

Такая сумма даже не укладывалась в голове.

Малая вспомнила о труде, с которым доставала десять денариев на лекарство матери. Как собирала на похороны отца – и так и не набрала нужной суммы. Пришлось хоронить в общей яме за пределами курии. А тут миллионы… Похоже, патриции не знали, куда деньги девать. Попробовали бы хоть раз пожить, как обычные номера.

Свет прожекторов упал на мужчину в парике и женской маске с гротескно огромным ртом. Малая увеличила изображение. Мужчина запел – слишком громко и резко в образовавшейся тишине. Казалось, пласты воздуха дрожали от его высокого голоса. По спине даже мурашки побежали.

Консул тоже смотрел на сцену, но вздрогнул, когда слуга коснулся его плеча и передал изящную пластину коммуникатора. Консул сощурился, чуть вытянул руку, всматриваясь в экран. Едва заметно нахмурился и стал что-то набирать.

Коммуникатор в руке Алариха завибрировал.

– Другого я и не ожидал. – Аларих пробежал глазами полученное сообщение и тронул Малую за рукав. – Найди кардиоимплант.

Малую как водой облило.

– Что? – глупо переспросила она.

– Кардиоимплант консула. Замедли работу, но не останавливай.

Юпитер всемогущий, да как она могла это сделать? Она покосилась на уборщика-«пса» у дверей ложи. И отступать было некуда.

Пришлось сосредоточиться. Она навела фокус окуляра так, что консул стал хорошо виден. Представила себя в его теле: стареющем, полноватом, с крупными ровными плечами. Поймала дыхание по плавному движению груди.

И будто почувствовала камень в груди. Инородное тело, испускающее импульсы. Малая приглушила эти сигналы – как ладонью накрыла.

Консул вдруг побелел и согнулся в кресле. Исчез из виду за золоченой балюстрадой.

– Отпусти. – Ее шлепнули по руке. – Отпусти его.

Малая торопливо вспомнила родителей и их голоса. Обычно это успокаивало.

Сработало и на этот раз. Консул выпрямился, на лицо вернулся цвет. Жена, дочь и слуги наперебой спрашивали о чем-то. Попытались вывести его из ложи, но консул отмел все их попытки движением ладони и достал коммуникатор.

– Что делает?

– Пишет вам. – Малая еле шевелила ослабевшими губами. Казалось, из нее одним махом вытянули все силы.

– Хорошо. – Аларих кивнул. – Видишь, как здорово? Тебе всего лишь было нужно его увидеть. Не сомневаюсь, что с окуляром ты способна на гораздо, гораздо большее…

Коротко загудел коммуникатор. Аларих прочел сообщение и помрачнел, губы сжались в нить. Он ухватил вино со столика.

– Вот же упрямый ублюдок, – сказал он в бокал. – Убей его.

Убить?!

– Что? Как?

– Не прикидывайся, ты поняла, о чем я.

Малая покосилась на полупрозрачную пластину коммуникатора в его руке, увеличила изображение и зашевелила губами, разбирая строки полученного сообщения. «Я сообщил легионерам. Ты – всего лишь пыль».

Она вновь глянула на консула. Будто почуяв на себе фокус окуляра, он повернул голову и уставился в ответ. Малая была готова поклясться, что он видел ее. Именно ее. Запоминал лицо будущего убийцы.

Она вдруг поняла, что не могла этого сделать, даже ради Энцо. Все зашло слишком далеко.

– Нет.

Аларих глянул с нескрываемым раздражением.

– Ты слышала мой приказ.

Теперь он говорил, как настоящий патриций. Приказывал.

Малая не терпела, когда ей приказывали.

Она огляделась и встала.

– Куда? – осведомился Аларих.

– Хочу подобраться ближе. Не могу почувствовать, – соврала она и протиснулась мимо «пса», который уже десяток минут прибирал ложу. Его рубашка топорщилась у пояса. Похоже, пистолет. «Пес» скользнул по ней подозрительным взглядом, но все же посторонился и дал выйти в коридор. Малая ступила в яркий свет и зашагала прочь, оглушенная стуком собственного сердца.

Спустя пару шагов она обернулась.

«Пес» вышел за ней.

Малая заторопилась вдоль дверей, ведущих в другие ложи. Лавировала между официантами с подносами. Завернула за угол и сбежала уровнем ниже по парадной лестнице. Завидев дежуривших легионеров, она пошла спокойнее. Их было трое: коротко стриженные, гладко выбритые, в одинаковой темно-синей форме, в которой они походили на гончих. Заметив Малую, один из них что-то сказал товарищам и двинулся к ней.

«Пес» был все ближе.

Гончие с одной стороны, волки – с другой.

Она в панике выдохнула. Проследила за официантом с подносом грязной посуды. Он толкнул служебную дверь, и Малая бросилась следом. Врезалась в его спину.

Посуда посыпалась на пол. Официант отшатнулся, за спиной заметались крики.

Малая кинулась по служебному коридору; мимо дверей, за которыми ухали десятки кухонных модулей. Влетела в подъемник и трижды успела нажать кнопку нижнего уровня, прежде чем двери закрылись. Лифт набрал скорость, провалился вниз, и на миг Малой почудилось, что она взлетает.

Цокольный этаж театра оказался чистым и безликим. Коридоры пересекались столь же одинаковыми коридорами, двери походили одна на другую – без табличек и каких-либо опознавательных знаков. Только белый пластик – стен, потолков, входов, выходов. Над головой тускло мерцали полосы ламп, на которых… От яркости и волнения у Малой сбилась фокусировка, и мир заслонило изображение дохлой мухи за светильником. На скрюченных лапках топорщились волоски.

Заметив камеру у потолка, Малая опустила голову. Уставилась на собственные ботинки, уняла тошноту и зашагала вперед.

Успокоиться. И не останавливаться. Не время бояться.

Она поравнялась с охранником. Взгляд сам уполз к матовой кобуре, которая выглядывала из-под форменной куртки. Но, хвала Юпитеру, охранник прошел мимо. Даже головы не поднял.

Малая зашагала быстрее. Обернулась и вздрогнула, заметив «пса» в форме уборщика. Тот озирался, расталкивал официантов и рабочих в спецовках. Малая торопливо свернула в боковой коридор и едва не взвыла. Уперлась в тупик! Четыре двери и стена. Двери заперты. На одной желтел знак пожарного выхода.

Она выглянула за угол.

«Пес» шел в ее направлении.

Сразу за ним – она приблизила изображение и задохнулась от ужаса – сразу за «псом» шел легионер.

Малая спряталась обратно и прижалась затылком к стене. Нужно было бежать, вот только куда? Стоит сунуться в коридор, как «пес» или легионер сразу заметят.

Она бросилась к дверям в закутке. Вновь проверила одну за другой, но все оказались заперты – выдавали красный код и угрожающе пищали. У потолка мигал глазок камеры. Должно быть, охрана здания уже засекла ее попытки.

Малая положила ладонь на экран пожарного выхода.

Настроилась, попыталась почувствовать. Ничего, будто в стену смотрела.

– Давай же, ну давай, – прошептала, облизывая сухие губы.

Экран упрямо горел алым, и она хлопнула по нему в раздражении.

– Стоять.

Приказ хлестнул, как пощечина. Малая забыла про замок и глянула через плечо.

Легионер целился в нее из пистолета. Светловолосый, с мягкими чертами лица. Больше походил на жреца, чем на солдата, но взгляд был твердый. Взгляд окуляра, такого же, как у нее. Губы плотно сжаты. И оружие он держал уверенно; точно выстрелит, если понадобится. Даже думать не будет.

За его спиной показался «пес». Заметив форму легиона, он заторопился мимо и скрылся за углом.

– Руки за голову, – велел легионер.

Малая послушалась. Может, стоило ему довериться, попросить о помощи? Она же не была преступницей! Не сделала ничего плохого. Но, вспомнив слова Алариха, она отказалась от этой мысли.

Легионеры посадили Энцо в крио. Искали ее. Помощи не будет, ниоткуда.

– Повернись.

Она развернулась. Оказалась лицом к экрану блокировки. Тот горел неизменным красным, и все ощущения, как назло, молчали. За спиной щелкнули шаги.

Малая закусила губу. Она не могла так просто сдаться. Должна была вытащить Энцо – с помощью Алариха или без.

Тонкая нить сигнала отозвалась маячком. Малая ухватилась за нее, и экран сменил цвет на зеленый. Дверь всосалась в стену, открыв узкую лестницу, что вела наверх.

Малая рванула с места: вперед и вбок. Вовремя – перила зашипели и оплавились от угодившего в них заряда. Повезло – легионер не ожидал, что заблокированная дверь вдруг решит открыться, и промазал. Она мигом перескочила пролет и кинулась за угол, в боковое ответвление. Впереди виднелся выход на подземную стоянку.

Она выпала в холод бетонных тоннелей и побежала, пригнувшись, вдоль ряда одинаковых белых такси. Ее силуэт отражался в решетках и выпуклых фарах. Собственное дыхание оглушало, в боку кололо от бега. В конце ряда она остановилась и привстала. Заметив движение, увеличила изображение.

Легионер стоял у выхода на лестницу. Обвел припаркованные машины пистолетом, затем нажал на мочку уха и что-то сказал.

Должно быть, вызвал подмогу.

Нет-нет, только не это…

Малая огляделась. Выход на улицу темнел в двух сотнях шагов, и это расстояние нужно было пробежать по открытому пространству. Прекрасная мишень, ничего не скажешь. Она вытерла вспотевшие руки о костюм, и линии на боках засветились.

Точно, усилитель! Костюм был не просто маскировкой, а самой настоящей бронированной шкурой.

Малая нащупала складку на вороте у затылка и вытянула капюшон. Его край прилип ко лбу, упругая ткань обтянула голову.

Почти полная защита.

Она осторожно ступила из-за машины. Поймала момент, когда легионер смотрел в другую сторону, и бросилась вперед. Ее догнал крик, еле слышный за гулом в ушах.

Малая вильнула между рядами. Пересекла еще одну площадку и едва не упала, когда из-за грузовичков кейтеринговой компании выскочил «пес». Тот самый, в форме уборщика. «Пес» бежать не стал; просто направил что-то в ее сторону. Воздух загудел, и Малая словно в стену влетела. Заряд бросил ее на колонну. Плечо онемело, изображение в окуляре зарябило.

Ничего, никаких ран. Просто будет большой синяк. Больно зверски, но не настолько, чтобы остановиться.

Малая помчалась дальше. Перелезла через парапет и двинулась по спирали подъема. Страх подстегивал. За спиной кто-то выстрелил, раздались крики. Похоже, «пес» встретился с подоспевшими легионерами. Туда ему и дорога.

Она вывалилась в холодный ночной мрак. Окуляр постепенно пришел в норму, и она заковыляла вниз по улице, задыхаясь от быстрого шага. Время давно перевалило за полночь. Курия устало гудела машинами, подслеповато моргала рекламой на вершинах зданий.

Малая перебежала перекресток, необычно запруженный для позднего часа. Машины стояли тесно, ожидая сигнала светофора. Экран у пешеходного перехода отсчитывал время, оставшееся до начала движения. Оказавшись на тротуаре, она позволила себе небольшую передышку – сил совсем не осталось. Она согнулась, уперла руки в колени. Под ребрами сводило, то ли от удара, то ли от бега. Голова шла кругом от всего, что произошло.

Но взгляд на себе она почувствовала. Фокус чужого окуляра.

Знакомый легионер смотрел прямо на нее. Он стоял на противоположной стороне дороги, рядом с мигающими цифрами светофора. Нахмурился, но оружие доставать не стал и быстрым

шагом двинулся к ней.

Нет-нет! Только его не хватало!

Между ними пролегало десять полос. Десять полос, десять шагов.

Малая в панике глянула на огни светофора, распрямилась и заковыляла прочь от перекрестка.

Скорее бы красный.

Скорее бы красный.

Скорее бы…

Рев моторов огласил улицу. Светофор вдруг переключился на красный, машины помчались дальше, а легионер замер под разделительными маячками посреди проезжей части. Потоки машин огибали его по обе стороны. Странно, конечно; Малая была уверена, что зеленый сигнал горел бы еще долго. Но тем лучше для нее. Стоило сматываться, пока преследователь не мог двинуться с места.

Услышав гул тормозов, она опять обернулась. Со съезда эстакады на полном ходу летел тяжеловоз. Легионер зачарованно уставился на него.

«Не останавливайся», – мелькнуло в голове, прежде чем Малая успела перехватить эту мысль и задушить на корню.

И что-то внутри грузовика хрустнуло. Будто стекло лопнуло в ладони. Водитель попытался затормозить, – Малая почувствовала, как он заколотил по сенсорной панели управления, – но машину занесло. Кузов качнулся, мигнул турбинами, медленно завис на боку.

Перевернулся и накрыл легионера собой.

Малая вскрикнула и прижала руки ко рту. Прохожие остановились, кто-то завизжал. Разделительные маячки на месте аварии окрасились красным, вдалеке завыли сирены.

А Малая неслась по склону улицы, бежала на нижний уровень.

Не ее вина. Ведь светофор переключился сам, и тяжеловоз перевернулся сам.

Она была совсем ни при чем.

Просто не успела что-то сделать.

Хотела, но не успела.

И какая-то ее часть беспрестанно думала о том, как было бы здорово, если грузовик все-таки не остановится. Сколько проблем исчезнет одним махом. Вспомнив это, Малая всхлипнула. Легионер мог выжить. Разумеется, мог, кивнула она себе. Наверняка отпрыгнул или еще что-нибудь придумал. Она торопливо вытерла слезы и свернула за откатную дверь с изображением робота на вывеске. Знакомая территория. Сама

того не желая, она вернулась к дому. Уже ставшая родной колонна нависла над ней черной тенью.

Очень кстати. Нужны были деньги и свежая одежда. Армокостюм слишком бросался в глаза.

Малая взбежала по лестнице. На этаже царила тишина, только шелестел мусор, потревоженный ботинками. Она осторожно заглянула в коридор.

Никого.

На цыпочках Малая пробежалась к своей двери и сунула ключ-карту в замок. Тот мигнул зеленым. Она включила ночной режим окуляра, сжала влажные ладони и толкнула дверь.

Тоже никого. Только очертания мебели и серый прямоугольник окна. Комната оказалась такой унылой. Воспоминания о ней были чище, чем она сама. Стены с потеками, окно грязное, и одежда… Малая скривилась. Тоже серая, в тон стенам.

Переодевшись, она сорвала с изголовья кровати сумку и принялась набивать ее всем, что могло сгодиться. Две карты с денариями, футболка, аптечка, блокнот и зачем-то старый навигатор-наушник.

На краю стола лежал пластиковый прямоугольник. Ключ-карта от комнаты Энцо. Когда они только заселились, он оставил ей запасной на всякий случай.

Как же без него было одиноко. И страшно…

Малая вытерла нос. Все это временно. И одиночество, и вонючие комнатушки. Она разыщет Энцо, вытащит из тюрьмы. И с Аларихом они разберутся уже вдвоем.

Она закинула сумку на плечо и ухватила ключ. Стоило поискать в его комнате деньги – кто знает, сколько времени придется прятаться?

Малая пробежалась по сумрачному коридору и разблокировала замок. Дверь с тихим щелчком отъехала в сторону. Внутри все было перевернуто – то ли легион устраивал обыск, то ли местные залезли. Деньги наверняка вытащили, да и оружие, если оно имелось.

Она подняла с пола куртку. Большую, в такую можно обернуться дважды. Прижала ее к груди и вдохнула уже ставший близким запах.

Шаги за спиной она услышала слишком поздно.

II. Erebus

Хлебные крошки

Легионер Луций Цецилий Авианий Марс не любил утро.

Ни жиденький рассвет, едва пробивающийся через потолок нависших над Четвертой курией туч. Ни желтые всполохи лучей в дни хорошей погоды. И ничто – ни дождь, ни мокрый снег зимой, ни самый лютый ураган – не меняло его распорядка.

Ровно в пять утра он вставал. Залезал под широкую струю душа, где нещадно оттирал себя под осенне-прохладной водой. Шлепал на кухню – слишком тесную по меркам его богатого семейства и слишком просторную для одного человека по меркам самого Луция. Выпивал чашку свежесваренного кофе, без аппетита поглощал тост с ломтиком ветчины. В качестве десерта откупоривал пузырек из тонированного стекла и лепил за щеку перламутровую таблетку «гелиоса». Обычный завтрак.

Но это утро началось не в пример бодрее.

Храмовый бассейн кипел. На поверхности вздувались маслянистые пузыри; лопаясь, они выпускали удушливый газ, от которого кружилась голова.

Луций снова глянул на притихшего скворца в своей руке. Тот косился черными бусинами глаз. Сердце отчетливо билось в щуплой груди, под нитками косточек. Боялся. Луций же не чувствовал ничего, кроме горя и странной гулкой пустоты.

Он ухватил птицу за голову, свернул шею и бросил в кипящую жидкость далеко внизу, за каменным парапетом. Та сожрала пернатое тело в мгновение ока. Следом упали три щепотки земли из пластикового контейнера неподалеку.

– Хозяин космических глубин, прими эту смерть, – торопливо зашептал нелепые, заученные с детства слова, кося глазом на женщин в нескольких шагах справа. Те истово молились; голубь в руках старшей беспомощно крутил головой. Сам Луций в молитвы не верил – да и в богов тоже, – но сегодня ему хотелось поговорить хоть с кем-то, пусть и с выдуманным Плутоном и его ларами. Больше собеседников не осталось.

– Прими эту смерть, как принял высокородного патриция Миния Аэлия Агеласта, потомка Ювения Агеласта, отца Овидия Агеласта и Аэлия Агеласта Младшего.

Он сбился и умолк. Сглотнул злобу и горечь с языка.

– Он был хорошим другом и напарником. Терпеливым человеком. Будь к нему милостив.

Луций вскинул голову, уставился на храмовый купол, пережидая непростительную для легионера слабость. По серому пористому камню ползли голограммы лиц усопших. Они мирно улыбались. Казалось, спали, если бы не зашитые глаза. Миния среди них уже не было – лики проецировали в течение первых

суток после смерти. Затем тела кремировали и отправляли прах в окружной колумбарий.

Все это казалось омерзительным. Украшенный фальшивой позолотой храм, фальшивое тихое пение из динамиков за капителями колонн, фальшивая печаль на лицах жрецов в расшитых хламидах. Ничто из этого не могло приглушить боль утраты.

Глянув в последний раз на кипящий источник, он прошел по центральному нефу храма, мимо каменных скамей, на которых сидели потерянные скорбящие. У выхода сдернул одноразовую тогу с плеча, сунул ее белый ком в отверстие мусороприемника и поднес запястье к электронному жрецу. «Списано сто денариев, – безмолвно написал тот на экране. – Боги да пребудут с вами». Прозрачные ворота разъехались, и Луций шагнул в свежий утренний сумрак.

Из которого что-то шлепнулось на плечо.

Луций с отвращением уставился на белую кляксу на шве форменной куртки. Юркая тень снялась с полосы фонаря над портиком; захлопали крылья. Земные паразиты гадили метко.

– Это знак!

Луций повернулся на крик. Поймал взгляд паломницы, которая сидела у колонны неподалеку. У коленей стояла коробка для подаяний. На лбу алела вертикальная полоса – отметина системы Эреба. Такие часто залетали на Землю; делали пересадку и отправлялись дальше, к внутренним сферам империи. Любимое развлечение поклонников Плутона – летать по Новому Риму без определенной цели и занятия, как сбоящий дрон.

Паломница улыбнулась – губы цвета гороховой пасты разъехались в улыбке, обнажив пустые десны. Мерзость.

– Боги заметили тебя.

Гнев и раздражение взбухли пенными волнами, совсем как воды на дне Плутонова источника. В плечо толкнули, и Луций, не глядя, поднял запястье, обнажив клеймо легиона. Вокруг мигом стало свободнее.

– И чем же они благословили меня, эребе? – Он шагнул к попрошайке. Мыс его ботинка коснулся коробочки для карт, и та проскребла по граниту. – Птичьим дерьмом?

Пускай пророчества и видения попрошаек были иррациональны и рассчитаны лишь на вытягивание денариев из простаков, но в глубине души Луций желал этого полубезумного прорицания. Он не был простаком, но надеялся на силу и мощь богов. На знамение скорого отмщения. На долгую и мучительную смерть врагов в крови и дерьме, как и полагается подыхать плебеям.

– Ты будешь плодовитым, воин, – ответила смуглая эребе. – Начнешь новую, длинную ветвь.

Луций сплюнул и зашагал по ступеням, к рокоту и гаму Четвертой курии.

Потомство, ха.

Он не нуждается в потомстве. Он хочет мести.

* * *

Ни дождь, ни мокрый снег, ни лютый ураган не меняли ни единого пункта в распорядке Луция Цецилия Авиания Марса, следователя Четвертого Управления и декуриона – начальника семи ленивых патрульных и одного программиста. Подчиненные тоже не радовали нисколько. Но, несмотря на это, Луций летел на работу. Пахал без выходных и отпусков.

Всегда. Кроме сегодняшнего утра.

Луций замер у большой, в человеческий рост, панели в приемной Управления. На экране сменяли друг дружку фотографии светлокожего улыбчивого парня. В форме и гражданском, на рабочем месте и у патрульной машины, с пальцем на спусковой кнопке гасты – винтовка подключена проводком к окуляру.

Следующий залп фотографий: с женой в день их свадьбы, с первенцем на руках, с подросшим ребенком на празднике Юноны. Луций узнал бежевый свитерок, в котором щеголял ребенок – выбирал сам, в подарок на трехлетие. Помнится, напарник тут же натянул его на сына и попросил сфотографировать их вместе.

Миний на панели широко улыбался, как делал всегда. На запястье обнаженной руки блестела узкая полоса стали. Браслет, запаянный намертво, символ отличия.

Луций одернул рукава рубашки, прикрыв сталь собственных браслетов манжетами. В отличие от напарника, он не гордился своими наградами. Увидь кто-нибудь ту резню, в которой пришлось участвовать, сразу понял бы, что восхищаться абсолютно нечем. Грязь, кровь, боль и беспорядочная стрельба.

Экран мигнул, сменился изображением праздничного стола – только боги знали, зачем его всунули в общую подборку. На фото улыбались все, кроме высокого легионера с темным ежиком волос и столь же темным выражением лица. Он стоял рядом с Минием и прожигал фотографа взглядом. Руки прятал за спиной. Чтобы никто не видел фосфорического мазка от «гелиоса» на пальцах, вспомнил Луций. В тот день он забыл перчатки дома.

Поджав губы, он оторвался от череды слащавых, уже никому не нужных снимков и направился к пропускной зоне. Темнокожий

легионер у рамки досмотра поднял на него взгляд, и безразличие сменилось настороженностью и неприязнью. Впрочем, так менялся взгляд у всех встреченных Луцием работников Управления.

Да и плевать.

– Декурион Луций Цецилий Авианий Марс. – Он склонился к микрофону. Голосовой датчик пискнул, подтвердив личность. Лазерный луч пробежался по чипу на запястье.

Конференц-зал располагался на двадцатом этаже, но, несмотря на красивый парк и храм за прозрачными стенами, всегда оставался погружен в полумрак. Детали над доской голографического проектора и на панели были заметнее в сумраке. Оборудование Управления давно нуждалось в замене, но Сенат жалел средств на модернизацию.

Двумя размашистыми движениями Луций растянул панель на стене, включил видео, перемотал до нужного момента и стукнул по экрану. Запись остановилась. На ней замерла девушка в черном армокостюме. Виднелись лишь затылок, шея и спина, на плечах светились полосы армозащиты.

Он увеличил изображение. Воротник девушки замялся, под линией волос виднелся выбитый регистрационный знак.

– Негражданин I-45, из курии Десять. – Луций размял подрагивавшие пальцы. – Шесть недель тому назад прибыла в Четвертую курию. Слепая, с сопровождением.

Он открыл новый слой, включил другое видео, с камер вокзала. На нем девушка цеплялась за руку высокого парня. Номера, судя по простой одежде. «Сына Марса», судя по мощному телосложению и имплантату.

И бывшего члена группировки, судя по тому, как старательно он прятал татуировки под рукавами. Выделялся в толпе легко одетых патрициев.

– Негражданин А-206, Пятая курия. Марсианин. Состоял в группе «псов». Отбывал срок, семнадцать недель тому назад был расконсервирован. – Луций назвал статью, по памяти повторив длинный номер. – По полному циклу на вокзале его не проверяли. Записали как сопровождение слепого, низкая степень угрозы. На момент совершения убийства, – он намеренно использовал это слово, хоть знал, что пока не имел на него права, – А-206 находился в отделе предварительного содержания Орбитальной криотюрьмы. Но, может быть, какие-то его связи выведут нас на I-45.

Он глянул через плечо. Встретился взглядом с центурионом Титом Пуллием, который примостился у выхода, и отвернулся. Развернул еще один снимок с камер.

– На территорию театра I-45 проникла в сопровождении патриция. Пока неясно, состояли они в сговоре или нет.

– И здесь она уже с имплантатом, – добавил Тит Пуллий за спиной.

– Военный окуляр, да, – кивнул Луций. – Сопровождал ее Брут Аквиний по прозвищу Аларих. Регистрация Седьмой курии. Более пяти лет числился погибшим. Из здания не выходил, следов не обнаружено.

Мог переодеться в форму обслуживающего персонала и скрыться через служебные шлюзы стоянки в тоннель, в обход проверки чипов. Мог нацепить голографическую маску, камеры такое не распознавали.

Проклятое старое оборудование и жадность Сената.

– I-45 замечена у жилой колонны, где снимала комнату. На рабочем месте более не отмечалась. Курию не покидала. До сих пор не ясно, почему декурион Агеласт преследовал ее. Легионеры из его группы доложили, что ему пришло сообщение на некс. Киберотдел занимается восстановлением данных, но имплантат слишком поврежден. Заметив I-45, декурион последовал за ней. Через девять минут поступил запрос о подкреплении, вызов с первого уровня стоянки. Номер, инициировавший перестрелку, убит при задержании.

Еще один слой на панели. Изображение тела в бежевой форме уборщика.

– Регистрационная татуировка сведена, найти лицо в базе не удалось.

И, судя по записям с камер, он тоже преследовал неуловимую I-45. Проклятая слепая притягивала неприятности.

Луций кашлянул и свернул панель – едва не проткнул пластиковый угол пальцем. Экран медленно съежился до размеров блокнота, мигнул и перешел в спящий режим. Лампа проектора, припекавшая макушку все время инструктажа, наконец погасла. Иссушенные жаром щеки горели. Луций развернулся на пятках и оглядел два ряда лиц за столом. На всех застыло одинаковое выражение безутешной скуки. Собравшиеся легионеры походили на лодырей с задних парт академии. Будто только что обсуждали не сбежавшую преступницу и гибель декуриона Управления, а никому не нужную статистику. За долгую карьеру Луцию доводилось выступать немало, и он привык к тому, что некоторые легионеры слушали вполуха.

Но этим утром нервы шалили.

Рука потянулась к рукояти табельного распылителя. Поймав себя на этом, Луций сжал кулаки и завел их за спину.

– Ваша цель, – он постарался сказать как можно спокойнее, –

собрать как можно больше информации. Опросить гостей и работников театра. Соседей по дому. Всех, кто имел к ней отношение.

Один легионер поднял руку. Из декурии Луция, знакомое лицо.

– Имеем ли мы право заниматься сбором информации? К какому делу подшивать полученные данные? Преступлений в театре «Пандора» совершено не было, только административные нарушения, которыми мы не занимаемся. Смерть декуриона Аэлия зарегистрирована как несчастный случай…

– Смерть декуриона Аэлия еще никак не зарегистрирована, – прервал его Луций. – Собранные данные прошу отправлять мне лично.

Еще он не любил умников. Тех, кто лишь рассуждал сложа руки. Искал какие угодно оправдания, только бы ничего не делать.

Утренний сбор закончился. Легионеры поспешили из кабинета, отдавая дежурную честь. Не торопился лишь центурион. Единственный толковый человек во всем Управлении. Поймав взгляд Луция, Тит Пуллий улыбнулся. Он вообще улыбался часто, хоть ему это категорически не шло. Шрамы, крест-накрест пересекавшие щеки, разъехались к ушам. Левая, биометаллическая половина лица осталась неподвижной.

Странное зрелище.

– Как ты? – неожиданно фамильярно спросил он. Отвечать не хотелось. Луций предпочел бы говорить только о расследовании.

– Неплохо, спасибо.

Хотя бывало и лучше.

– Отправил соболезнования супруге Миния, она любезно их приняла.

Тит Пуллий кивнул все с тем же отцовским участием. Не намного старше Луция, лет на десять, но пережил в десятки раз больше – Луций видел его досье. Бывший центурион отряда быстрого реагирования. Под его кожей таилось больше стали, чем под капотом служебной машины.

– Поступили данные по А-206. Его уже подготовили к отправке на орбиту. Крио на четыре года.

– За передачу посылки? Четыре года?

– По новому кодексу.

Опоздали, не успели допросить. Луций снова сжал кулаки. И как он мог забыть «гелиос» дома? Идиот.

С пойманными на месте преступления особо не церемонились. Порой даже по базе не пробивали; так, вводили номер осужденного в автомат, указывали код преступления,

сканировали чип легионера, который провел задержание. Машина выплевывала талон, и осужденный отправлялся в предварительный отдел на заморозку.

Безликий и как минимум несовершенный подход.

– Когда отправка?

– Через две недели обещают челнок. В любом случае у нас все равно недостаточно причин для его расконсервации.

Тит развел руками, открещиваясь от происходящего. «О, жестокий мир, – будто говорил он. – Жестокий, несправедливый…»

Луций нехотя кивнул. Чему удивляться? Судебная система Нового Рима была далека от совершенства.

– И только что ответили с Десятой. Последний раз I-45 отмечалась по месту регистрации пару месяцев тому назад. Дом пуст, вещи на месте. Ничего подозрительного.

Вот это было сомнительно.

– Я хочу проверить сам лично.

Луций выдержал тяжелый взгляд центуриона. Подавил желание скрестить руки на груди и вновь заложил их за спину, сцепив пальцы в замок.

– Луций, зачем? Я уверен, там и без тебя все отлично проверили. И… – Тит замялся, подбирая слова. – Ты пойми, это был всего лишь несчастный случай.

В повисшей тишине тихо потрескивала вентиляция. За тонкой стеной слышались голоса, шаги и звяканье кофейного аппарата.

Луций упорно молчал, поджав губы.

Тит Пуллий изучал его еще несколько мгновений, затем усмехнулся и выудил из кармана блокнот. Растянул экран, и пластина экрана засветилась изумрудным. По ней побежали полученные письма. Тит свернул их движением пальца и открыл таблицу учета центурии.

– Пара дней, Луций. В понедельник жду тебя с результатами.

– Так точно.

– Сейчас, конечно, не лучшее время, но я должен назначить тебе напарника. – Заметив, что Луций собирается возразить, Тит Пуллий жестом велел ему заткнуться. – Обязан по закону.

Луций торопливо сморгнул гнев, белой пеленой застивший глаза. Спокойствие, только спокойствие. Еще не хватало, чтобы его сняли с дела за неповиновение.

– Прошу. Мне не нужен напарник. Не сейчас, – он накрыл блокнот центуриона ладонью.

Тит сощурился:

– Пойдешь со служебным нюхачом, раз не хочешь напарника.

Еще лучше: номер, марсианин, необразованное животное. Луций даже понимал их с трудом, хотя по долгу службы знал воровской жаргон подземных уровней. Пропасть между гражданами и низшими слоями Нового Рима была непреодолимой, и он не имел ни малейшего желания ее форсировать.

Стоило выезжать немедленно. Сесть на ближайший рейс, и прости-прощай непрошеный нюхач. Даже наемники-марсиане со своей выносливостью не могли догнать уходящий состав Трансзонального экспресса.

Он щелкнул каблуками и пулей вылетел из зала в длинный, уже опустевший коридор. Помчался мимо панелей с изображениями разыскиваемых преступников и целей. Каждого из них он знал в лицо. Бородатый громила Корнелий Сулла, анархист и мародер. Три-Семь, известный серийный убийца с самодельными окулярами вместо глаз. Десятки голографических взглядов скользили по выправке Луция со злостью и презрением. Под каждым из лиц бежали строчки данных. Рост, особые приметы, гражданство или регистрационный номер.

Лифт звякнул, открывшись.

– Поедешь? – поинтересовался женский голос за спиной. Луций кивнул, не глядя, шагнул внутрь. Разлиновал таблицей экран блокнота. Мысли кипели, грозя вылиться через уши и нос.

Столько версий ждали проверки. Свежий след тянул за собой.

* * *

Высотки Четвертой, космопорт Пятой и гелиобатареи Шестой курий исчезли в ночном тумане одна за другой. Следом пропал укрывавший их голубоватый защитный купол; его сменили радиоактивные дюны и тонны рыжего от пыли воздуха. Выжженная веками и войнами земля.

Состав влетел в тоннель, и в купе резко стемнело; лампы тлели только в скрытых нишах под потолком. Поворот, рывок ускорения, и экспресс снова устремился в алые поля. Путешествие через зону отчуждения всегда было своего рода экстримом. Слабонервных, беременных и страдающих эпилепсией просили лишний раз его не совершать, чтобы не бередить психику и не провоцировать припадки.

Луций ощущал лишь легкий дискомфорт – видал кое-что похуже. Например, расчлененное тело, забившее сток в канализации. К тому же он пересекал зону не впервые.

В первый раз он ехал на Трансзональном вместе с Минием. Они вырвались из академии на выходные и решили смотаться в

Седьмую курию – просто так, интереса ради. Кто-то из однокурсников сказал им, что девушки там особенно развратные. Охочие до богатеньких сынков из центра.

Дать им тогда, конечно, дали, но не так чтобы очень развратно. По роже. Луцию наложили с десяток швов, Минию Аэлию имплантировали искусственный глаз вместо выбитого живого.

Луций поморщился. Спину и шею вновь начало сводить. Он выудил из кармана пузырек с «гелиосом» и сунул плоскую таблетку за щеку. На подушечках указательного и большого пальцев остался серебристый фосфорический мазок – приставучая штука. Луций привычно натянул перчатки. Затем открыл блокнот и в который раз включил видео с места аварии. Вот напарник двинулся через перекресток. Смотрел точно на I-45, нейтрализатор оставил в кобуре (почему, почему, Миний?!). Светофор переключился, машины двинулись, грузовик завис над застывшим в ужасе Минием, и…

Луций перемотал запись назад. Затем еще немного, до предыдущего зеленого сигнала. Ровно сто двадцать секунд. Включился красный, затем снова зеленый. Он опять засек время. Проезжую часть пересекла девчонка. Остановилась на тротуаре, обернулась, и Миний побежал следом. Луций увеличил изображение смазанного профиля. I-45 чуть подняла голову. Смотрела не на легионера – выше.

Зеленый сигнал сменился красным.

На браслете Луция светились сто одиннадцать секунд. Сбой в программе, сказали техники.

Луций откинулся на спинку сиденья и позволил записи доиграть до конца. После чего смял блокнот до размеров сигаретной пачки, швырнул его на стол. Пластиковый квадрат проехался до смятой обертки от бутерброда, ткнулся в нее и остановился.

Теперь он был уверен – Миний погиб не случайно. Может, девчонке поставили имплантат с дистанционным управлением. Она же нашла деньги на окуляр. Правда, ни один хакер не мог взломать одновременно систему светофора и грузовика… Слишком быстро.

Луций растянулся на мягкой скамье – как обычно, не снимая ботинок и перчаток, – положил голову на свернутую валиком куртку и закрыл глаза. Стоило поспать; путь предстоял неблизкий.

«Гелиос» наконец подействовал, и напряжение отступило. Тело расслабилось, растеклось по сиденью. Звуки стали глуше и мягче, темнота – медовой и уютной. Это обезболивающее, мягко

говоря, не приветствовалось командованием легиона. Но старые ранения, мешающие выполнению воинских обязанностей, приветствовались еще меньше. А Луций не хотел остаться без работы.

Пустыня за подголовником выла, навевая дрему. Перед глазами замелькали полустертые картины прошлого: дым подбитых челноков, бегущие легионеры, собственные ноги, утопающие в песке. Экипировка совсем не рассчитана на условия планеты, где они оказались. Ботинки экзоскелета проваливаются глубоко. Приходится выдергивать, ловить равновесие. Прилетает зеленая волна снаряда, и защита на груди проминается так, что невозможно дышать…

Луций поморщился и провалился в знакомый кошмар.

* * *

– Доброго тебе утречка и привет от Пулли.

Он сразу ее узнал. К-326-3, марсианка на службе Управления, выделялась на фоне стерильной чистоты Трансзонального вокзала, как пятно дерьма в операционной. Высокая – чуть ниже Луция, – с крепкими и заметными округлостями, сильным телом и гривой цвета южной ночи. На смуглой скуле распустился узор татуировки, в рваном ухе блестело кольцо. Одета не по форме, в который раз. Терпели ее только из-за таланта: находила любой след. Особенно если этот след пах наркотиками.

Ее голос он тоже узнал. Вчера, у лифта, она говорила мягче, не так хрипло. Похоже, ночь в экспрессе оказалась несладкой.

Стоило помнить, что центурион всегда видел его насквозь. Послал нюхача вдогонку.

– Не слишком оно доброе, Три-Два-Шесть.

– Без официоза, ладно? Просто Бритва.

Она затянулась кривой сигаретой. Уголек почти обжигал перчатки для аэроцикла. Под накрашенным глазом темнел свежий синяк. Выглядела Бритва как проститутка из лупанария. Вела себя так же.

– Не знал, что ты куришь.

Она процедила облачко дыма через зубы.

– Моей работе курево не мешает.

– А моей – мешает, – отрезал Луций и разблокировал двери лишь после того, как окурок полетел на обочину. Он и сам курил, но на марсиан у него развилась особая аллергия – при каждой встрече хотелось сунуть распылитель им в морду и нажать спусковую кнопку.

Бритва неспешно приблизилась; оказавшись рядом, повела

носом и улыбнулась.

– Чего скалишься? – бросил Луций.

– Ничего, декурион.

Она улыбнулась еще шире и нырнула в салон. Луций хлопнул дверью. На лбу даже испарина выступила. Баночка «гелиоса» жгла грудь через ткань рубашки.

Чертова Бритва. Чертов Тит Пуллий.

Служебную машину им любезно одолжило местное Управление. Легионеры дальних курий были рады выслужиться перед коллегами из центра – мало ли какое знакомство пригодится для повышения? Да и колымага с вытянутым капотом и гнутыми шасси по меркам Управления Седьмой была неплохим вариантом. Здесь новые авто не закупали. Их слишком часто расстреливали и сминали в авариях.

После Восьмой Луций и Бритва поменялись местами. Номерам не полагалось водить в присутствии старшего по должности, но Луций наотрез отказался садиться за руль, отговорившись болью старого ранения. В туалете придорожной забегаловки смело налепил за щеку еще «гелиоса». Забрался в пассажирское кресло, опустил спинку, закинул ноги на приборную панель и закрыл глаза.

Золотые таблетки помогали думать. На время седая пелена боли ушла на второй план, и мысли сами потекли, складываясь в логические цепочки. Нужно было расставить имевшиеся факты по полочкам, просчитать все варианты…

И сосредоточиться в тишине было куда проще. Миний это понимал. Бритва – нет.

Он распахнул глаза и застонал. Услышанное точно не было дурным сном.

– О боги, ты еще и поешь?

Бритва осклабилась, не отрывая взгляда от вечерней дороги.

– Прошу прощения, – откликнулась без малейшего сожаления в голосе. Блики фонарей, линиями оцеплявших автостраду, скользили по ее скулам и прямому носу. – Думала, ты спишь.

– Под это? Вряд ли. И я не спал – я думал.

– Да ладно, декурион, ты дрых как младенец. Наверняка что-то хорошее снилось.

«Шлепни меня по заднице, детка, я дам тебе пососать свою конфетку», – выло радио. От гулкого бита салон вибрировал, как в дерьмовом клубе.

– «Пососать конфетку»? – Луций вскинул брови. – Серьезно?

– Только свою не предлагай.

Придерживая руль одной рукой, Бритва откусила лепешку с завернутой в нее луканской колбаской – так роботы-гидры

откусывали ноги каторжникам на Лире-6. Ревела музыка, ревели старые двигатели, темнела под звездами пустыня за обочинами шоссе. Пахло жиром и чесноком.

«Шле-шле-шлепни меня, шле-шле-шлепни меня…» – продолжал надрываться (и нарываться) певец. Луций шлепнул ладонью по приборной панели, одним махом погрузив салон в тишину. Приоткрыл окно, впустив вой ветра и свежий воздух.

– Так-то лучше, – сказал и закрыл глаза.

Прежде чем провалиться в сон, он услышал сочный треск разрываемой колбаски.

* * *

Вскоре им пришлось заночевать. Они припарковались у корпусов придорожного мотеля – нескольких этажей ячеек с минимумом удобств. Не вилла с видом на храм и парк, но все же неплохой выбор на те средства, что выделял Сенат.

И там, в тени перспектив неудобной кровати и отвратительного завтрака, Луция ждал сюрприз.

– Не успела запросить командировочные, – сказала Бритва. – Велели не выпускать тебя из виду, я и сорвалась.

Она вытряхнула сигарету из пачки, словно не сообщила ничего особенного. Словно они не находились за кучу стадий от родного Управления без гроша в кармане. Хотела прикурить, но убрала зажигалку под взглядом Луция. Нет, говорил ее вид, ей совсем не было совестно. Ты сам виноват, Луций Цецилий.

– А разменные карты у тебя есть? Хоть сколько-нибудь.

Бритва качнула головой:

– Последнее на экспресс потратила. Номерам хреново платят, если ты не в курсе.

– Замечательно.

У самого Луция тоже осталось не так много денег. И на казенном счете числилось командировочных ровно на одного человека – если не шиковать. Дорога, еда, мотель. Оставлять прикрепленного нюхача спать в машине воспрещалось уставом – умышленный вред работнику Управления, статья сто шестидесятая.

Она наверняка сделала это специально.

Луций зажмурился, размял переносицу. Затем ухватил сумку и вылез наружу.

– Ладно, разберемся. – Он заглянул в салон. – Будешь спать на полу.

Бритва пожала плечом и все-таки закурила.

Как Луций и думал, служащий гостиницы не стал особо

сопротивляться. Увидел клеймо легионера, считал данные чипа, скосился на курившую у выхода конторы Бритву и понимающе кивнул. Ее задница в обтягивающих штанах так и блестела в свете фонарей.

– Презервативы, диафрагмы нужны?

– Нет. – Луций выдрал ключ из сухих пальцев. – Запишите, что я останавливался один.

– Конечно, декурион, – скривился служащий. Почесал плешивую макушку и вновь уставился на экран потрепанного блокнота. Его пересекали заголовки свежих статей. «Добегался: легионер Четвертой раздавлен упавшим грузовиком», – алело на самом верху. Луций едва не сунул руку в бронированное оконце, чтобы разбить блокнот. Расследование только началось, а кругом уже упражнялись в остроумии и обсуждали несостоятельность Управления и легиона в целом.

Гостиничная ячейка оказалась максимально простой. Все как всегда: кровать – слишком большая для одного, но недостаточно широкая для двоих, – информационная панель, коммуникатор, тесный душ и затертый коврик на полу. Луций пнул его под кровать. Наступать на эти половики было опаснее, чем ходить по липкому полу босиком.

В комнате висела нестерпимая духота. Окно не открывалось, и Луций изможденно стащил форменную рубашку, оставшись в майке. Не обращая на Бритву внимания, он забрался на кровать и обложился блокнотами. Высыпал из сумки карты памяти, рассовал их по слотам, открыл нужные файлы. Как он и думал, на почту пришли новые данные и копии рапортов.

– Жрать хочется, – голос Бритвы сбил нужную мысль. Луций раздраженно отмахнулся, просматривая отчеты патрульных. Соседи по жилой колонне ничего не знали ни об I-45, ни об ее спутнике, A-206. Скорее всего эти двое были любовниками.

Пришло старое досье на A-206. До первого заключения он состоял в банде «Псов Свободы», которыми заведовали номер по кличке Эзоп (ныне замороженный в крио) и все тот же Брут Аквиний по прозвищу Аларих.

Следом всплыло письмо из отдела контроля. Требовали наконец определить смерть Миния Аэлия как несчастный случай и без промедления отправить рапорт в нужную центурию. Вдова Миния ожидала страховых выплат, и ей требовались бумаги.

Луций пробежал письмо глазами и оставил его без ответа. Он очень сочувствовал вдове, но закрыть дело пока не мог.

Правда стоила дороже денариев.

– Хреново же тебя ценят в Управлении, Луций Цецилий, раз селят в такие клоповники. Даже кондиционер не работает.

Луций раздраженно вскинул голову и… забыл, куда хотел послать.

Пока он раскапывал отчеты и досье, Бритва успела раздеться и теперь разгуливала по комнатушке в одном белье. Луций даже отложил блокнот. Белье было серое, матовое, без затей и рисунка – сплошная скука. Однако тело под этой скукой казалось многообещающим на вид.

Полукружья крепкой задницы. Спина едва прикрыта майкой, на лопатках старые шрамы. Мышцы гуляют под кожей цвета карамели. Копна волос стянута в пучок.

Внизу живота потяжелело, и это злило. Луций терпеть не мог, когда что-то выходило из-под контроля. Особенно собственное тело.

– Я понимаю, что здесь жарко, как на Кеплере-36, – начал он, чувствуя подкатывающее возбуждение. Не вовремя, как же не вовремя… – И что ты не знаешь, как вести себя за пределами канализации.

Бритва еще раз вдарила по установке кондиционера, обернулась и приподняла бровь. Узор на ее скуле изогнулся змеей.

– Но ты же не с подружкой на ночь осталась, в конце концов, – Луций тоже поднял бровь.

Они уставились друг на друга, каждый со своей долей отвращения.

– Ты тоже ночуешь не с женщиной, а с коллегой, декурион. С номером и марсианкой. Даже вот так на меня пялиться уже противозаконно. – Бритва уперла кулак в покатое бедро и вновь нависла над мертвым кондиционером. – Зажми член ляжками и ложись спать. Либо будь мужчиной и почини эту железку.

Совсем страх потеряла. Сущее наказание богов.

Содрогаясь от гнева, Луций соскользнул с кровати и хлопнул дверью ванной. «Пусть оденется. Пусть прикроется», – подумал он, оперся на раковину и уставился в ее белое дно. С края углубления с жидким мылом уже свисал длинный темный волос. Луций брезгливо смахнул его на пол. И когда только успела?

С женщинами всегда было так: не успевали они появиться в доме, как тут же захватывали всю территорию – одеждой, безделушками, порядком на кухне. Волосами в раковине. И, похоже, в этом разницы между патрициями и номерами не было.

«Противозаконно», – сказала она.

Луций выдохнул и сунул голову под струю ледяной воды. Давно у него не стояло на живую женщину. Хоть какое-то разнообразие после многочасового просмотра порнухи.

Спать он лег на полу.

* * *

Нужный дом они отыскали не сразу.

Хибары номеров тянулись вдоль заболоченной, похожей на канаву речки. Покосившиеся коробки из ржавых листов, без опознавательных знаков и окон. Между мусорных куч шмыгали крысы, чуть реже – жители. Поодаль работали строительные машины. Одна низко загудела, и хибара под ее резонансным щитом треснула. Передняя стена провалилась внутрь.

Наверху на мосту жужжали проносящиеся машины. Внизу жужжали стаи мух. Вселенская гармония.

– Управление Четвертой курии, декурион Луций Цецилий, – он выдал привычную скороговорку первому встречному номеру, старику в куртке с нашивками местной строительной компании. Тот сощурился.

– Я уже проходил досмотр в этом месяце, декурион.

– Мы не с досмотром. Ищем дом I-45.

– Понятия не имею, о ком вы, декурион.

– А если так, – Луций склонился к его лицу. Кислая вонь давно не мытого тела ударила в нос. – Ты скажешь мне, где дом, а я не стану заказывать дополнительную проверку для твоего гадюшника. Идет?

Номер скривил рот, словно тоже учуял вонь, но все же указал на одну из будок. Крайнюю в ряду, у самой речной жижи. Во взломе не было нужды – после визита сыскной группы Десятой курии дверь висела на верхней рельсе. Достаточно было лишь приподнять ее и отставить в сторону.

– Да ты просто душка, – хмыкнула Бритва, переступив порог.

– Чего молчала, если были предложения получше?

– Не хотела портить тебе удовольствие.

Одно слово – марсианка. Не стоило ей даже отвечать.

Луций щелкнул выключателем и обвел взглядом комнатушку. Все перевернуто, раскидано. Легионеры постарались на славу. И, видимо, местные успели покопаться и вытащить все ценное и стоящее – если таковое вообще здесь имелось. Вдоль стен стояли два лежака на пластиковых ногах. Стол, стандартный кухонный модуль, табурет. Сальный картон на стенах, куча грязи и тряпье на полу. В общем-то, ничего особенного. Номера Четвертой курии убили бы за это жилище. Какое угодно, лишь бы на поверхности, а не в тоннелях канализации.

– Вздумай ты что-то прятать от легиона, куда бы ты это дела?

Бритва сунула руки в карманы куртки и окинула комнатушку еще одним, более внимательным взглядом. Пожала плечами:

– Явно не в доме. На улице, может. Здесь прятать негде.

– Или… – Луций с щелчком выдвинул дубинку и воткнул рукоять в щель между пластиковыми панелями пола. – В землю. Рядом с кухонным модулем наши сканеры работают плохо.

Он поднатужился, надавил на дубинку ногой, и панель медленно отошла. Занялся второй – методично, неспешно.

– Они не различают небольшие… объекты… за холодильной установкой.

Победив ветхий пол, он выдохнул и кивнул на открывшуюся дыру. Снизу тянуло сыростью, на красноватой земле поблескивали лужицы речной воды.

– Надо залезть туда.

Бритва нахмурилась, когда Луций протянул ей фонарик.

– Слышал, вы, номера, любите рыть норы.

– Да пошел ты.

Цыкнув, Бритва отбросила сигарету. Хлопнула по коленям, и ткань на них загрубела, превратившись в наколенники. Натянув перчатки, она полезла в узкую щель, источая молчаливую ненависть. Луций прошелся по каморке еще пару раз, заглядывая в разбросанные коробки. Поддел концом дубинки влажные одеяла на лежаках. Осмотрел разбросанные по столу счета. Все датировались прошлым годом; были смяты и украшены чайными кольцами от кружек.

– Три-два-шесть, ты еще жива?

Внизу что-то глухо стукнуло. Видимо, голова. Луций обошел стол и встал над просверками фонарика в щелях пола. Присел на корточки, вслушиваясь в сопение и возню под собой.

– Принято отвечать, когда спрашивают.

– Мне нужна лопата, – вдруг донеслось из-под пола. Луций вскинул брови, но все же прошелся к машине. В багажнике у патрульных всегда лежала одна – никто не знал, когда и кого придется откапывать на окраинах курий.

– Держи, – он сунул лопату черенком вперед и заглянул во тьму под полом. Яркий сноп света ослепил, заставив Луция с шипением скривиться. – Что там?

– Еще не знаю, декурион, – ответили ему в том же тоне. – Грести землю пальцами чертовски неудобно.

Он фыркнул, но остался сидеть у разлома. Кто знал, что она могла раскопать? Помнится, пару лет назад один патрульный напоролся на заряженную мину в красивом палисаднике, под розовым кустом. Не сумел вовремя обезвредить, и все. Останки собирали целой декурией по всему району.

Наконец движение под полом возобновилось – тяжелое и медленное. Луций сунулся в разлом, но так ничего и не смог

различить.

– Да что ты там тащишь? – не выдержал он. – Сваю фундамента?

Он ожидал увидеть что угодно: мешок поддельных документов, оружие, труп, в конце концов. Однако измазанная грязью Бритва выкатила в лучи жидкого света совсем не сваю и не труп.

На полу холодно серебрилась тюремная криокапсула. Небольшая, детского размера.

Луций машинально подал Бритве руку, помогая вылезти, и смахнул землю со стального бока полутораметровой бочки. Действительно, клеймо Орбитальной тюрьмы, отправка из подготовительного отдела Второй курии. Датчики и информационная панель разбиты, от крышки до днища пролегали глубокие борозды.

Дело становилось интереснее. Сонливость мигом ушла, знакомым пульсом застучал адреналин.

Луций жил ради таких моментов.

Он нащупал металлические бусины некса, имплантированные по краю ушной раковины, и вдавил верхнюю. В ожидании повел глазами по обшарпанному потолку с отметинами дождевых потеков, по разбухшим углам картона, которым обили стены. По Бритве, которая снова курила. Ее взгляд потяжелел, углы рта кривились, и с них струились седые усы дыма.

Должно быть, сама выросла в такой помойке.

«Да?» – осведомился Тит Пуллий.

– Центурион, нам придется задержаться.

Нюхай меня

Луций еще раз просмотрел сухие строки выверенного рапорта. Поймал сеть – бесплатную в этой забегаловке, – авторизовался в защищенной линии и нажал «отправить». Файл улетел прямиком на почту центуриона Тита Пуллия Цезона.

В строке поиска базы данных он ввел номер найденной криокапсулы. Блокнот задумался, и Луций откинулся на спинку стула.

Кафе пустовало. Пара сонных посетителей ковыряла утреннюю лапшу. Со стороны кухни доносилось звяканье модуля и посуды. В пластике стола плавали стайки рыб. Отличие всех дешевых забегаловок – претензия на оригинальность: прямо под тарелками и сеткой царапин сновали разноцветные тетры, конго и миноры. Ужасная безвкусица, если подумать.

За окном жужжало шоссе 9–10. Машины по удаленным от

центра куриям ездили недорогие, неброские и ненадежные; за то время, пока Луций ждал свою лепешку с мясом, у кафе остановилось три авто. Каждый раз владельцы выбирались из салона, поднимали капот и захлебывались в облаках дыма. Их беготня была единственным развлечением, которое скрашивало невкусный кофе.

Блокнот пискнул. «В доступе отказано», – загорелось на экране.

Луций цыкнул, побарабанил пальцами по прозрачному пластику. Рыбки всполошились и стайкой нырнули под забытую тарелку Бритвы. Сама же Бритва еще четверть часа тому назад скрылась в туалете и, судя по всему, бесследно – и бесславно – всосалась в унитаз.

«Туда ей и дорога».

– Отдел Управления данными Второй курии, пожалуйста, – сказал Луций, нажав бусину некса на мочке уха.

«Слушаю вас» , – мило и стерильно осведомилась девушка на том конце.

– Декурион Луций Цецилий Авианий Марс.

Или просто Василиск, как его звали в Управлении. Замечательное прозвище.

– Запрос данных обнаруженной криокапсулы.

«Пожалуйста, назовите номер вашего чипа и код найденного устройства».

Луций назвал. Немного повисел на линии, скользя взглядом по сонным лицам за столиками. По старой патрульной привычке оценил степень опасности, которую представлял каждый субъект. Перевел взгляд на унылую официантку, шагавшую по тесному проходу между рядами. Над ней и головами посетителей кружили мухи. Золотые. Совсем как таблетки «гелиоса».

Луций ткнул вилкой в сосиску на тарелке Бритвы. «Сколько можно нести одну лепешку?» – с тоской подумал он, засовывая кусок остывшей розовой сои в рот. Ужасная мерзость. Но есть хотелось зверски – прошлым днем он так толком и не обедал, перебивался таблетками и кофе. Экономил деньги.

Совместный бюджет на поездку, ларвы его подери.

«Благодарим за ожидание, – вернулась вежливая девушка. – *К сожалению, данные по указанному вами коду заблокированы согласно приказу 409NV от 6019 года и не могут быть отправлены с помощью общественной сети или звуковой связи некс».*

– Эти данные мне необходимы. Срочно. Как я могу их получить?

«Вы можете ознакомиться с ними, посетив архив Управления Второй курии лично, декурион».

Связь оборвалась.

Луций раздраженно отключил некс. Слух медленно вернулся; правое ухо снова забил рокот машин на шоссе, бряцанье приборов, звон посуды, монотонное кряканье автомата на бензоколонке. На обочину за окном свернул синий «Каир». Чихнул и плюхнулся прямо на железное пузо, не успев выдвинуть шасси. Из-под капота сочился сизый дым.

По самым оптимистичным расчетам, Луций мог посетить Вторую курию и архив ее Управления только через четыре дня. Два-три дня уйдет на дорогу до Четвертой и попутный сбор данных. Пара часов – на отчет у Тита Пуллия, и если отправиться на вокзал сразу, не заезжая домой, то утро следующего дня он встретит уже во Второй курии.

Да, так и стоит сделать.

Луций довольно запил сосиску кофе.

Стул напротив проскреб ножками по полу, окно заслонила свежепричесанная и посвежевшая Бритва. Она выразительно молчала, с поджатыми губами взирая на пустую тарелку.

– Что? – поднял бровь Луций. – Ты ничего не пропустила, еда была ужасна.

Он поднялся с места, сложил блокнот и приложил запястье к оконцу сканера, встроенного в стол. На экране мигнула списанная сумма.

– Поехали.

Радио снова разрывалось от популярных, похожих одна на другую песен. И, как оказалось, Бритва знала слова каждой из них. Она мурлыкала себе под нос, следя за полями и редкими скалами. Вдали поблескивала ограда космопорта. Близилась Седьмая курия.

Близилась она на черно-зеленой карте навигатора, встроенного в приборную панель. На деле до серебристой короны ее крыш оставалось около полусотни стадий. Через рябь облаков пробивался рассвет. Заморосил дождь. Бритва поговорила по коммуникатору с каким-то «красавчиком» и теперь неотрывно следила за дорогой. Луций снова и снова просматривал записи дорожных дронов.

I-45 смотрела на него с экрана блокнота. На белом лице читался испуг.

– Это она. Она это сделала, устроила аварию. Но как?

– Имплантат, – отозвалась Бритва. – Какой-нибудь умелец с Лиры подсуетился. Она же медосмотр не проходила ни разу.

– Не проходила, – кивнул Луций. – Но таких мощных нейроимплантов на Земле нет. Может, где-то в Ядре можно купить. Но откуда номеру с Десятой взять такой?

– На окуляр же бабки нашлись.

Резонно. I-45 наверняка чья-то шестерка. Скорее всего Алариха. Вот только почему не выбрали шестерку покрепче и постарше?

За окном проносились дорожные столбы с ультразвуковыми пугалками для живности. Мерно гудел мотор.

Луций закусил палец.

– Будь ты слепой, как бы ты путешествовала между куриями?

– В компании здорового мужика и распылителя, – хмыкнула Бритва.

– Я не о том. – Луций отмахнулся. – Ты – слепой номер. Денег нет, но хочется в центр. Что будешь делать?

– Поймаю попутку. Или сяду в транзитный автобус до Седьмой.

– Может быть.

Хотя билет на автобус I-45 скорее всего тоже купить не могла. Или не догадалась. Значит, с Аларихом еще не была знакома.

Луций сдвинул сиденье назад и закинул ноги на приборную панель. Опустил стекло, несмотря на залетающую в салон морось. Во взболтанной «гелиосом» голове мысли плыли медленно и плавно, как косяки недавно увиденных рыб.

– Надо прогнать их лица по программе. Вдруг на дорожных камерах что-то осталось…

– Мне кажется, в Управлении уже это сделали.

Луций качнул головой.

– В Управлении лица прогоняют по общим параметрам. Загружают фото в программу, и она ищет совпадения с предоставленным ей изображением. Сфера поиска слишком мала, условий слишком много. Но если, – он принялся печатать, перенося данные, – если не загружать фото, а внести нужные параметры от руки, с узким промежутком времени и на определенной местности – например, на отрезке шоссе, – то улов может получиться совсем другим. Ясно?

– Какой ты умный.

– Просто не ленивый.

– А чего не проверить сразу Четвертую курию?

– Уже. Слишком много результатов.

Хотя кому он объяснял? Луций запустил поиск, положил блокнот на живот и прикрыл глаза. Всего на секундочку, пообещал он себе. Всего… на…

Его бесцеремонно шлепнули по лицу – не рукой, а чем-то теплым, масляным и пахнущим чесноком.

– Луций!

Голос Бритвы утонул в пронзительном писке. Блокнот. Луций

подскочил и ударился лбом о крышу машины. Бритва захохотала, едва не подавившись вечной луканской колбаской.

– Твою же… – Он потер ушиб и отключил звук. Вытер жир со щеки. Черный квадрат блокнота ожил, выдав нечеткий снимок машины. На мутном изображении серела ночная улица Десятой курии. Ошибки быть не могло – у притормозившей машины стояла нужная им номер.

– Похоже на «Кассиопею». – Бритва бросила взгляд на блокнот. – Крутая тачка.

Машина и впрямь радовала глаз. Золотисто-бежевая, с мощными турбинами под хищно вытянутым кузовом. Дверь с пассажирской стороны была поднята, и I-45 заглядывала внутрь. На плече она держала сумку.

Сумку Луций внес в свою таблицу с уликами.

Блокнот пискнул, получив новое сообщение.

– Эта «Кассиопея» доехала до Седьмой курии. Сейчас числится на стоянке Трансзонального.

Он умолк, читая досье владельца. Какой-то патриций из Второй курии. Бывший легионер. Приводов не было, в преступных связях не замечен.

Он отправил запрос в Управление Седьмой и на стоянку – стоило проверить багажник и салон. Поговорить с владельцем тоже стоило – все равно Луций собирался посетить архив.

Блокнот пискнул снова – на этот раз с изображением девушки, похожей на I-45. Еще без окуляра и уже без сумки, она мялась у лотка с уличной едой на окраине Восьмой курии.

Бритва съехала на обочину, заглушила мотор. Перегнувшись через плечо Луция, она всмотрелась в изображение внимательнее. От нее едва ощутимо пахло табаком и чем-то сладким вроде ванили. Эта сладко-терпкая смесь преследовала Луция всю дорогу.

– Здесь «Кассиопеи» не видно.

– В это время «Кассиопея» уже зарегистрирована на стоянке вокзала.

– Не довез. – Бритва насмешливо сощурилась. – Но Сорок Пятая тоже не дура, нашла попутчика.

Она указала на знакомое лицо А-206 в очереди за лепешкой.

Луций запросил записи уличного видеонаблюдения за золотистой «Кассиопеей» за период в один месяц.

Владелец «Кассиопеи» посещал на Десятой пару домов и лупанарий, в котором провел всю ночь. Выехал из курии с белокурой девочкой на пассажирском сиденье.

На границе Девятой курии пассажирское сиденье уже пустовало.

В голову пришло самое очевидное.

– Проститутка? – предположил Луций. – Отработала, и он ее выкинул. Ей же нужны были деньги на дорогу.

– А у вашей братии номера могут только этим заниматься, верно? Трясти сиськами и воровать.

Бритва фыркнула и качнула головой. Она сняла машину с шасси и вырулила обратно на шоссе. Так резко, что Луций приложился головой о стекло. Да что с этой марсианкой было не так?

– Я сужу по статистике, – процедил он. – Девяносто девять из ста проституток – номера. Отчаявшиеся люди на многое способны.

– Отчаявшаяся слепая проститутка, потрясающе.

Бритва криво усмехнулась и бросила остаток сосиски в окно, словно потеряла аппетит. Послышался резкий вой турбин – соевый огрызок размазался по ветровому стеклу летевшей позади машины, и та вильнула, не совладав с управлением.

Луций свернул блокнот и уставился на дорогу. Глаза ломило от света. Ноющая боль снова растекалась по плечу; от старого ранения по лопатке, вниз по позвоночнику. Голова раскалывалась, будто по ней били молотом. Казалось, еще немного, и Луций сойдет с ума.

Не будь рядом наемницы с нейроимплантом, одна золотистая таблетка уже бы таяла в его рту. Покалывала язык, а мышцы сладостно расслаблялись одна за другой…

До куполов Трансзонального вокзала оставалось немного; они уже вздымались за серыми трущобами Седьмой курии, словно гигантский круизный корабль на орбите. Пластины вокзальной крыши отражали солнечный свет, молочно-белые и воздушные на фоне лазури неба. Они сулили мягкие сиденья купе и крепкий сон в золотистой дымке обезболивающего.

Оказавшись в экспрессе, Луций еле усидел до отправления.

Как только над дверью купе зажегся зеленый индикатор, он выскочил наружу и заперся в туалетной кабинке. Таблетка на изнанке его щеки таяла, половина лица онемела, словно к ней приложили лед. Спасительный холод расползся по позвоночнику, унял боль, которая мучила весь день напролет.

Луций сунул в рот еще один золотой кругляш. Когда поезд повернул, он не удержался на ногах и с размаху сел на крышку унитаза. Лопатки уперлись в холодный кафель. Потолок кружился в такт дыханию. Экспресс гудел, накручивая стадию за стадией. Пол мерно вибрировал.

Хорошо, Юпитер подери.

Обратно в купе Луций не спешил. Купил в автомате сэндвич и побрел по коридору, чувствуя себя на удивление спокойно. Будто в теплой воде плыл. За полосами окон проплывала красная земля, а он блуждал по ней взглядом, не испытывая ровным счетом ничего. Замечательное ощущение. Словно все внутренности выдуло, и осталась лишь оболочка. Как рыбий пузырь.

К тому времени, когда он достиг нужной двери, Бритва уже спала. Черные завитки ее волос рассыпались по коже сиденья. Лицо казалось до странного спокойным в ржавых отсветах естественной атмосферы Земли. Скулы приглушенно мерцали, ресницы подрагивали. Мерно вздымалась грудь в расстегнутом вороте. Отчего-то захотелось положить в смуглую ложбинку вишню. Или кубик льда, чтобы тот, растаяв, соскользнул под рубашку, на живот.

Луций сел напротив и куснул сэндвич. Вновь покосился на лицо спящей марсианки. Суровое, как равнина за окном экспресса.

Блокнот на столе замерцал новым сообщением. Луций открыл письмо и оперся щекой на кулак, щурясь от белых страниц, непривычно ярких в полутьме купе.

Спустя пару строк он выпрямился и вчитался внимательнее.

Пара свидетелей из театра утверждали, что консул Анк Туллий вел себя странно. По слухам, на спектакле ему стало дурно, но вместо врачей он вызвал охрану. К письму прилагалась видеозапись. Съемка велась издалека и под углом – ложи для высокопоставленных персон считались местом приватным. Виднелся балкон, накрытый бронированным стеклом. За стеклом белела лысая голова трибуна и украшенные неоновыми нитями прически-пирамиды сопровождавших его дам. На миг лысина качнулась и пропала из виду.

Луций нахмурился и приблизил изображение. Все стало зернистым и расплывчатым. Он запустил программу для повышения четкости. По экрану прошла полоса, силуэты стали

четче, но делу это помогло слабо. Слишком далеко, да и освещение зала оставляло желать лучшего.

Консул упал. Похоже, ему действительно стало плохо. Женщины засуетились, усадили его обратно. Одна из них двинулась к выходу, но, помедлив, вернулась на место.

Ей велели вернуться.

Луций перемотал вперед. Дверь отворилась, и в ложу вошел человек – не легионер, из личной охраны. Он коснулся уха, передавая сообщение по нексу.

«Тебе что-то сказали по приватной линии, – подумал Луций, отчаянно хрустя пальцами. – Но что именно, Миний? Почему ты побежал за девчонкой?»

И куда смотрели дежурившие на спектакле легионеры? Хотя Луций знал куда. После начала первого акта – на сцену, задницы дам или закуски на подносах официантов. После второго акта – на бокалы с коктейлями и тонированную дверь в курилку.

Очень просто и очень безответственно. Нужно проследить, чтобы их уволили.

Луций перемотал назад. Консул набрал сообщение в коммуникаторе и осмотрел зал. В одной точке его взгляд задержался чуть дольше. Луций остановил видео. Вывел полную картинку на новый слой. Консул смотрел на нижние ложи, примерно туда, где сидели разыскиваемые Аларих и I-45.

Сон как рукой сняло. Хотя стоило поспать, пока действовало обезболивающее. Первые нити судорог уже натягивались вдоль позвоночника.

Луций защипнул переносицу пальцами и зажмурился. Его рапорт Титу Пуллию грозил затянуться на три часа вместо запланированных двух.

* * *

Рапорт затянулся на четыре. Пострадавший консул Анк Туллий все еще гостил в Четвертой и милостиво согласился на аудиенцию. Ожидал через час в номере гостиницы, и теперь Луций шагал по переходам между корпусами Управления со скоростью крейсерского корабля. Щелкал каблуками по гладкому полу, заставляя коллег оборачиваться и отшатываться в сторону. Он вскочил в закрывающийся лифт, потеснив габаритного декуриона из соседнего отдела. Кнопка первого этажа уже горела, но Луций вдавил ее еще раз. Так, на всякий случай.

– Как дела? – приветствовала его Бритва двадцатью этажами ниже.

– Не до тебя сейчас.

Он попытался пройти мимо, но Бритва ухватила его за запястье и выдернула к информпанелям на стене. Луций даже оторопел от такой наглости.

– Чего надо?

Она нехорошо усмехнулась; блеснули острые, нечеловеческие зубы. Тоже имплантаты, свои ей наверняка давно выбили.

– Обсудить кое-что.

Луций обернулся на крутящуюся дверь выхода. Консул ждать не будет.

– Давай позже.

– Нет, позже не катит. – Бритва с улыбкой качнула головой. – Или я прямо сейчас расскажу о твоих колесах, декурион. Прямо сейчас и громко, понял? И следующий медосмотр ты не пройдешь.

Луция будто в крио сунули. Вот оно. То, чего он боялся, все-таки случилось – его раскусили.

Он не мог лишиться работы. Она осталась – и всегда была – единственным, за что цеплялась его жизнь.

– Ты на кого замахнулась? – прошипел он. Ухватил Бритву за ворот и вжал в стену. В висках шумно застучало, кровь прилила к лицу. – Жить надоело?

– Спокойнее, Цецилий. – Улыбка Бритвы стала шире. Похоже, гнев Луция ее только забавлял. – Руки не распускай.

– Ты ничего не докажешь. Ничего, – Луций снова шваркнул ее о панель. Буквы за плечом марсианки мигнули от удара. – Твое слово против моего? Да ладно. Кто тебе поверит?

– У меня все записано, Цецилий. – Бритва постучала по пластине, вживленной в ее висок. – Прячь сколько влезет, у меня-то все есть. Каждый день отмечен, когда от тебя воняло. Думаешь, насыпал в контейнер для аэроклика и все, запаха нет?

Она приблизила свое лицо к его лицу, интимно, как перед поцелуем. Луций почувствовал ликер в ее дыхании.

– Не для меня. В одной машине ехали, де-ку-ри-он.

Бритва вытянула шею и демонстративно набрала в грудь воздуха, но крикнуть дежурным не успела – Луций медленно разжал пальцы. Победно оскалившись, она одернула воротник.

– Чего ты хочешь?

– А так не понятно? – Она указала взглядом на карман его штанов. – У тебя же с собой, я чую. Нам, знаешь ли, мало платят, на лекарства не хватает.

Луций облизнул губы и осторожно огляделся. На них уже косились дежурные у пропускного пункта. И камеры… Они с Бритвой будто на сцене стояли.

– Пошли, – сказал он тихо и направился к черному ходу. У

раздвижных дверей для персонала набрал давно заученный код, спустился на боковом лифте и свернул в закуток за шахтой, обрамленный трубами ретрассы. Отличное место, без камер, скрытое от посторонних глаз.

Бритва ввалилась следом; шаркнула ботинками и осмотрела нору Луция с одобрением.

– Давай, – она подставила ладони горстью. Ее пальцы подрагивали. – Сыпь.

Кругляши «гелиоса» вывалились под тусклый свет аварийной лампы, пачкая кожу золотой пыльцой. Бритва сопроводила их появление протяжным стоном.

– О-о-о да. Идите к мамочке…

Ссыпав таблетки в карман, она сунула одну за щеку и привалилась к стене. Вжалась плечами в щербатые блоки и прикрыла глаза.

– Какой. Марсов. Кайф. – Она причмокнула губами и шумно выдохнула. – Люди не понимают, какой это кайф – не чувствовать боли. Знаешь, иногда затылок как пилой фигачат.

Конечно, Луций знал о возможных побочных эффектах нейропримочек, которые с радостью вживляли себе марсиане. Но слышать подробности из первых уст он не желал. Подробности делали прочитанное реальным.

– Эта железка обостряет нюх и отравляет жизнь. – Бритва рассмеялась. Лениво приподняла ресницы, и на скулу упала густая тень. – Присоединяйся. Тебя же крючит, вижу.

– Я сегодня уже…

Луций облизнул сухие губы. «Гелиос», который он принял с утра, давно перестал действовать. Трое суток в машине вывели тело из терпимого равновесия, и руки сами тянулись к таблеткам, аж нутро горело. Не стоило сидеть, скрючившись, много часов кряду и после ожидать чуда. А может, просто привык к дозе.

Он перевел взгляд на баночку из тонированного стекла в своей руке. С щелчком откупорил ее и заглянул внутрь.

– У тебя из-за чего? – проскрипела Бритва, когда он привалился рядом.

– Не твое дело, – отозвался Луций. Таблетка растворялась за его щекой. Тело вдруг стало легким, как пластиковая пленка.

– Не хочешь – не говори.

Бритва откашлялась. Провела ладонью по шее, размазывая капли пота. Рядом с трубами ретрассы всегда было нестерпимо жарко.

– Но все-таки мы одинаковые, декурион. Ты, я – все одинаковые. Странно, что патриции до сих пор этого не поняли.

Когда ее выпустят? Хороший вопрос.

Сперва Малая задавала его каждый день, затем – каждые три дня. Последние дни не спрашивала совсем. Просто ждала. Сидела в бетонной коробке два на два шага. Терпела ежедневные визиты Алариха. Без устали веселила его, взламывая программы и чужие системы на блокноте; заставляла их делать то, что не было задано установками.

Включить сигнализацию.

Открыть дверь.

Перевести деньги на счет.

Все это она делала без особого удовольствия. Аларих же хлопал в ладоши и радовался так, что тряслись все три подбородка. Чем больше Малая его рассматривала, тем отвратительнее он казался. Крепкое тело гнездилось на стуле и, казалось, вот-вот его раздавит. Кулаки покрыты рыжими волосами. Клыки на верхней челюсти выступали вперед, как у зверя.

Она сама тоже была омерзительной. Грязной. Каждую ночь ей снился убитый легионер. Искаженное страхом лицо, прежде чем его накрыло многими тоннами груза. Он был ни в чем не виноват, просто исполнял свой долг. А она… Хотела ли она что-то сделать? Помочь, остановить машину? Вряд ли.

Он вез мясо, тот грузовик. От этой мысли становилось еще хуже.

Малая прикрыла глаза, шумно выдохнула. Нужно собраться, что-нибудь придумать. Но каждый раз, когда открывалась дверь и в проеме возникал силуэт Алариха, она цепенела. Не могла придумать ни единого способа покинуть бетонную клетку.

Глупый номер. Сорок Пятая с клеймом на шее.

Похожая на нить игла блеснула в полумраке, и Малая отвернулась. Наблюдать, как Аларих колется, не хотелось. И укол, и тот, кто его делал, были равно отвратительны.

Запястье начало зудеть, и Малая впилась в него ногтями. Под пальцами скаталась отслоившаяся кожа. В покрасневшем пятне проступило что-то желтое и тонкое, как старый синяк. Кожа начала слезать не так давно, после того, как Малая испробовала свою силу на кардиостимуляторе трибуна. Сперва просто чесалась, но чем больше взламывала программ и веселила Алариха, тем хуже становился зуд. Использование силы опустошало.

Малая глянула на дверь своей каморки – металлическую и низкую. Всем ее мучителям приходилось нагибаться при входе.

Замок тоже был металлический: Аларих прекрасно помнил о ее способностях и решил обойтись без электронных наворотов.

Сегодня в замочной скважине поблескивал забытый ключ.

Малая вздрогнула, когда перед ней со шлепком упал блокнот. Аларих сел на пластиковый табурет напротив.

– Сегодня задание будет посложнее.

Он усмехнулся, и толстые губы раздвинулись, обнажив имплантаты зубов. Кончик мясистого носа пошевелился, будто Аларих принюхивался.

Малая с трудом оторвала от него взгляд и кивнула.

Взяла блокнот.

И метнула в Алариха – изо всех сил, что в ней оставались. Удачно. Угол блокнота рассек бровь, кровь залила глаз. Аларих взревел и вскочил, размазывая алое по лицу.

Малая скользнула мимо. Подбежала к двери, дернула за ключ и вскрикнула, когда тот остался в ее руке.

Спокойно. Спокойно.

Вставила обратно, провернула (по памяти, так делал Аларих) и выскользнула в коридор. Ряд тусклых лампочек уходил в оба конца от камеры. Больше дверей не было.

С дальнего конца показались двое парней. Заметив ее, они перешли на бег.

Малая бросилась в другую сторону, но ее потянуло назад, словно капюшон толстовки за что-то зацепился. Она обернулась и вся сжалась.

Окровавленное лицо Алариха было еще страшнее.

– Сука, – сказал он ровно.

И швырнул Малую в стену. Так, что перед глазами рассыпались звезды, а в ушах загудело. Фокус окуляра сбился. Малая тряхнула головой. Побежала вслепую, касаясь рукой стены, но ее живо отбросили назад. Плиты пола звучно выбили из нее дух.

– А ты, оказывается, с норовом.

Аларих навис в мутном мареве над ней. Его кровь капала на щеку жгучими каплями.

Подоспели «псы». Обступили ее, как врачи – пациента в операционной.

– Что с ней делать? – спросил один.

Тень Алариха качнула головой.

– Обратно засуньте. И не кормите.

Псы

На Луция взирали четверо. Через стол сидел консул Анк

Туллий – лысеющий член Сената со взглядом орла на гербе Управления. По бокам примостились адвокаты: блондин в модном костюме и серый умник в тоге, которая обнажала узкие плечи. Блондин и Крыса, так их Луций и назвал. Над ними порхала секретарь с чашками и закусками. Луций уводил взгляд каждый раз, когда она оказывалась близко. Внимание автоматом переключалось на полупрозрачную рубашку, сквозь которую просвечивали круги сосков.

– То, что вы увидели на видео, декурион, – важно заявил Крыса, – было всего лишь легким недомоганием.

– От легкого недомогания не падают на пол. Управление получило видеозапись с камер наблюдения. – Луций посмотрел на консула. – Вам стало плохо, однако вместо врачей вы вызвали охрану. Почему?

Консул молчал. Молчали даже его водянисто-голубые глаза – никакого выражения.

– Вы заметили кого-то на нижних ложах, верно?

– Юпитер всемогущий, да о чем мы вообще говорим? – Крыса вскинул руки. – Консул совершил какое-то преступление?

– Консул может помочь нам в раскрытии преступления, но утаивает информацию от следствия.

Луций включил блокнот. Над экраном повисло трехмерное изображение лица I-45.

– Вы на нее смотрели?

Консул не отвечал. Казалось, он мерился с голограммой взглядом. Теперь на его лице отчетливо читалось презрение.

Он узнал ее. Луций попробовал надавить сильнее.

– Внизу сидела она. Из-за нее вы вызвали охрану.

– Она была не одна. – Анк Туллий тронул блокнот, и изображение свернулось. – Но вы это и без меня знаете, верно?

Адвокаты встрепенулись.

– Консул, мы не рекомендуем вам отвечать на вопросы, – торопливо заговорил Блондин. – Это может…

Анк Туллий вскинул руку, заставив его умолкнуть.

– Вы можете гарантировать мне, что поймаете их?

Под его взглядом даже Луций чувствовал себя не в своей тарелке.

– Сделаю все, что в моих силах.

– Звучит неуверенно.

– Она убила моего напарника. Как римлянин, я сделаю все, чтобы почтить память брата по оружию.

Консул вскинул брови.

– Я слышал лишь о несчастном случае.

– С вами тоже произошел бы несчастный случай?

Анк Туллий медленно кивнул. Отпил воды из золоченой бутылочки, которую подала секретарь. Положил ладонь – смятую артритом – себе на грудь.

– У меня кардиоимплант. Всегда было слабое сердце.

Блондин покачал головой. Крыса поджал губы, что-то яростно печатая в своем коммуникаторе. Консул не обратил на них никакого внимания. Все это словно не касалось его, огибало, как звездный ветер.

– Они угрожали сломать его, если я не повлияю на одно судебное дело.

Луций подался вперед в нетерпении.

– Какое?

– Это связано с движением «Псов Свободы». С их лидером. Все, что могу вам сказать. Похоже, ваша девушка – одна из «псов», декурион.

«Псы Свободы». Террористическая организация, запрещенная Римской империей. Состояла в основном из номеров. Время от времени они устраивали акции протеста. Взрывали здания, аэромосты и линии Трансзонального экспресса. Борьба за равенство, так они это называли. Луций слышал о заключении их лидера под стражу. Эзоп, так его звали. Газеты пророчили ему двести лет крио. Сам Луций ставил на триста.

Почти смертная казнь. Многие не выживали и после пятидесяти.

Теперь все складывалось во вполне понятную картину.

– Вам нужно будет повторить это для суда.

– Исключено, – вмешался Крыса.

На сей раз консул кивнул.

– Никто не должен знать о моей слабости. Вы меня понимаете?

Больше, чем кто-либо. Луций проникся невольной симпатией к консулу.

Он все понимал, но не мог потерять единственного важнейшего свидетеля.

– Мы можем заставить вас… – бросил последний козырь.

– С помощью чего? Видео? – Блондин сморщил нос. – Простите, но это смешно. Вас завалят судебными исками.

– Данная информация не выйдет за пределы этой комнаты, – добавил Крыса. – Если будет информация – звоните. И отправьте этих номеров в крио. Или к Плутону, на ваш выбор. Если покушение повторится, ответственным за него будете вы.

Он свернул коммуникатор, в котором делал пометки. Постучал получившейся трубочкой о стол и поднялся. Вместе с ним, как по сигналу, поднялись и остальные. Блондин провел

рукой по волосам, которые явно интересовали его больше, чем допрос и вооруженный легионер. Консул Анк Туллий расправил складки тоги и глянул на Луция с высоты своего роста.

– Найдите их, декурион.

* * *

Чертов Анк Туллий.

Луций саданул панель лифта, вжался пылающим лбом в ледяную сталь и прикрыл глаза. Втянул воздух через зубы. В тупике. Он снова оказался в тупике, в бюрократической западне, где секреты трибуна стоили дороже, чем жизнь легионера.

Кабина замедлила ход. Луций выпрямился и вернул лицу строгое выражение. Еще не хватало, чтобы соседи по этажу видели его гнев. Легионеру не полагалось гневаться. Сильные эмоции – первый симптом нестабильности.

Апартаменты тонули в скисшем воздухе. Чувствовалось, что их редко посещали и еще реже проветривали. Вот и сегодня Луций только скинул ботинки, нарезал стопку бутербродов и повалился в кресло, продавленное в том месте, куда регулярно приземлялась задница. Задумчиво прожевал кусок ветчины с хлебом, созерцая ночную курию за стеклянной стеной.

И не успел он толком расслабиться, как в зале разнесся чистый и высокий звук коммуникатора.

Звонили точно не по работе – легионеры связывались друг с другом при помощи некса, не утруждая себя видеосвязью. Увидеть Луция желал лишь один человек…

Луций нехотя нажал кнопку приема и вновь растекся по креслу.

– Да, отец.

Из крышки коммуникатора выросло изображение отцовской бритой головы. Цецилий-старший, по обыкновению, не улыбался. Щурил светло-серые глаза, сердито поджимал жесткие узкие губы. Сквозь него просвечивали выключенная панель на стене и доска с распечатками с мест преступлений. Фото оторванной ноги приходилось точно на нос голограммы.

– Звоню напомнить, что мы с матерью и сестрами ждем тебя на приеме в честь Тысячелетия Имперского Легиона. – Отец выпятил квадратный подбородок. Его обычное выражение, словно говорит с должником, а не с сыном. – Советую одеться подобающе. Синяя форма – не лучший выбор для светского выхода.

Луций размял переносицу. Сделал выдох, потом глубокий вдох. Никаких споров, только не сейчас.

– Ты знаешь, у меня работа. Мне не до приемов в центре.

– Твоя работа, – почти выплюнул отец. – Она совершенно не для человека твоего происхождения. За все годы даже не сумел дослужиться до центуриона. Думаешь, это делает тебе честь? Или нам? Если к тридцати пяти не сумел добиться положения на службе, ты не добьешься его никогда, и нечего тратить время впустую. Как глава рода, я требую…

– Ты не имеешь права требовать, отец, – оборвал его Луций. – Мы не в атомные времена живем, я могу выбирать профессию сам.

– Ты позоришь семью, Луций Цецилий. – Изображение головы увеличилось и зарябило. – Позоришь семью, тратишь время зря и ставишь свою жизнь под угрозу. Долго ли прожил твой напарник? Сжигали в закрытом гробу!..

На этом Луций перегнулся через стол и отключил коммуникатор.

Долго и длинно выдохнул, трижды.

Ухватил каменную пепельницу и несколькими точными ударами размозжил коробочку приемника. Коммуникатор затрещал и скончался, тихо и без конвульсий.

Не всем людям была дарована такая чистая смерть.

Пепельница полетела в угол; Луций провел пальцами по щетине на затылке.

– С-с-сука…

Ярость утихла и сменилась усталостью. Он уселся обратно в кресло и уставился на огни небоскреба Торговой палаты. Те перемигивались, как проблесковые маяки шаттлов. Луций будто плыл над городом в островке своего потрепанного кресла. Слышал, как ложится пыль – на него, на шторы, ненужные, бессмысленные полки, шкафы и столики. Бесполезные вещи бесполезного человека.

Роскошный тесный гроб на одного.

– Умирать больно, Миний?

Тишина. Луций почти ждал, что ухо кольнет вызов некса и ответит знакомый голос. Иногда руки сами тянулись по привычке. Пальцы касались кнопок и останавливались. Он вспоминал.

Миний был хорошим другом, лучшим напарником. И не заслужил такой смерти.

Луций сорвал куртку со спинки стула. Выудил «гелиос», покатал пузырек между ладонями. Нажал кнопку на крышке, пустив внутрь воздух. Герметичный же. И как только Бритва смогла его почуять?..

Луций застыл, глядя на перламутровые бляшки. Сунул

таблетки в карман, накинул куртку, пристегнул кобуру с табельным распылителем и выскочил из квартиры.

Оказавшись на промозглом ночном ветру, он тронул мочку уха.

– У Гераклейского спуска. Сейчас.

Он оборвал связь, не дожидаясь ответа. Прижал ладонь к стеклу служебной машины, и оно вспыхнуло неоново-голубым, считав отпечатки пальцев. Замки щелкнули, открывшись.

Пора проверить одну версию.

* * *

Противник навалился сверху и впился стальными зубами Бритве в плечо. Имплантаты прокусили кожу костюма, и Бритва взвыла от боли. Трибуна взвыла вместе с ней. Зрители повскакивали с мест, затопали ногами. Хищный, голодный рев заметался эхом под сводами канализации. Прожектора слепили, песок арены лип к щеке, влажный от крови.

«У Гераклейского спуска. Сейчас» , – неразборчиво прошуршало в ухе. Бритва надавила кнопку отключения плечом и оскалилась в раскрасневшуюся рожу противника.

Самое время закругляться.

Она впечатала кулак в потную щеку. Заклепки на перчатках разодрали кожу; на лоб закапала чужая кровь. Второй удар – и скула в лохмотья. И коленом между ног. Нечестно, но на арене все приемы хороши. А этот вообще действовал безотказно.

Противник согнулся, ткнулся потным лбом ей в грудь, сопя от боли. Два точных нажатия у основания шеи – и он в отключке. Фирменный прием легионеров, который показали в учебке.

Звякнул гонг, застучали барабаны. Трибуны разочарованно зашумели. Бритва скинула обмякшее тело с себя, поднялась и прицельно сплюнула противнику на штанину. Он точно рассчитывал победить легко.

Новичок. Бывалые бойцы Нижней Арены с Бритвой не связывались.

Силовое поле отключилось, и она перешагнула гудящий парапет. В душном сумраке между ареной и зрительными рядами маячило бледное лицо агента. Весь на нервах. Немудрено – он с таким трудом втиснул Бритву в ряды участников, а она не потрудилась выполнить все условия.

– Ты куда?! – Его крик смешался с гулом толпы и грохотом барабанов из динамиков.

– Дела не ждут, красавчик, – крикнула Бритва в ответ.

– Мы договаривались на три раунда!

Он ухватил ее за запястье и лишь после заметил клеймо в виде орла. То показалось из-под задравшегося рукава.

Бритва дождалась, пока он выпустит ее руку сам. Сдернула полотенце с плеча полуголого участника, ожидавшего своей очереди в сетчатом загоне, и зашагала вверх по ступеням вдоль битком заполненных рядов. Вытерла лоб и прокушенное плечо. Промокнула ладони. Кровь затекла в перчатки, и теперь те липли к коже. Пожалуй, стоило сделать укол от столбняка в Управлении. Один медбрат, из номеров, неровно к ней дышал и мог поделиться бесплатной прививкой.

– Детка, я б тебя покатал!

Она обернулась на крик. Ей ухмылялся долговязый номер с красочным и дурно набитым знаком банды на шее. Еле стоял, опираясь на спины приятелей; глаза пьяно блестели.

– Каталка не выросла. – Бритва улыбнулась в ответ и кинула в него полотенцем.

Вскоре аэроцикл нес ее по тоннелям – полым венам канализации, голубоватым в редких светляках фонарей. Разогретые мышцы горели, разбитые кулаки зудели. После хорошей драки тело наливалось энергией, сравнимой лишь с инъекцией допинга. Впрочем, драки и были допингом. Пустячной зависимостью, одной из нескольких.

Впервые Бритва увидела бой еще девочкой. По песку арены кружили на полусогнутых двое парней – оба полуголые, в облегающих, словно вторая кожа, штанах от армокостюмов. На обнаженных жилистых торсах засохли полосы крови и глянцевой синей водки – на удачу. Боец повыше ударил, целясь в челюсть, но второй успел отпрыгнуть, прочертил ладонями в белой пыли. Трибуны загудели, воздух завибрировал общим азартом. Бойцы вновь сцепились, обмениваясь мощными ударами, и в какой-то миг один повалился к ногам другого. Застучали барабаны, ведущий что-то кричал, а победитель стоял и облизывал смуглые губы, обводя трибуны растерянным взглядом. Отыскав Бритву, он махнул ей рукой.

Победа ее брата была не просто поводом для гордости. Она значила конец голоду. Прощание с общим бараком в нижних тоннелях. Одежду и учебу в школе.

Их ограбили свои же, у выхода на поверхность. Точно бы убили, не проезжай мимо патруль одного легионера по имени Тит Пуллий Цезон…

Бритва перенесла вес тела, и аэроцикл вписался в поворот. Дорога пошла вверх. Жилые коробки в ответвлениях тоннелей сменились насосными сооружениями и стоками, затем стоянками. Колонны стали чище, количество надписей на их

гранях уменьшилось. Последний рывок – и в лицо ударил горький от выхлопов воздух Четвертой курии.

Луций Цецилий ждал ее у переполненной лапшичной. Одетый в неуставную кожаную куртку без нашивок, майку и спортивные штаны, он сидел на автомате для чистки обуви. Держал на сгибе колена блокнот и листал слои рапортов. Забытая сигарета тлела в уголке рта, пепел грозил вот-вот рухнуть на светящийся экран. Судя по стойкому запаху, она была далеко не первой за ночь.

Подумать только, и этот человек запрещал ей курить в машине.

Бритва подошла ближе. Луций поднял на нее уже знакомый цепкий взгляд – настоящий охранник из будки сканирования.

– Что за спешка?

Луций не отвечал. Заметив, что он изучает ссадину на ее лбу, Бритва выхватила сигарету из его рта и отщелкнула прочь.

– Декурион? Чего вызвал?

Так же молча он проследил за полетом окурка. Сложил блокнот, поднялся и поманил Бритву в проулок за углом лапшичной. Запах мяса сменился вонью рвоты и старой крови. Со стен свисали петли грибка, на фасадах мигала старая реклама. Дорога стала неровной, с радужной от топлива водой в выбоинах. Эти лужи Луций переступал пружинистыми шагами. Держал руки в карманах штанов, отчего зад и узкие бедра выделялись еще сильнее.

Мало кто знал, что у Бритвы Три-Два-Шесть был собственный культ – культ тела. Мускулистые торсы казались ей живыми скульптурами. Настоящими памятниками упорной работе над собой. Редко кому удавалось сохранять естественный баланс; легионеры и марсиане все больше баловались усилителями, которые раздували тело, как гидравлические подушки.

Сероглазый Луций Цецилий со своим задом и высоким ростом был натурален с головы до пят. Он напоминал подвозившую I-45 «Кассиопею»: поджарый силуэт, дорогая краска и оснащение, умная начинка. Резкий старт, заносы на поворотах, капризное управление. Жаль, был патрицием и характером походил на дерьмо. Бритва вздохнула, прислушиваясь к вою музыки из клуба за углом. Простым номерам следовало держаться от патрициев подальше.

Луций остановился у подъезда жилой колонны. Крутанулся на пятках и указал на зарешеченную щель на первом этаже.

– Вон ее окно.

Он говорил тихо и сипло, словно мотался по улицам всю ночь напролет.

– Вылезти в него невозможно, как и в другие окна здания. Отсюда, – Луций указал на дверь подъезда, – она не выходила. Колонна не проходная, чердак пуст.

Ну и зачем повторять очевидное? Бритва пожала плечами.

– Допустим, в какой-то квартире есть шлюз в тоннели. Получи ордер и обыщи.

Она щелкнула зажигалкой и гневно фыркнула, когда Луций выбил сигарету из ее пальцев.

– Ордер не дают. Дела нет. Я не могу доказать, что напарника убили, поняла меня? Но я знаю это.

Он уставился на нее. Где-то наверху замерцала неоновая реклама, и его лицо залил желтушный свет, вычернив впадины глаз. Только взгляд блестел, как у больного пса.

– Ты мне веришь?

Бритва нехотя кивнула. Что-то он задумал, и это уже не нравилось. Все эти «веришь не веришь», «уважаешь не уважаешь» обычно вели к какой-нибудь паршивой просьбе…

– Мне нужна именно ты. Твой нюх. Найди ее, эту I-45. Мы должны ее найти, понимаешь? Толку от мертвого тела нам уже не будет.

Вот оно. Бритва даже не удивилась; не зря же Луций вызвал ее «срочно» посреди ночи. Но он впервые убрал патрицианские замашки и попросил о помощи. Говорил с ней на равных, а не отдал приказ.

– Думаешь, она тут одна такая проходила? Здесь тысячи жильцов.

– Уверен, ты справишься. Просто найди шлюз.

Бритва сомневалась, но все же достала из кармана пузырек с «меркурием» – наркотическим ядом, который выделяло Управление. «Меркурий» улучшал работу рецепторов, повышал концентрацию. От имплантата и этого препарата голова трещала так, словно готовилась выстрелить глазами. Бритве так и виделось: глазные яблоки медленно вылезают из орбит и скачут по асфальту наперегонки.

Но она сунула таблетку за щеку. Запахи тотчас обрели объем, густоту и цвет. Над мусоросборником у подъезда вспухло буро-зеленое облако – остаточные летучие вещества. Вдоль тротуара свились другие тени: одни – свежие и яркие, другие – блеклые, выдохшиеся. Бритва запустила пальцы под волосы на затылке. Нащупала кнопки регулировки и выставила нейроимплант на полную мощность.

Они с Луцием встретились взглядами, совсем как давние подельники. Пара ненормальных. Бритва даже усмехнулась:

– Ну смотри, декурион. Будешь должен.

– Я знаю, – улыбнулся Луций в ответ.

Улыбка оказалась ему к лицу.

Начали они с комнаты I-45. Сорвали полосатую ленту, разблокировали замок. Бритва остановилась на пороге, осматривая серый беспорядок в четырех квадратных метрах. Койка с тонким матрацем, пара одинаковых туник на полу. Правильно, к чему слепой изыски? Она все равно их не видела. Как грязь и рыжие потеки на потолке. Жалкое зрелище.

Бритва почувствовала ровное дыхание Луция за плечом.

– Чуешь что-нибудь?

Не ответив, она шагнула за порог. Сделала это с неохотой – каждая каморка в дешевых колоннах рассказывала свою некрасивую историю. Добавлять в коллекцию еще одну не особо хотелось.

И, конечно, она чуяла. Пахло страхом. Он синеватой дымкой реял у потолка, горел ярче в местах, которых касалась I-45. Желтел запах пота – больной, нехороший. Похоже, слепая не успела восстановиться после операции. Сидела на болеутоляющих как пить дать.

Бритва усмехнулась. Добро пожаловать в клуб.

Она вышла обратно в коридор. Миновала три двери, остановилась у четвертой. Здесь к запаху I-45 добавился запах мужчины. Табак, легкий нюанс клик-препарата, оружейная смазка.

Номер из банды, может, один из «псов». Плохо дело.

След повел к лестнице, оттуда на первый этаж. Прошел вдоль закованных в пластик теплотрасс, свернул за гудящий энергоблок.

Где пропал.

По обеим сторонам коридора выстроились двери. Все одинаковые.

– Совсем ничего?

Бритва хмуро кивнула и растерялась, когда Луций вручил ей свою кожаную куртку. Он отстегнул кобуру, вытащил распылитель и сунул за пояс штанов. На плече под майкой виднелись шрамы – широкие грубые рубцы. Видимо, старое ранение, с военной операции. В мирное время такое месиво вряд ли бы оставили; заделали бы в регенерационной капсуле или где там лечили богатеньких патрициев.

Он вытряхнул из пачки сигарету, прикурил и зажал ее зубами. Прошелся вдоль дверей, выбрал самую побитую и стукнул в нее кулаком.

Дверь приоткрылась, и он сунул ботинок в образовавшуюся щель.

– Слышь. Есть че?

Да что он задумал? Допрашивать всех подряд?

– Иди в задницу, кликер!

– А если найду? – Он сунул в щель дуло распылителя. – По-братски прошу. Ломает, сил нет.

– У меня нет ничего, – ответили ему уже тише и с уважением.

– А где есть?

– Вали в тридцатую.

Луций вытащил ботинок, и дверь захлопнулась. Он обернулся на Бритву и выплюнул окурок.

– Слышала? Ищем тридцатый номер.

Бритва усмехнулась. Этот неправильный патриций нравился ей все больше.

Номера редко подписывали свои двери. Квартиры приходилось угадывать по светлым контурам оторванных цифр. Тридцатая ожидала их на углу, грязная от граффити, жженых пятен и следов ботинок, которыми, похоже, любили в нее стучать.

Луций постучал так же: развернулся спиной и двинул ботинком. Пластик дрогнул в пазах.

– Пошел в Тартар! – отозвались из квартиры. Что-то щелкнуло, и Бритва подалась к стене. Луций вжался с другой стороны проема. Вовремя – дверь отъехала в сторону, и из квартиры пальнули. Коридор заволокло дымом. Запахло горелым пластиком.

– Что, сука, думал, я «орлика» не узнаю?!

Похоже, их раскрыли. Бритва вытащила из-за пояса дубинку и с щелчком раздвинула ее. Табельное оружие, как назло, осталось в Управлении; этим вечером она не планировала никого задерживать.

Не страшно, выбьет зубы кулаками.

Луций открыл экран тепловизора на стволе распылителя и жестом велел отвлечь внимание. Бритва стукнула дубинкой по косяку.

Кусок пластика с ее стороны тут же взорвался осколками, щеку резануло.

Луций прицелился и выстрелил в стену. Сразу же еще раз – уже в человека за получившейся дырой. Из комнаты донесся звук падающего тела, и он шагнул внутрь, держа распылитель перед собой.

Бритва хотела последовать за ним, но не успела.

Ее захватили за горло и потащили назад по коридору. Держали локтем, крепко. Не вздохнуть, не хрипнуть. За пальбой даже не услышала, что сзади подкрались. Мысли смешались от паники. Серый от дыма коридор поплыл перед глазами. Над ухом

тяжело сопели.

Бритва ткнула нападавшего дубинкой. Слишком длинная и неудобная в раздвинутом виде. Ее выбили из рук. Вот же Марсова задница… Бритва шаркнула ботинками по полу. Шатнулась к стене, всем весом припечатала нападавшего к трубе ретрассы. Двинула его локтем. Еще раз.

Ее вздернули над полом, все так же, за шею.

Он был гораздо выше, этот урод. И его хватка не слабела…

Над головой прожужжал заряд, лицо запорошило пеплом. Противник ослаб, и Бритва торопливо вывернулась из захвата. Отскочила, развернулась.

Шея нападавшего почернела и курилась; выше не осталось ничего. Бритва подавила рвотный позыв. Просто обезглавленное тело, напомнила себе. Она видела десятки таких в квадрате Орфея. Вот где случилась настоящая бойня.

Луций опустил распылитель.

– В порядке?

Бритва прогнала отголоски былого ужаса. Кивнула, медленно выпрямилась, чувствуя, как боль пронизывает тело, и направилась к злосчастной тридцатой комнате.

Внутри царил обугленный хаос. Похоже, Луций не постеснялся выставить распылитель на полную мощность: под потолком до сих пор кружили хлопья. Хозяин комнаты лежал лицом вниз. Из спины торчали белые палки ребер – как сломанные прутья. Бритва покосилась на напарника через плечо. Ни единой эмоции на лице, как бутерброд разогрел.

Говорили, что он повидал много горячих точек. Если так, то Бритва могла понять, откуда взялся его коронный взгляд – хирургически холодный – и привычка поджимать губы.

Бритва переступила тело и принюхалась. Черта с два можно было различить хоть что-то, кроме паленой плоти, пластика и остатков заряда. На миг ей захотелось развернуться и вызвать подкрепление. Они и так наворотили достаточно дел без ордера. Может, патрицию за нарушение устава ничего и не будет, а вот ее уволят как пить дать.

Она прикрыла глаза и отвела эмоции на второй план.

Предположим, она захотела поторговать кликами и оружием. Что бы она сделала?

Она осмотрела комнату, снова переступила тело и заглянула в душевую. Отметила идеально чистый поддон со стертыми от времени кафельными углами, надраенные краны и лейку душа. Обернулась на мертвого номера – тот походил на аборигена с дальних систем. Душем в этой комнате явно пользовались лишь по праздникам.

Но именно в душе убитый бывал чаще всего.

Она обернулась и едва не столкнулась носом с Луцием Цецилием.

– Дай распылитель.

Оружие шлепнулось в протянутую ладонь. Бритва включила экран тепловизора и наставила его на заднюю стену душевой кабины. Опустила чуть ниже.

В экране отразилась пустота. Как полость в горной породе.

Бритва улыбнулась и нажала спусковую кнопку.

В стороны полетели осколки плитки и бетонная пыль. Она прижала ладонь к носу и подошла ближе. Как она и думала, за проломом вниз уходила раздвижная лестница. Несанкционированный легионом ход в канализацию. Торговцы наркотиками часто пользовались такими.

В лицо пахнуло холодом и сыростью. Вдоль стен спиралями тянулись запахи десятков людей. И, возможно, внизу их уже ждали.

– Пошли.

Луций спокойно застегнул куртку, спрятав под ней оружие. Говорил как о чем-то само собой разумеющемся. Будто они еще на берегу договаривались, что вдвоем двинут в канализацию к кликерам и торговцам оружием. С одной пушкой на двоих. Да он хоть представлял, куда лез?

Бритва смерила его взглядом, оценила напряженные плечи Луция.

– Ты? – Она качнула головой. – Я пойду одна.

Луций помрачнел.

– Исключено. Я – старший в нашей связке, я решаю. Мы идем вместе.

– Только всех распугаешь. Мне они скажут больше.

– Нет.

Что за упрямая сволочь?

Бритва уперла кулак в бок.

– Я там своя. Ты – нет. Только время потратим.

Пару мгновений они мерялись взглядами, и наконец Луций сдался.

– Три часа. – Он засек время на браслете. – У тебя есть три часа. После я вызываю подкрепление.

* * *

За окном накрапывал обычный для начала зимы дождь. Наверняка пах топливом – грязной кровью планеты. Капли ползли по стеклу прозрачными червями. За ними ритмично вспыхивала

алым вывеска магазина через дорогу. Мерно шумела магистраль, совсем как прибой на планетке системы G-56. Луций отдыхал там, на родовой вилле. Давно это было.

Он откусил лепешку, сморщился и плюнул ее обратно на тарелку. Безвкусная гадость. Мысли его неизменно возвращались к Бритве. Зря он отпустил ее одну. У кого теперь стоило просить подкрепление: у центуриона Пуллия (и получить выговор за несанкционированный вызов «нюхача») или у командира группы нюхачей (и получить в зубы за то, что подверг опасности жизнь его подчиненной)? Больше всего Луций хотел спуститься в тоннели лично, но знал, что не протянет и десяти минут. Патрициев в канализации не любили особой нелюбовью.

Он потянулся к мочке уха, но убрал руку, когда свет с улицы плеснул в глаза. Аэроцикл. С рокотом турбин он дважды крутанулся на стоянке перед кафе, приземлился и затих. Улица вновь потемнела.

Дверь забегаловки отползла в сторону, и порог переступила Бритва, держа под мышкой шлем. Ее лицо было пасмурным, как погода за окном; на скуле алела содранная кожа. Заметив эту отметину, Луций отложил вилку и привстал. Его кольнула смутная вина, на смену которой пришла холодная ярость. Стоило разыскать хозяина кулака и пальнуть из распылителя по его яйцам.

– Что, снова красавчик?

Он указал на кровоподтек, желая, чтобы на этот раз она назвала номер. Вычислять уродов по номеру всегда было проще. Но Бритва только смерила его взглядом – своим коронным «не-трогай-меня» взглядом – и села.

– Не твое дело, Цецилий. Они что-то знают. Это точно, как дерьмо в сортире. Видели Сорок Пятую, но ничего не говорят.

– Кто-то может расколоться?

Бритва неопределенно пожала плечом.

– Точно не мне. Может, кому-то из своих, – сказала она и отвернулась к окну, накрыв щеку рукой.

Луций задержался взглядом на ее длинных, усеянных бусинами дождя пальцах; заметил часто бившуюся жилку на шее. Интересно, она принимала обезболивающее тем вечером? Выданный им «гелиос» должен был закончиться, а в аптеках такие сильные препараты не продавали. Он знал эти ощущения: когда ладони потели, голова раскалывалась, а жилы тянуло из тела, как нить из шва на ране.

И разбитая щека. Дети Марса любили подраться.

Дети Марса.

Он вскочил, едва не перевернув стул. Кинул на стол

разменную карту.

– Заказывай что хочешь. Я плачу, – бросил уже на бегу и выскочил в дождь.

Долги прошлого

Допросная комната походила на коробок. Тесный и холодный, с белыми стенами и раздражающим искусственным освещением. Одна из ламп потрескивала, словно готовилась взорваться и усыпать сидевших под ней раскаленными осколками. Луций уставился на глазок камеры, вмонтированный напротив стола. Камера подмигнула зеленым. Совсем как военный окуляр.

На стуле для подозреваемых – привинченном к полу – горбился марсианин, бледный после крио. С отекшим телом и набухшими веками. На бритой голове – засохшая кровь, лицо сизое от кровоподтеков. Вместо руки в рукаве тюремной рубахи виднелось запястье имплантата с пучком оборванных проводов.

Луций поджал губы, чувствуя, как в нем поднимается отвращение.

– А-206, курия Пять, – прочел он с экрана, хотя знал досье наизусть.

– Да. – Осужденный криво усмехнулся. – Счастливый номер, число Меркурия.

Луций поднял взгляд.

– Не поверишь, но я не верю в удачу.

– А во что же ты веришь, декурион?

– В закон Нового Рима. Знаешь вот эту девушку?

Он вывел на экран фото беглой I-45, и А-206 растерял все улыбки. Луций уже видел такой взгляд – у консула Анка Туллия.

– Не-а, – отозвался А-206. «Да, и еще как», – говорил весь его вид.

Луцию захотелось вытащить дубинку, встряхнув, разложить ее в половину длины и ткнуть Двести Шестого прямо в пузо, над поясом тюремных штанов. Так, чтобы его стошнило.

Может, это развяжет ему язык?

– Где I-45?

– Без понятия.

– Ну как это? У меня есть записи с камер, вы ехали вместе с Девятой курии. Наверняка близкие друзья, а? Спал с ней?

А-206 поморщился.

– Где она?

– А мне откуда знать? Я в крио был.

– Погиб легионер. Он был моим напарником.

– Сожалею.

– К фигам твои сожаления. Где Сорок Пятая сейчас?

Двести Шестой упрямо сжал губы.

– Я не знаю. – Он встретил взгляд Луция. Его заплывшие глаза смотрели твердо. – Я правда не знаю.

Луций подавил зародившийся гнев и перешел ко второй фазе допроса.

– Она у него, ты понимаешь? У Брута Аквиния, которого вы, «псы», зовете Аларихом.

О том, что она работала на Алариха, он предпочел умолчать.

А-206 вздрогнул и насторожился.

– С чего взял?

Вместо ответа Луций включил видео на блокноте. I-45 снова бежала по подземной парковке.

На моменте, где выстрел попал ей в плечо, А-206 быстро моргнул. Больше ничем не выдал своего напряжения, но Луций заметил.

Двести Шестой боялся за девчонку. Хороший знак.

– Ее преследовал «пес». «Псы Свободы» – это же его люди, верно? Номера Алариха. Как, по-твоему, что он с ней сделает?

– Зачем она ему?

Луций пожал плечами:

– Кто знает? Может, в лупанарии место освободилось.

Проекция бегущей I-45 висела между ними дымкой. На ее лице читался ужас. Зрачок окуляра не горел – от заряда нейтрализатора некачественные образцы отключались.

– Я предлагаю сделку. Мы отпускаем тебя; ты приводишь нас к Алариху. Мы забираем его, ты забираешь девушку.

Луций почти не лгал. Конечно, в итоге I-45 отправится в Управление с Аларихом. Все отправятся в Управление. Он должен был понять, *как* у нее вышло переключить тот несчастный светофор.

И удостовериться, что больше она этого трюка не повторит.

– Я не крыса, – хмуро ответил А-206. Упрямый, как бык у храмовых ворот.

– Скажи это Сорок Пятой. – Луций склонился ближе. – Она будет тобой гордиться, где бы ее ни держали.

А-206 мотнул головой. На смуглом лбу замялась складка. Луций почти видел, как метались мысли в этой большой и глупой голове.

Правильно. Думай, думай хорошенько.

– Ты можешь найти ее и вытащить.

А-206 уставился на обломок своего имплантата.

– Ты же хочешь найти ее?

Он нехотя кивнул.

Готово. Луций еле удержался от улыбки – она была бы здесь неуместна. Хотя он был очень – очень – горд своей победой. Выкурить двух нежелательных элементов из канализации при помощи третьего. Гениальный, изящный в своей лаконичности ход.

Он выключил блокнот и свернул его.

– Да, и еще одно.

Луций нажал кнопку на мочке уха, подав сигнал. Двери распахнулись, и в допросную зашли медики в армокостюмах и с сопровождением. В пинцете одного чернел микрочип. В руках второго блеснули шприц и скальпель. А-206 уставился на них с особым ужасом. Легионеры держали наготове нейтрализаторы. Навершия мерцали тусклой зеленью, готовые к выстрелу.

– Мы же не хотим тебя потерять. Выбирай – пройдешь с господами в медпункт, или тебя зашьют прямо здесь.

А-206 снова оценил чип и скальпель. Насупился, но все же поднялся и понуро двинулся за медиками к выходу. Напоследок он обернулся.

– Пора бы вам слезать с «гелиоса», декурион. Я видел, что бывает, когда глотаешь его долго. Вам это не понравится.

Он подмигнул и вышел, подталкиваемый в спину легионером из конвоя.

Луций примерз к жесткому сиденью стула. Замер. Только сердце заходилось и мысли метались, как дроны на космодроме.

Он перевел взгляд на зеленый огонек камеры.

Когда Луций ворвался в комнату наблюдения, дежурный чуть не выпал из кресла. Одну за другой спустил ноги с пульта управления.

– Декурион?

Луций ничего не ответил, лишь окинул взором темную, забитую аппаратурой и грязными стаканчиками комнатушку. Раз, два – пересек расстояние до пульта, перегнулся через голову дежурного и ткнул алый знак перемотки. Еще два тычка – и части записи как не бывало.

– Представим, что А-206 этого не говорил. – Он склонился к лицу дежурного так близко, что уловил запах дешевого табака и бутерброда. – Верно, легионер?

Тот затравленно кивнул. Сдвинулся от Луция еще немного…

И кресло перевернулось с громким треском, разметав колесики по углам.

* * *

– Подстрахуй меня.

«И что бы ты без меня делал, декурион?»

Голос Бритвы был, как всегда, насмешливым, и Луций невольно усмехнулся в ответ.

– Я переслал тебе данные чипа. Марций из моей декурии в курсе дела, поможет тебе с аппаратурой.

«Как мило с его стороны».

Бритва оборвала связь. Луций тоже отпустил горошину на мочке уха, одернул куртку и подхватил чемодан. Антигравитацию не включал – ему нравилось чувствовать полный вес вещей. Хотя после подъема тяжестей – что в чемодане, что в спортзале – спина ныла так, будто ее перебили снова.

Вокзал гнездился на сваях, возвышаясь над окружавшими его зданиями. Магнитные линии аэропоезда тянулись от него на север и юг. Изредка по ним летели светящиеся импульсы экспрессов.

Уже в лифте карман Луция завибрировал. *«Могу поговорить с вами только сейчас»* , – пришло на служебный блокнот. Луций вскинул брови. Его свидетель оказался слишком занятым; выкроил время в графике лишь после официального письма и трех напоминаний. Таких следовало вызывать в Управление лично, а затем мариновать в комнате ожидания до полуночи. Жаль, в данном случае у Луция не было на то полномочий.

Ничего. В купе, слава богам, он ехал один, мог поговорить без лишних ушей. Сунул чемодан под сиденье, включил блокнот и набрал номер, указанный в сообщении. На экране растянулась линия установки соединения.

Экспресс набирал скорость. Снова заморосил дождь, исчертив стекло тонкими нитями. За ним сливались и утекали частные дома и ноги небоскребов.

От вида за окном его отвлекло приветствие. Голос был низкий и мягкий. Ласковый голос педофила.

Лицом педофил, однако, не вышел. Тяжелую челюсть будто пересадили от номера-марсианина, брови срастались над переносицей, образуя широкую дугу. Вздернутый нос над губами бантиком. Очередная архивная крыса.

«Слушаю вас».

Луций вздернул бровь. Слушает он, ну как же.

– Декурион Луций Цецилий Авианий Марс, курия Четыре.

Свидетель выслушал его с легким нетерпением. В полумраке за его спиной летали погрузочные роботы. Что-то мерно грохало, и эхо прерывало и без того некачественную связь.

«Валерий Руфин, декурион Управления Второй курии, ответственный за архив».

– Я сейчас еду к вам. Мы можем встретиться после полудня?

«Сожалею, но завтра я уезжаю в Первую курию. Задание центуриона», – добавил он с особым значением.

Луций кивнул. Руфин решил показать широту своих связей? Что ж, похвально, но зря. На Луция связи редко производили впечатление.

«Я могу ответить на ваши вопросы сейчас, декурион. Вы не могли бы сразу перейти к делу?»

– Как раз собирался.

Высокомерный болван. Один из богатых патрицианских сынков, которые считали форму чем-то вроде красивого костюма.

Луций раскрыл в блокноте таблицу для записей – такую он использовал на каждом допросе.

– Где вы находились третьего мая этого года?

Глаза Руфина скакнули вверх и влево.

«В командировке».

– Точнее, пожалуйста.

«Проводил инспекционные проверки. Несколько курий: Двенадцатая, Одиннадцатая… До Седьмой включительно» .

– В Десятой курии вы были?

«Говорю же – с Двенадцатой по Седьмую. Разумеется, был» .

Луций сделал пометку в таблице.

– И часто вы туда ездите?

Руфин пожал плечами:

«Раз в полгода. По запросу командования, оно решает» .

Луций кивнул. Собственно, это было не особо ему интересно. Так, разминка перед главным ударом.

Он тронул виртуальную клавиатуру, и половину экрана заняло изображение I-45. Ее раннее фото без окуляра, на белом фоне и с табличкой; такие делали легионеры на каждой ежегодной проверке. Белое лицо на белом фоне, как призрак.

Валерий Руфин на том конце видеоконференции настороженно уставился в ее глаза. Освещение мигнуло, и на миг его лицо поглотила тьма.

– Вы видели эту девушку?

«Вы же и так знаете ответ, раз нашли меня».

– Хочу услышать из первых уст.

Мохнатые брови изогнулись в удивлении. Тропическая гусеница выгнула спину.

«Да, видел. Подвозил ее с Десятой».

– С Десятой в пустыню?

«Да».

Руфин не отпирался. Понятное дело: раз Луций знал, где I-45 села, значит, он просмотрел записи всех камер на ее пути.

«Хотел до Седьмой, но она предложила…»

Он замялся. Принялся искать взглядом поверх камеры.

– Предложила – что? – Луций даже не моргал. Желваки свело от напряжения.

Руфин склонился ближе к камере. В кадр попал воротничок и глубокая царапина под ним. Луций быстро сделал снимок экрана и отправил его в папку с материалами дела.

«Сексуальные услуги в обмен на проезд. Оральный … – Руфин кашлянул и даже порозовел. – *Оральный секс* ».

Бедняга. Оральный секс – такое оскорбление для честного патриция.

– А что вы?

Лицо Руфина вытянулось и побелело от гнева.

«Разумеется, отказался! Я – женатый человек, декурион» .

– И что потом?

«Она начала кричать. Отвратительное зрелище. Уверен, Лисса забрала ее разум. Мне пришлось ее высадить» .

Луций кивнул. Выделил имя Валерия Руфина в таблице – красным, как помечал всех, кто бесстыдно врал ему на допросе.

– Где это было?

«Где-то между Десятой и Девятой. Не помню точно».

Луций кивнул снова.

– Как вы получили эту царапину?

Руфин отстранился от камеры.

«Что?»

– Царапина у вас на шее. Как вы ее получили?

Холеная рука скользнула по воротничку рубашки.

«Играл с детьми».

– Жестокие у вас дети.

«Вы на что намекаете?»

Луций вскинул бровь:

– Ни на что. Просто констатирую факт.

– Если вы не в курсе, я – ветеран боевых действий на Кале-3. *Я не мог* совершить насильственных действий в отношении кого бы то ни было, моим телом управляет чрезвычайно хрупкий нейроимплант.

Он повернул голову. Свет отразился от бугристого куска восстановленной кожи. Большого, величиной с ладонь.

– И, разумеется, я даже не думал о чем-то подобном.

– Разумеется, – кивнул Луций и свернул таблицу с показаниями. – Спасибо вам за содействие. Если вспомните еще что-либо касательно этой девушки…

«Я обязательно вам сообщу. Простите, но мне пора, работа не ждет» .

Зал на фоне был темен и тих, как древний могильник. Если работа где-то и кипела, то явно не на уровне Руфина.

– До сви…

Ответить Луций не успел; Руфин свернул видеоконференцию, и экран потемнел.

Луций откинулся на спинку сиденья и скрестил руки на груди.

Вот, значит, как. Интересно. Руфин даже не спросил, что I-45 сделала, в чем состояла причина расследования.

Потому что он знал эту причину.

Думал, что знал.

Луций подозревал нечто подобное, уродов хватало. И, если честно, он сам бы оторвал Руфину прибор. Оскопил без обезболивающего и жгутов, без оглядки на военные заслуги и инвалидность. Но в данном случае ему равно не нравились ни насильник, ни жертва.

И Руфин вряд ли мог помочь в текущем деле. Разобраться с ним можно было позже, но обязательно. Закон Римской империи был един для всех.

Закон остался единственным, во что верил Луций Цецилий.

* * *

На освещении архивов всегда экономили.

Обычно они располагались на подземных уровнях Управлений и были оснащены одной-единственной панелью для просмотра файлов, дронами с манипуляторами и двумя подъемниками на магнитной подушке. Архив Управления Второй курии не был исключением. Двенадцатый подземный уровень главного корпуса. Бронированные стены, жужжащие воздуховоды, полки, набитые пронумерованными контейнерами с носителями информации. Панелей для просмотра, хвала богам, было три, как и дронов, однако Луцию все равно понадобилось полчаса, чтобы отыскать нужный отсек и нужный шкаф. Архивариусы редко заносили в базу верный номер.

Луций сдул с контейнера пыль. Вытащил первый носитель, вставил его в картридер. Панель вздрогнула и растянулась по стене. На светлом фоне выстроились изображения лиц, хмуро смотрящих в камеру.

Все как один обладали серыми, как ртуть, глазами, острыми скулами и тонкой костью.

Он вышел из архива, когда уже стемнело. Вторая курия зажглась ночными огнями, пульсировала огненным сердцем. С территории Управления хорошо просматривались строгие линии

автострад. Слои уровней, соединенные жилыми колоннами. Промежутки между ними заполняли небоскребы поменьше. Как зубы в улыбке номера.

Зажигалка не желала загораться, пришлось ее потрясти. Луций затянулся, задержал дым в легких и медленно, с наслаждением выдохнул. Белесое облачко полетело в сторону жилых районов и истаяло в воздухе. Осенний ветер забрался под воротник, но Луций не чувствовал холода.

Увиденное потрясло его. В голове выстроились сотни новых цепочек возможного развития событий. Дело приняло крайне серьезный оборот. Он должен был найти I-45 как можно быстрее.

Найти и обезвредить.

Мочку уха кольнуло, и Луций тронул имплантированную бусину.

– Луций Цецилий.

«Бритва» .

Луций хотел было затянуться, но опустил сигарету. Нехорошее предчувствие спутало мысли.

«Мы потеряли А-206. Часа три назад. В верхних тоннелях его нет, все обыскали. Группе спускаться ниже?»

Луций сжал губы и щелчком послал окурок в сторону светящихся бусин автострад. Подхватил чемодан и заторопился вниз по склону.

– Нет, дождитесь меня.

Сын Эреба

Энцо успел выучить распорядок обходов предкрио еще до первой заморозки. С тех пор мало что изменилось. Проверки ходили раз в сорок минут. Загорался общий свет, и легионеры шли вдоль камер. Бывало, после сверки жизненных параметров начинали вдруг суетиться, выключали силовое поле и вывозили каталку с телом, упакованным в желтый пластик. Иногда заключенный еще дышал, и тогда его отправляли в капсулу медблока для регенерации. Немного латали и замораживали вне очереди.

Иногда легионеры спускались вне графика. Драки в предкрио случались часто, особенно между «псами» и членами других банд. Потому Энцо и песья морда на его плече сидели в одиночке. Никаких драк. Ничего экстренного.

Избиение себя и камеры экстренной ситуацией не считалось.

Энцо въехал коленом в дутый бок раковины. Та соскользнула с креплений, рухнула на пол и раскололась.

Тяжело дыша, он осмотрел осколки. Разогнул и согнул

пальцы новой руки – отличной поделки техников легиона. Поднял голову и сощурился на свое отражение. На него смотрел зверь. Синюшная бритая голова, щетина на подбородке. Глаза зло блестят. Перекошенная морда, а не лицо.

Как же он себя ненавидел.

Козлина. Сломал жизнь девчонке.

Он зарычал и ударил стену – живой рукой. Кулак обожгло болью, с ободранных костяшек закапала кровь.

Энцо развернулся и уже в который раз пересек камеру. Глянул на пустой коридор за силовым полем. Чего они ждали? Почему не выпускали? Каждая минута, потерянная в камере, была на вес золота.

Малую нужно искать у Алариха, в этом он не сомневался. «Пес» – тот, на видео с театральной стоянки – не стал бы гоняться за ней просто так. Но для чего она ему понадобилась? Как оказалась в театре? Энцо ничего не понимал. К тому же на записи легионера он заметил одно важное изменение на ее лице. Окуляр. Денег на имплантацию она вряд ли могла раздобыть, значит – что? Дали в долг? Заставили? Принудили обманом?

Энцо втянул воздух через сжатые зубы и ударил койку. Та не шелохнулась – стальные ножки были крепко привинчены к полу. Он ударил снова. И еще раз, так, что нога зашлась болью. Но легче не становилось. Ярость и стыд жгли изнутри. Гнев клокотал в горле.

– С-сука… – Больше сказать было нечего. – Гребаная сука…

– Двести Шесть!

Знакомый голос отрезвил мгновенно, и Энцо обернулся. За рябью силового поля курила нюхачка – та самая, которая отправила его в криокапсулу. Энцо узнал татуировку на пол-лица. «Бритва», – вспомнил он и опустил занесенную ногу.

Бритва покрутила ключ-карту между пальцев. На ногтях чернел облупленный маникюр.

– Готов?

Она провела картой по считывателю, и жужжание силового поля стихло. Путь на свободу был открыт.

Энцо утер рукавом слюну с уголка рта, шагнул в коридор и протянул руки для наручников. Но Бритва качнула головой и поманила его за собой.

– Начинаешь сегодня. Будешь шляться по курии – сунем обратно. Попробуешь сбежать – пристрелим. Понял?

Энцо мрачно кивнул. Он был готов приступить сейчас же. Сию секунду.

Найти Алариха и вырвать его сердце. Так поступали с теми, кто перешел Марсу дорогу.

* * *

Охота началась неплохо.

У него был новый имплантат.

Лазерная спица.

Кастет.

Свежая одежда.

И нейтрализатор из личной коллекции Бритвы. С возвратом, напомнила она. Энцо с легкостью согласился. Если уж его дрянные мощи вернутся на поверхность, нейтрализатор он точно с собой притащит.

Начать он решил с простого и помылся в туалете Управления. С фырканьем намылился, расплескал воду по раковине и белому кафелю. Смыл застарелую кровь с голени, проверил швы. Разрез болел, словно под мышцы вживили не датчик слежения, а целый коммуникатор. Ходить было больно, но для того ему вручили одноразовый шприц с инъекцией обезболивающего.

Им Энцо воспользовался сразу. Разломил пластиковый цилиндр, обнажив иглу. Воткнул в припухлость рядом со швом и медленно ввел содержимое. Голень вспыхнула болью, и Энцо уткнулся лбом в зеркало. Сжал зубы, чтобы не завыть. В зеркале побежала сияющая строка: просьба мыть руки и пользоваться сушилкой, а не термобондовым огрызком из рулона в кабинке. Ниже сменяли друг друга последние новости. Что-то про императора. Энцо не разобрал остальное, не умел читать так быстро.

Вскоре боль ушла, а он шагал по ночной улице. Лавировал между полуголыми шлюхами, тележками с дрянной уличной едой, сигаретами и чудо-презервативами. Вниз по склону, туда, где не светило солнце и фары легионерских машин. Магазинов и людей становилось все меньше, мочой и гнилью пахло все сильнее, улицы превратились в извилистые проулки между канализационных труб.

Вдоль них Энцо и пошел.

Обратно в родные пенаты.

Вход на первый подземный уровень маскировался под мусоросборник. Вернее, был им закрыт. Энцо отыскал вытертый до блеска след на боку, уперся в него плечом и поднатужился. Мусорный ящик подался вбок. В стене за ним зияла дыра, в которую уходил вертикальный лаз с лестницей. Где-то далеко на дне перемигивалась пара алых огней. Просто маячок во тьме; света они не давали.

Энцо вытер нос рукавом и забрался на лестницу. Нащупал

дыру в задней стенке мусорного контейнера, уцепился за край и потянул.

Тайник закрылся. Энцо спустился в шахту. Спрыгнул на утрамбованную грязь и сунул пальцы в кастет.

Первый тоннель Четвертой встретил душной сыростью, вонью мочи и запахом кислой похлебки, который тянулся из какого-то контейнера. Мерцали лампы – точь-в-точь издыхающие светляки. В отдалении посверкивала панель вызова экстренной помощи. Наверняка не работала – поперек экрана змеилась трещина. Да и помощь в канализацию не прибыла бы. Самоубийц в легионе и службе спасения не было. Фанерные каморки теснились вдоль высоких, в четыре человеческих роста, стен. Боковые, не занятые насосными станциями ответвления тоже были заполнены домами. Те громоздились в три этажа, как соты диких пчел, которые золотыми бомбами висели на раскаленных крышах Десятой. В отдалении гомонили голоса, ревели моторы аэроциклов.

Туда Энцо не пошел. Он свернул в закуток между трубами ретрассы и стеной дома на отшибе «улицы». Сети в свободном доступе не было, и оставалось одно – подключиться к чужому кабелю.

С риском получить по шее – в последнее время лимиты человекотрафика уменьшили, а стоимость увеличили. Политика ограничения номеров в действии.

Энцо включил блокнот. Достал из ботинка «спицу», поставил лазер на минимум и зачистил провод, который вылезал из стыка стен за домом. По тоннелю разносилось эхо криков – какая-то баба требовала больше денег. Свет под сводами мерцал, и только экран на коленях горел ровно.

Он переключил блокнот в режим коммуникатора и сунул коннектор в разъем за ухом. Подключился к чужой сети через манипулятор. В сознание ворвался поток информации. Из имплантата, через тело, прямо в блокнот.

Тот пискнул, подтвердив соединение.

«Да?» – ответил приятель, один стародавний должник. Голос хрипел – связь сбоила. Изображения не было, получился бы слишком заметный скачок трафика. Можно было обойтись вообще без блокнота, но коммуникатора-имплантата у Энцо не имелось.

Спустя пару минут он уже знал все, что требовалось. Сунув блокнот в сумку, он выбрался из своего убежища. Громыхнул мусором под ногами, и в доме, к сети которого он подключался, вспыхнул свет. Дверь открылась. Краем глаза Энцо увидел желтый прямоугольник света, окрасивший тоннель, и припустил быстрее.

– Слышь, ты! Эй!

Энцо перешел на бег и скрылся за монументальной грудой хлама, за которой начинался спуск на нижние уровни. Кто бы знал, как чесались кулаки. Но время крови еще не настало. Пока не стоило привлекать лишнее внимание.

Приятель сказал, что «псы» обосновались в северных нижних тоннелях.

Сказал искать знаки.

Впрочем, систему меток Энцо помнил и без указаний приятеля. Восемь лет в банде так просто не забывались.

Он сжал скобу кастета и зашагал по бетонному скату.

* * *

Под потеками ржавчины темнело выбитое «102». Створка шлюза стояла криво, замерла на середине пути – упиралась в штырь, которым пробили рельс. За треугольником получившегося лаза вспыхивало и сходило на нет гало зеленоватых огней.

Там же, на застрявшей створке, синел знак «псов». Энцо едва различил его под наслоениями грязи, капавшей с потолка. До цели оставалось немного, и тело уже подрагивало от адреналина. Сердце билось рвано, как у загнанного зверя.

Энцо огляделся и свернул к линиям ретрассы. Из-под труб – каждая толщиной в три руки – доносилось яростное попискивание и возня. Под ногами заметались шустрые тени. Крысы. Энцо сморщился и успел пнуть одну в мягкий живот. В детстве его покусала такая.

Может, потому и вырос бешеным.

Он прошелся вдоль труб, забрел в смрадный тупик. Нашел нужное на сгибе, под слоем грязи. Заплата аварийного доступа; то, что доктор прописал. Энцо ухмыльнулся. Манипуляторы зажужжали, отвинчивая крышку. Оставалось совсем немного, пара креплений, и…

– Эй, цыпочка, – сказали за спиной. – Откуда сам?

Дорогу закрыл парень с ярко-алыми полосами через лицо. Привалился плечом к стене, будто кого ждал. Поперек бритой головы тянулась косица, на предплечье красовался наколотый пес – метка «Псов Свободы». Как пародия на орлов, которых набивали легионеры. Сцепившись с ним взглядом, Энцо свернул манипуляторы и сжал кулаки.

Конечно, Аларих выставил охрану. Не надо было торопиться, ведь знал же, что кругом полно «псов». А теперь что? Теперь зажали в угол. И место какое неудачное – узкое, темное.

Сердце ускорило ход, разгоняясь перед дракой. К горлу подкатила чистая ярость, сожравшая последние здравые мысли.

– Заблудился?

«Пес» внимательно изучал его. Рукой касался пояса, за которым виднелась рукоять пистолета. Он видел татуировку Энцо и потому не торопился стрелять. Никак не мог сообразить, кто перед ним – свой или чужой.

Дожидаться просветления Энцо не стал. Вытащил уже взведенный нейтрализатор и выстрелил.

Булькнув, «пес» повалился на спину. Энцо приблизился, держа его на мушке. Но зря; тот мелко дрожал, закатив глаза. Спецовка на левой стороне груди обуглилась, по щеке ползла розовая пена.

Энцо ухватил «пса» за сальную косицу и задрал голову. Сунул в рожу – без особой необходимости, но рука сама нанесла удар. Стоило только представить, как он и другие «псы» тащат Малую по тоннелям…

Слепую.

Беспомощную.

– А ты мне, блин, дорогу подсказать решил?

Еще удар. Ободрал кулак о песьи зубы.

– Ну подскажи.

Ни черта не сказал «пес». Помер прежде, чем успел понять смысл слов. Разочарованный Энцо отволок тело под линии ретрассы, к крысам. Все как в старые недобрые времена.

Он поставил нейтрализатор на предохранитель и огляделся. Больше никого, только пустые бараки в отдалении. Номера не жаловали нижние уровни канализации и «псов» тоже не любили. Энцо бы тоже к ним не совался без лишней надобности.

Но внизу ждала Малая. Кто знал, может, счет шел на минуты?

Манипуляторы снова ввинтились в связки проводников. В сознании разлилась яркая вспышка подключения, и Энцо закрыл глаза. Небольшая хитрость, чтобы легко перенести возникшую двойственность реальности, от которой новички заблевывали ботинки.

Энцо новичком не был. Он с легкостью пробил установленные барьеры и отыскал систему управления питанием. Самодельная, хоть и мудреная. Ерунда. Он выставил таймер на пять минут. Команда быстро затерялась в потоке информации. Энцо свернул манипуляторы и поторопился в тоннель «102».

Тот уходил под углом, с разноцветными заплатами пластика на куполе и сваями, которые стояли без особого порядка. Казалось, их установили наспех; кривенько воткнули, планируя впоследствии заменить на нечто более надежное, но так и оставили. Там, где тоннель переходил в более-менее горизонтальную поверхность, рядком стояли пять фанерных

боксов с граффити на стенах. За ними на пол падал прямоугольник белого света. Запахло химией, как в лаборатории.

Энцо нахмурился, снял нейтрализатор с предохранителя. Сдвинулся к стене бокса и выглянул за угол.

Дальше путь перекрывал навороченный шлюз. На полупрозрачном пластике синел все тот же символ – «Псы Свободы». Сбоку мерцал слот для карт. Над ним торчала кнопка камеры.

Ожидаемо. Его предупреждали о системе защиты.

Энцо досчитал до трех сотен.

Что-то щелкнуло. Свет мигнул и погас. Гул множества ламп стих, и тишина углубилась. Тоннель погрузился в ровное серое марево с яркими проблесками тепла. Органы чувств марсиан всегда работали чуть лучше, чем у людей с других планет. Генетика, врожденное. Неплохой бонус в череде недостатков.

Он вышел из-за угла и подошел к шлюзу. Оставалось еще пять минут до запуска аварийного генератора. Манипуляторы ввинтились под крышку считывателя карт в поисках нужного провода. Энцо уже собирался открыть шлюз, когда услышал шаги и голоса. На пластике очертились темные силуэты.

О, Марс всех подери, как же не вовремя!

Энцо огляделся. Укрытий поблизости не было, только покосившиеся контейнеры-дома, и он кинулся к ним. Дернул ближайшую дверь, вырвав хлипкую щеколду с мясом. Скользнул внутрь и оказался в красноватой полутьме.

Здесь радоваться остроте зрения не хотелось. Энцо стоял на тряпье. Воняло оно так, что глаза слезились; заполняло контейнер до потолка, перемешанное с пластиковыми пакетами и другим мусором. Гора поднималась по наклонной и смыкалась с потолком у дальней стены. Видать, кому-то было лень тащить все это в южные тоннели, к общему мусоросжигателю, да и свалил здесь, в заброшенном боксе.

Стараясь дышать как можно реже, Энцо прижал ухо к двери. Створки шлюза открылись и закрылись. В тоннеле гулко отдавались неспешные шаги. Тихо переговаривались «псы».

Они приблизились, и Энцо затаил дыхание. Этих следовало пропустить. Времени до включения питания осталось мало, нужно проскользнуть через шлюз быстрее, чем заработают камеры.

В контейнере зашуршало.

Что еще за ерунда?..

По спине как ток пробежал. Энцо обернулся. Выставил перед собой нейтрализатор, всматриваясь во тьму.

Тряпичные дюны шевелились. Они вспухали, будто под ними

что-то продиралось. Еще не хватало, чтобы россказни о червях-мутантах оказались правдой. Он всегда над ними ржал, и, похоже, зря. Фантазия услужливо подкинула картинку огромной круглой пасти с зубами. Говорили, что они глотали номеров заживо. Метились сверху и…

Драная спецовка сползла на пол и обнажила черную от коросты руку. Энцо не пальнул в нее лишь из страха, что выстрел услышат. Следом вылезла вторая рука. Показалось лицо. Баба. Грязная, с дырой вместо носа. Глаза блестели, как топливные пятна. Дрянной взгляд. Но не мутировавшая тварь, что радовало.

Баба выбралась из кучи по грудь, освободив тощие плечи. Плешивая голова покачивалась на тонкой шее. Глаза блуждали по Энцо, как сканеры дронов.

Шаги «псов» слышались совсем близко.

Медленно, чтобы не напугать, Энцо поднес палец к губам. Вторую руку с нейтрализатором завел за спину.

Он очень надеялся, что баба его поняла. Ей не стоило шуметь.

Но она открыла рот и с ненавистью заорала. Завыла, аж в ушах зазвенело. Энцо оглох и пошатнулся; дверь толкнула его в спину.

– Тише, тише…

Он замахал руками, но баба не умолкала. Вой превратился в поток брани. «Псы» наверняка ее слышали. Что там «псы» – эту бабу наверняка слышали даже легионеры на поверхности.

Энцо нащупал кнопку замка и вывалился наружу, в неожиданно свежий воздух тоннеля. Повернулся и встретился взглядом с двумя «псами».

Те стояли в шаге от него. Оба марсиане. В бежевых формах, с жетонами отличия на поясах. Оба растерялись – сизые от щетины лица удивленно вытянулись. В глазах застыл вопрос, руки легли на пояса.

– Чокнутая же. – Энцо расплылся в виноватой улыбке и махнул в сторону бокса, в котором все еще звенел крик.

«Псы» синхронно повернули бритые головы, проследив за рукой.

Энцо вскинул нейтрализатор и выстрелил. Заряд вышел слабый, хватило лишь на то, чтобы оглушить одного – протащить на спине до стены. Нейтрализатор пискнул и перешел в спящий режим. Заклинило, что ли?!

Спасибо, Бритва.

Энцо швырнул его в сторону. Вовремя присел – над ухом пронесся заряд. Кинулся вперед, поймал момент, когда «пес» открылся, и вцепился металлическими пальцами в его глаза. Раскрыл манипуляторы. Они выстрелили из капсул, плеснула

слизь, смешанная с кровью.

«Пес» заорал, упал на колени. Энцо вырубил его кастетом.

Чужое дыхание за спиной.

Энцо хотел отпрыгнуть, но горло сдавили. Он вцепился в душившую руку, захрипел, поводя глазами. Потянулся к ботинку. Спица холодила ногу под резинкой носка. Он вытащил ее и вслепую сунул лазером нападавшему под ребра. И еще раз. Зашипело; запахло паленой тканью и мясом. Над ухом взвыли, и захват ослабел.

Остальное было делом техники.

Тела Энцо оттащил за бокс все еще воющей бабы. Еще раз подивился на формы. Что за маскарад? Но жетон с пояса одного из «псов» он снял. Как и распылитель, и связку ключ-карт, подписанных вручную на уголках. Отыскав в окровавленной колоде нужную, провел ею по считывателю.

Створки шлюза разъехались. За ними темнел коридор. По обе стороны тянулись двери с номерами, несколько десятков до поворота. Тоже были полупрозрачными; за каждой царила тьма.

В глубине переходов что-то взвыло, застучало. Зажглись лампы. Коридор в их свете оказался белым, с пластиковыми панелями – совсем как отделение пред-крио. И морозило так же.

Энцо сморщился, чуя неладное. Почему никто не заметил возню у шлюза? Почему никто не открыл стрельбу, не включил тревогу? Эта безмятежная тишина казалась мнимой, почти звенела от напряжения. Поганое место. Хотелось как можно быстрее убраться с уровня.

Он прошел дальше, пару раз свернул. Заметив свет за одной из дверей, осторожно подошел и прислушался. Похоже, в комнате никого не было. Энцо приложил карту к считывателю. Заглянул внутрь и фыркнул, не веря своим глазам.

Голограммы – вот что светилось. Они висели над собранными на столах блокнотами. Двадцать курий планеты, разобранные по уровням. Совсем как неоновые слоеные пироги. На них загорались голубые и алые точки; некоторые улицы и кварталы были выделены другим цветом. Видимо, сферы влияния. Зачем и кому потребовалась такая помпезная презентация? Неужто нельзя обозначить свою территорию без помощи навороченных планшетов и графики?

Семь лет тому назад «Псы Свободы» не составляли трехмерных планов. Их вообще ничего не занимало, кроме грабежа, перестрелок и дешевой наркоты. Но, похоже, под управлением Алариха все изменилось. И, похоже, «псов» неплохо спонсировали.

Он прошелся вдоль столов. Приподнял панель с картой

центральной курии, провел под ней рукой и подключился к свободному разъему в корпусе. Изображение курии мигнуло, и вместо него выстроились стройные линии закрытой части уровня. Поверх, на отдельном слое побежали строки данных. Энцо уложил схему в памяти. Система охраны стояла хитрая, не обойти. Он побоялся лезть глубже и просто отключил часть камер. На это знаний хватило.

В западном крыле было обозначено большое помещение. Наверняка склад или кабинет Алариха. Патриции любили хоромы с колоннами и гипсовыми завитушками. Энцо однажды чуть не заблудился в одних, когда грабил.

С этими нехитрыми вычислениями в уме он решил двинуться на запад. Нахлобучил найденную на кресле «песью» бандану, наскоро вытер кровь – чужую и свою – о какую-то занавеску, которая собирала пыль в углу комнаты, прицепил к поясу жетон и вышел в лабиринт коридоров. Держался спокойно, вовремя сворачивал. Козырнул паре встреченных «псов» – опять в каких-то формах с жетонами. Они казались выхолощенными, как солдаты новой армии; больше не были группой ребят, занятых выживанием. Рафинированные солдатики. Этого Энцо не понимал. «Псов Свободы» создали не для того, чтобы они стали личной армией одного патрицианского ублюдка.

Может, у них теперь и гимн имелся?

Ближе к складам «псы» исчезли совсем, сменились номерами-чернорабочими в бежевых униформах. Тремор в ноге с датчиком усилился. Боли Энцо не чувствовал, но температура тела продолжала ползти вверх, отчего мир вокруг подернулся пьяной дымкой. Паршиво. Лекарство прекращало действие.

Связка карт пригодилась снова перед дверью нужного помещения. Энцо дождался, пока в коридоре за спиной не стало пусто, и нырнул в открывшийся шлюз. Там он замер, холодея от крепкого дежавю. Бессознательно даже подался обратно к двери.

Ангар был заставлен криокапсулами. Стальные банки. Они стояли, прижавшись друг к дружке запотевшими боками; три ряда в высоту, пара десятков в длину. За прорезями окон виднелись лица: мужские и женские, все молодые. Все в морозной корке. На экранах под каждым зеленели цифры. Регистрационный номер. Оставшийся срок в днях. Температура внутри капсулы.

Энцо впервые смотрел на них снаружи. Он приблизился к одной и заглянул внутрь, за кайму инея. Над впадиной широкой ключицы крио виднелась татуировка – четырехзначное число. Заметив ее, Энцо коснулся своего плеча. Будто вновь почувствовал ремни, которыми притягивали к ложу.

Он торопливо отступил от капсулы и обвел взглядом склад.

Долгие ряды криобочек терялись в глубине ангара. Замороженные «псы», как мясо из консервов. Зачем? Что здесь творилось?

Из тьмы прилетел шорох. Стальное эхо чьих-то шагов и покашливание. Энцо подался в тень и снял распылитель с предохранителя. Двинулся на звук. Тот доносился из-за рядов капсул. Негромкий. Один или пара человек.

Запахло кофе и растворимым супом. Растворимым, мать его, соевым супом, запах которого казался диким в ангаре среди замороженных людей. Энцо даже усомнился в собственном нюхе. Но когда он приблизился, глазам предстал всамделишный кухонный модуль.

У которого стоял Аларих. Он что-то наливал и размешивал; белая тога топорщилась на спине, из-под нее выглядывала лямка потасканной майки. На мясистой шее под линией волос багровели шрамы.

Тяжело дыша, Энцо наставил на него распылитель. Патрицианский ублюдок никогда ему не нравился. Скользкая тварь. Пальцы горели от желания нажать кнопку спуска, но…

– Где слепая? – спросил он вместо выстрела.

Аларих обернулся и расплылся в улыбке. Развел руки в стороны – словно старого друга узнал. Как будто ждал.

Энцо похолодел. Но в любом случае отступать уже было поздно.

– Энцо! Какой невероятный сюрприз!

– Отвали. Где слепая?

– Какая…

Выстрел пришелся точно в коврик у сандалии. Тот задымился, запахло паленой синтетикой. Аларих смерил дырку взглядом и медленно, держа руки на виду, поставил стаканчик с кофе на стол.

– А ты не шутишь, я смотрю, – сказал с одобрением. – Малая работает. Очень талантливая девочка, ты знал об этом?

Он назвал ее Малой, проклятый урод!

Палец задрожал на чуткой кнопке, так и норовя ее нажать. Или соскользнуть. Пристрелить бы сразу же, прожечь дыру между глаз… Но сперва нужно выяснить, где держали Малую.

Энцо постарался успокоиться. Еще немного. Узнать все, что надо, и снести борову голову.

– Где она?

Аларих подмигнул.

– Скоро узнаешь.

Что?..

За спиной прошуршала тень.

Шею ужалило.

Энцо хотел обернуться, выстрелить, но руки и ноги уже обмякли, потеряв чувствительность. По телу пробежал разряд, и мир свернулся в светлую точку.

* * *

– Сука!

Первое слово Энцо, когда он пришел в себя.

Ребра саднило, словно по ним нещадно били. Скорее всего, так и было.

Малая.

Вспомнив, он вскочил как подброшенный, но дубинка заставила упасть обратно. Отскочила от головы, выбила из пола крошку. Следом со вздохом поцеловал бетон и Энцо. Сознание на этот раз не потерял. Покачивался, водил по стенам мутными глазами и тихо хрипел.

Он находился в том же ангаре, но теперь его окружали «псы». Вооруженные, скосил глаз Энцо. Аларих с невозмутимым видом допивал кофе. Облокотился на стойку модуля в каком-то десятке шагов.

Энцо напрягся, собирая силы для прыжка.

– Сука! Сын тоннельной шлю…

Еще удар. Кровь закапала с носа на бетон. Алые кляксы на сером.

Он фыркнул, мотнул тяжелеющей головой. У его носа шаркнули туфли. Кожаные, расшитые золотой нитью – как будто с бабы снял.

– А ты крепкий. Почему не в ошейнике? Он же был у тебя, верно?

Был, да сплыл.

Энцо сплюнул кровь и зубную крошку. Оскалился и попытался ухватить Алариха за ногу, но пальцы только размазали кровь по туфле. Вторую руку он убрал под себя. Новым имплантатом светить не стоило. Голенью с датчиком слежения тоже. Легионеры наверняка уже его искали.

По крайней мере, Энцо очень на это надеялся.

Нужно тянуть время. Заговорить зубы. Или получить по своим еще разок.

– Козлина, – прорычал он. – Малой жизнь сломал.

Аларих заквохтал, содрогаясь всем телом.

Энцо не сразу понял, что он смеялся.

– Какой грозный, подумать только. Ты сам сломал малолетку. Сам потащил за собой, сам виноват.

Аларих присел на корточки, заглянул в лицо. Энцо с трудом поборол желание двинуть по упругим щекам. Так, чтобы кожа лопнула и кровь брызнула в стороны. Даже зубы свело от ненависти.

Он оглядел стоявших рядом «псов». Этим, похоже, нравилось служить. Будто сами могли стать патрициями, с десяток раз поцеловав патрицианскую дряблую задницу.

Им повезло, что они держали его затылок на мушке.

– Ты все ломаешь. – Аларих качнул головой. – Не замечал? Все, к чему бы ни прикоснулся…

Он изобразил руками небольшой взрыв.

– Очень просто у тебя выходит. Я еще на старой базе заметил.

Да пошел он. Энцо едва понимал, что ему говорили. Чуял близость ненавистного тела; кислый запах пота и сладкий – притираний, как у патрицианской бабки. Так бы и впился в бородатую харю имплантатом. Сперва воткнул пальцы в глаза, а после выпустил манипуляторы.

Взбил мозговой коктейль.

Словно почуяв его намерение, Аларих наставил на него распылитель. Дуло коснулось лба.

– Не понимаю я. Ты же сам номер. Зачем нам мешать?

– Мешать удерживать девчонку против ее воли? Об этом говоришь, м…к?

Он сплюнул и снова получил по роже, на этот раз рукоятью распылителя.

– Хватит гавкать. Лучше послушай.

Аларих поднялся с корточек и вернулся к стакану с кофе.

– Двести Шесть, ты слышал о нас? О нашей миссии?

Энцо молчал. Миссия-шмиссия, он даже такого слова-то не знал. Нога чесалась и болела. Похоже, швы разошлись.

– Сотни лет номеров угнетали. Сотни лет общество несправедливым образом делилось на граждан и неграждан. Патрициев и плебеев. Мы решили это изменить.

«Псы» согласно загудели, и Аларих довольно закивал. Совсем как сенатор на публичном выступлении.

– И милая девушка может нам помочь. Скажи, ты не воспользовался бы такой возможностью ради свободы?

– Где Малая? – ответил Энцо. Дерьмом про свободу и равенство ему промыли голову достаточно, еще когда Аларих ходил под главным «псом», Эзопом, и слова не смел вякнуть. На всю жизнь хватило.

Кто-то заржал. Кто-то подошел, намереваясь угостить еще парой ударов, но Аларих остановил.

– Мы все – рабы. Живой товар Сената. А тебя только девчонка интересует? – Он указал стаканчиком в сторону выхода из ангара. – Пожалуйста. Иди к ней. И будь добр, успокой. Обещай что хочешь, ври что хочешь, но покажи мне результат. Если мы не сможем с ней сработаться, придется ее убить. Ее и тебя. Это ясно?

Более чем.

Аларих надеялся на его помощь? Тем хуже для Алариха. Легионеры нагрянут с минуты на минуту. Они обещали. Должно быть, уже пеленгуют сигнал датчика.

Скорее бы. «Защитники угнетенных номеров» ему порядком надоели.

Энцо нехотя кивнул, оттолкнул потянувшиеся руки и поднялся сам.

Аларих жестом велел стоять на месте. Со вздохом перегнулся через стол, загромыхал чем-то в большой сумке на полу. Вытащив старый сканер, щелкнул переключателем. Нахмурившись, потряс – внутри пластикового корпуса что-то загремело – и ударил по черному пластиковому боку.

Сканер жалобно пискнул, включившись. Зеленый зайчик прицела лег на Энцо.

– «Орлы» не отпустили бы тебя так скоро, верно, Двести Шесть? К стене его.

Дочь Плутона

Снаружи донесся рев. Загрохотали удары, будто по стене

молотили дубинкой. Малая даже сдвинулась от двери. Кто знал, что задумали «псы»? Половина из них сидела на кликах – она видела следы от уколов на сгибах их локтей. Иногда чувствовала на себе жадные взгляды и холодела от одной только мысли о том, что могло случиться, скажи Аларих хоть слово. Пока он ее берег.

По крайней мере, до недавнего побега.

Камера открылась, и на пол рухнул парень. Дверь с хлопком закрылась, лязгнул замок.

Парень перевернулся на бок и закашлялся. Поднял голову, и Малая вздрогнула.

Она узнала его сразу, несмотря на то, что никогда толком и не видела. Энцо. Но как? Его выпустили и он пришел за ней?

Нет. Не нужно додумывать больше, чем есть на самом деле. Он просто попал в ту же ловушку, что и она сама. Совпадение, не больше.

Малая подошла ближе, присела на корточки и заглянула в его смуглое лицо. Красивое, отметила совсем некстати; с крупными, мужественными чертами.

– Энцо, ты слышишь меня?

Он уставился на нее как на чужую. Неужто не узнал? Или его так приложили головой, что память отшибло? Кровь стекала с разбитой губы, скулы алели, наливаясь после ударов. Штанина тоже почему-то вся мокрая от крови.

Малая тронула его плечо.

– Вставай.

Хвала Юпитеру, Энцо наконец кивнул. Малая закинула его руку себе на плечо и помогла подняться. Он оказался чертовски тяжелым. Но страх за него так подстегивал, что она все-таки дотащила его до койки.

– Ты помнишь меня?

Энцо мотнул бритой головой. «Да», – слабо шевельнул губами.

– Хорошо.

Это было не просто хорошо – божественно.

Малая вытерла вспотевшую ладонь о штаны, с жадностью изучая каждую его черту. Он выглядел молодо, как ее ровесник. И теперь она видела то, чего была не в силах заметить раньше. Признаки иной породы – марсианина – лежали как на ладони.

Слишком мощная кость и высокий рост.

Гибкое тело с развитой мускулатурой.

Крепкая челюсть и крупные белые зубы хищника.

Татуировка пса на предплечье. Заметив ее, Малая замерла. Он что, был «псом»? Конечно, могла бы и раньше догадаться. Потому и знал Алариха. И выбитый номер крио в вороте, много

дней… Он был членом банды и сидел в тюрьме. Теперь она поняла.

И, как ни странно, это открытие совсем не пугало.

Она присела перед Энцо на корточки. Дергать его страшно не хотелось – он сидел, тяжело опершись локтями на колени. Хмурился, словно от боли. Поднял взгляд, когда его окликнули по имени, и с легким отвращением уставился на линзу окуляра.

Холодок сбежал по спине. Да, железка не добавила ее лицу красоты.

– Как ты себя чувствуешь? – Малая тронула кровоподтек на его скуле. Энцо слабо ругнулся, и она торопливо убрала руку. – Больно? Прости, я не хотела…

– Нормально все.

– Что?

Молча Энцо ухватил ее ладони и вернул на лицо. Его руки легли сверху. Держали крепко, не позволяя вывернуться. Щетина колола пальцы.

Он неторопливо осмотрел окуляр, раздувая ноздри. Склонился ближе и прижался к губам.

Он пах кровью. Антисептиком и потом. И на вкус был таким же – соленым, с оттенком железа. Глаза темнели, как ночное небо. Как космос.

– Я рад, что ты жива.

– И я рада, что ты… – пробормотала Малая, путаясь в словах и желаниях, и побагровела. Еще никто и никогда не целовал ее губы, и теперь они горели. А под сердцем глухо клокотали невысказанные слова, которые она так давно копила.

Нужно сказать ему. Обязательно. Правда, выбрать момент получше, не в тоннелях канализации.

Энцо осмотрел Малую снова, с головы до ног. Задержался взглядом на плече; на том самом, куда попали зарядом. Развернул ее спиной к себе и потянул ворот майки, открывая плечо. Прикосновение его пальцев было осторожным.

– Сильно?

– Просто… Просто синяк.

Он кивнул и увел взгляд. Будто смутился. Странный – сначала целовал, потом смущался.

– Меня выпустили, – сказал вдруг.

– Как это – выпустили?

– Сняли обвинение да отпустили. Неважно.

Лаконичен, как всегда. Наверное, человек Алариха помог. Малая была этому рада. Хоть на что-то сгодились ее старания.

– Здорово.

– Ага. – Энцо ковырнул краску на койке. – Что за работа на

«псов»?

О боги, он знал.

Малая уставилась в темный, до миллиметра изведанный потолок. Рассказывать страшно не хотелось. В этой истории она выглядела – и, впрочем, действительно была – полной дурой. Купилась на обещания незнакомца. Главаря банды, по приказу которого ее похитили. И чем только думала?.. Явно не головой.

– Долгая история.

– Мне надо знать, Малая. Сейчас.

Энцо замер в ожидании. Брови нахмурены, глаза тревожно блестят в свете единственной лампы. Непрошибаемо серьезный.

– Ты хочешь отсюда выбраться или нет?

Конечно, она хотела.

Малая собралась с духом и начала рассказ.

* * *

Энцо молчал.

Малая вслушивалась в его молчание с надеждой и страхом. Вдруг он счел ее сумасшедшей? Она сама до конца не верила, что это было правдой. Вдруг никакой силы не существовало? Просто цепочка ужасных совпадений. Просто плод воображения сумасшедшего Алариха.

Она сцепила дрожащие пальцы и уставилась на потрескавшийся пластик пола. Из щелей пробивался песок.

Сейчас Энцо скажет, что она сошла с ума.

Или просто промолчит.

Пожалеет, что пришел за ней.

Он откашлялся и вытянул перед собой руку-имплантат. Пальцы разжались, как металлический цветок, свет скользнул по отполированной поверхности. На миг Малая ощутила механизм, как кости собственной руки. Казалось, она могла сжать его кулак усилием воли.

– Ты бы смогла управлять роботом-уборщиком? – шепнул он на ухо. Должно быть, боялся, что их подслушивали. – Привести его с другого уровня.

Она моргнула. Решила не кивать – вдруг тут еще и камеры стояли?

– Наверное, – ответила так же тихо.

Пальцы Энцо щелкнули и расщепились на десятки тончайших манипуляторов. Их импульс отозвался в ладони Малой.

– А я могу взломать эту дверь. Но если мы ее откроем просто так…

«Бум», – беззвучно сказали его губы. Малая похолодела.

– Взрыв?

– Заряд в голову.

– Ты уверен?

– Видел своими глазами. Их там двое, и они вооружены. Ты явно чем-то разозлила Алариха.

Разозлила, и еще как.

Они уставились на дверь, массивную, словно ее вырезали из бока шаттла. С металлическим замком. Она не могла их удержать, и Аларих это знал. А оружие и страх за свою жизнь могли.

– Что будем делать?

Малая тронула Энцо за руку и тихо выдохнула, когда их пальцы сплелись. Так знакомо.

– Есть у меня идея, – прошептал Энцо.

* * *

Колеса постукивали по плитам – ток-ток. Мелодичным звоном отзывалась пружина в корпусе. В фокусе мелькнула щетка с застрявшим сором. Раз – она подгребла мусор к щели у дна корпуса и всосала.

Малая покатилась дальше. Неблизкий путь: из жилых отсеков верхних уровней, по пандусам и завиткам коридоров, сюда, в жаркое брюхо «песьей» берлоги. На углу, точно под камерой наблюдения – изображение которой Малая предусмотрительно замкнула на одном кадре, – стояла пара охранников. Без имплантатов; Малая их прощупала еще из камеры. Оба вооружены, но держали оружие в кобуре.

Это было хорошо.

Они расслабленно болтали, один жевал лепешку с мясом.

Еще лучше.

«Я вижу их».

Собственный голос послышался издалека, словно за дюжиной стен.

Где-то за дюжиной стен широкие ладони легли на ее плечи.

«Помнишь, что дальше?»

Малая крутанула камерой. Отыскав утопленную в стене розетку, она подкатилась ближе, выпустила манипулятор с вилкой и подключилась. «Псы» не повели и глазом. Роботы-мусоросборщики вставали на подзарядку автоматически, ничего особенного.

Ничего особенного, пока они не начинали убивать.

Она отмотала шнур – несколько метров, достаточных для разбега, – с щелчком сбросила насадку-щетку, оставив только

голую сталь манипулятора.

Пшикнула и сгорела перемычка на микросхеме.

Колеса снова застучали по плитам, пружина в пластиковой голове тенькала громче. Малая подпрыгнула на стыке. У ботинок охранников она остановилась.

«Псы» перестали жевать и обернулись.

– Пошел на хрен, – сказал один.

Малая ужалила его манипулятором. Человек выгнулся дугой, закатил глаза и повалился на пол, дымясь кожей. Второй «пес» попятился. Рука потянулась к кобуре.

Робот поджарил его быстрее, чем он успел выстрелить.

Малая распахнула глаза и вздрогнула. Лицо Энцо оказалось так близко, что она чувствовала щекой его дыхание.

– Ну?

– Готово.

Энцо тут же припал к замку двери, ввинтил манипулятор в замок. Пара щелчков, пара коротких ругательств, и дверь распахнулась. Путь на свободу.

Робот-уборщик так и стоял над обугленными телами; крутил плоской камерой, которая заменяла ему голову. Энцо обошел его стороной, откинул полу куртки мертвого «пса» и вытащил длинный матово-черный ствол. Пробежался пальцами по рукояти, и оружие мигнуло индикаторами.

– «Гидра», – коротко пояснил он, словно Малой это могло что-то сказать. Он ухватил ее за руку и потащил прочь от ненавистной вонючей каморки. Совсем как делал когда-то. Ослабевшие от долгого заключения ноги заплетались. Малая едва не падала и сама себя за это ненавидела. Только утягивала Энцо назад.

– Сюда.

Он свернул под лестницу и подключился к незаметной двери за ней. И откуда он мог все знать? Но времени спросить не было: по ступеням над головами загрохотали шаги.

И они снова бежали, теперь по жаркому лазу между трубами коммуникаций. Лампы потрескивали, алый свет ложился редкими пятнами на стены и драную майку Энцо. Что-то шипело, пахло жареным песком. Лоб щипало от пота, толстовка прилипла к лопаткам. Резиновое покрытие стягивало сандалии и отпускало с чмокающим звуком.

За служебным тоннелем они вскарабкались по лестнице. Побежали через небольшой холл. Малая чувствовала себя голой под дулами камер, которые смотрели со всех стен. Казалось, еще немного, и их нагонят. Заблокируют. Подстрелят. А Энцо, похоже, опасность волновала слабо. Он шел вперед с уверенностью

гончего пса; только натянутые жилы на шее выдавали напряжение.

Поворот.

Еще поворот.

Когда тоннель сужался, Энцо перемещался вперед, но руки Малой не выпускал. Так они и шли – то рядом, то гуськом, ежась от напряжения и страха.

На очередном повороте что-то полыхнуло, сбив фокус окуляра. Малая взвизгнула, когда Энцо сильно толкнул ее в сторону. Плечом ударилась в стену, ногами угодила в холодную жижу. С трудом поймала равновесие, пригнулась и выправила дыхание.

Вдох. Выдох.

Она услышала еще один выстрел и вскрикнула. Что-то звучно упало.

Вдох-выдох. Спокойно. Пока окуляр не заработает.

Только бы не Энцо.

Только бы не он.

Изображение развернулось из точки. Возникло лицо – горелая корка. В трещинах спеклась кровь, алело мясо. Кожа у границы волос пузырилась, как вода в лужах. Шипела и издавала тошнотворный запах, от которого к горлу подкатил комок. Малая часто задышала, не в силах оторвать взгляд от убитого «пса».

Энцо опустил руку с оружием.

– Быстрее.

Он ухватил за локоть, потащил дальше за створки шлюза, который, судя по знакам, вел наверх. Малая перебирала ногами, оставляя грязные следы на светящихся псевдолабораторных панелях. Горло першило от запаха тлеющей плоти.

А Энцо был спокоен. Похоже, он убивал не впервые.

Из логова «псов» они выбрались внезапно, когда Малая уже потеряла счет поворотам. Белый пластик вдруг закончился, тоннель пошел вниз, армированный линиями коммуникаций. Освещение стало рыжим и редким; свет выбивался из-за стыков между трубами. Воздух сгустился, и они уперлись в шлюз с вездесущей меткой «псов».

Конец их территории.

* * *

В боксе пахло плесенью и ржавчиной. Где-то капала вода. Темнота; только из дверной щели выбивалась полоса света и ложилась на лицо Энцо. Она неплотно прилегала, эта дверь. Не закрывалась до конца, и им пришлось заклинить ее какой-то

железкой. Теперь сидели, как крысы в ящике. Ждали своего часа.

Малая растерла озябшие плечи.

– Сколько еще?

– Не слишком долго. – Энцо глянул на пластиковый браслет с часами. – Ремонтные шлюзы откроют в шесть. Включат питание запасных подъемников. На них поднимемся.

«А рабочие с поверхности? Кто же нас туда пустит?» – хотела спросить Малая, но закрыла рот, не желая показаться глупой. Энцо знал, что делал. У него наверняка был план.

Оставалось три часа. Три долгих часа.

Энцо сидел у двери неподвижно, как кот в засаде. Держал оружие на колене, накрыв рукоять ладонью. Его глаза потемнели, лоб золотился от пота. Малая приблизилась к нему и остановилась в нерешительности. Чувствовала себя маленькой и бесполезной. Сплошные проблемы.

Энцо поднял вопросительный взгляд, и Малая откашлялась.

– Ты ведь никуда больше не уйдешь?

Она отчаянно покраснела. «Не оставишь меня?» – хотела добавить, но слова будто в горле застряли.

Энцо улыбнулся и похлопал по бетону рядом с собой. Малая села и обхватила колени руками. Его дыхание коснулось ее лица. Только дыхание – их тела разделяла тонкая воздушная граница.

Казалось, этот воздух кипел.

– Малая… Вот что. Давай, когда это закончится… Когда мы выберемся…

Энцо замялся, словно подбирая слова. По заросшим щекам ходили желваки, губы сжались в упрямую нить.

Что за серьезный тон? Малая нахмурилась. «Только не уходи, – подумала она, холодея. – Только не оставляй меня одну». Она твердо решила не возвращаться в Десятую, что бы Энцо ни решил. Она была готова жить в канализации и заниматься чем угодно, но не прозябать дальше в сумраке и одиночестве под мостом.

Больше никогда.

– Давай уедем вместе. Найдем деньги, улетим с Земли. Ты бы хотела?.. Со мной.

Неожиданно. Малая растерянно моргнула – она успела настроиться на совсем другое. Лицо запылало.

– Да.

– Я знаю, где можно достать билет. Махнули бы подальше… Не в системы «ядра», а куда-нибудь на окраину…

– Да, хорошо.

Наверное, стоило сказать что-то еще, но в голову ничего не лезло. Она просто положила голову ему на плечо, а ладонь – на

грудь. Запомнила пальцами рельеф его тела – словно сталь обтянули теплой кожей.

Энцо накрыл ее руку своей.

Малая выключила окуляр, стараясь не вспоминать о погоне, оружии и крови. О том, что сейчас их искали по всем уровням. Она представила иные планеты, горячий ветер и ладони Энцо на своем теле. Те дни и ночи, которые предстояли только им двоим.

Но думалось отчего-то только о быстрых шагах за металлической стеной контейнера. О страхе и оружии.

«Мы выберемся, мы сможем», – решила она.

Так будет справедливо.

* * *

«Все будет хорошо, это мой друган», – повторял Энцо всю дорогу от укрытия до ремонтного шлюза. «Скоро выберемся». Правда, судя по выражению лица, он сам не больно-то этому верил. Упрямо морщил лоб, водил взглядом по сторонам, держал «гидру» наготове.

Друг оказался совсем не таким, каким Малая представляла. Она сперва его даже не заметила – этот тощий парень сливался с желтушными стенами и собственным бежевым рабочим костюмом. Стоял у техшлюза, скрестив руки на груди. Узкие глаза смотрели без всякой приязни.

Совсем не походил на приятеля.

– Харон, – кивнул Энцо, и лицо рабочего помрачнело. Похоже, он совсем не хотел, чтобы его прозвищем – или именем? – лишний раз сотрясали воздух. Молча он опустил рукоять переключателя. Мотнул головой в сторону шлюза.

Бронированные створки с маркировкой Имперской Ремонтной Службы расползлись в стороны, и взгляду открылся широкий коридор с рядами труб и современными – не разбитыми! – панелями, по которым бежали строки данных. После битого хаоса остальных тоннелей этот закуток казался отсеком космического лайнера.

Малая обернулась. Харон испарился, оставив шлюз открытым.

– Он ушел.

Энцо обернулся, и по его лицу пробежала тень. Ничего не ответив, он зашагал быстрее.

– Ты хорошо его знаешь? Почему он нам помог?

– Свои терки.

Разговаривать Энцо явно не желал, и это нервировало еще больше. Шагать стало мучительно. Невыносимо. Хотелось бежать

со всех ног – хотя Малая понимала, что смысла в бегстве не было. Только лишний шум, да и не услышишь погони.

Когда трубы сменились панелями управления и датчиками, а уровень ощутимо поднялся, Энцо остановился. Сделал знак молчать и прислушался. Тревожно нахмурился, вернулся назад и выглянул за угол.

Обернулся.

Лицо его было серым.

– Черт…

Малая подбежала к нему и тронула за руку. Энцо не отстранился, но и не сплел свои пальцы с ее, как делал обычно. В его глазах были гнев и испуг.

– Что такое?

Он мотнул головой и вымученно усмехнулся. При виде этой усмешки по спине пробежал холодок. Их продали. Канализационный Харон оставил их на растерзание «псам».

Малая не успела моргнуть, как Энцо затолкал ее в угол. Склонился, укрыв своей тенью от света.

– Эй, посмотри на меня.

Он обхватил ее лицо ладонями.

– Слушай и запоминай. Жди три минуты, ровно три, поняла? Считай про себя. Если я сейчас не вернусь… – Он указал на один из отростков тоннеля. – Садись в подъемник и уезжай. Не возвращайся. На верхнем уровне иди на юг по второму тоннелю. За красной заправкой направо, там есть выезд на стоянки. Что бы ни произошло – не кричи. Ни с кем не говори. Нигде не останавливайся.

Малая кивнула, откровенно ничего не понимая.

– Ты куда?

– Схожу на разведку. Не хватало еще, чтобы по нам палили снизу.

– Но ты…

Он крепко прижал ее к себе. Их дыхание смешалось. Малая услышала стук его большого сердца. Ее собственное сердце билось в такт, часто и звонко, как птица в стеклянной скорлупе. А пальцы холодели в предвкушении чего-то страшного и неотвратимого.

– Береги себя.

Малая вскинула голову. Он не верил, что вернется. Она видела это в его глазах.

– Нет!

Она ухватила Энцо за рукав, но он вывернулся и помчался обратно по спуску, взводя «гидру» на бегу. А Малая осталась стоять – будто ноги отказали.

Тишина. От нее колотило хуже, чем от шагов Алариха по камере.

Шестьдесят… Семьдесят…

На стене напротив подрагивало желтое пятно света. В нем роились точки – земляные мошки.

Малая впилась ногтями в ладони.

Это походило на дурной сон.

Что с Энцо? Во имя Юпитера, куда он пошел? Он не мог так с ней поступить. Никак не мог. Наверняка у него был план получше, чем просто кинуться под выстрелы «псов». Разумеется, был. Она кивнула. Конечно, был, и она без него не уедет, это точно. Просто не могла бросить его, после того, как он ее спас. Дважды. Он явился за ней, теперь она была уверена.

Сто тридцать… Сто сорок…

Малая зря вслушивалась в тишину. Как накликала. В отдалении что-то хлопнуло, затем еще раз. Она вздрогнула и бросила считать.

Выглянула из закутка.

Никого.

Крадучись она пробежалась до угла. Спустилась по залитому светом коридору, трижды пересеченному переходами поменьше. Пару раз вдалеке промелькнул бежевый костюм с оранжевыми полосами. Малая не успела разглядеть, был ли то Харон или другие рабочие.

И куда понесло Энцо? Он мог свернуть где угодно, а после еще пару раз. О чем она только думала, когда пошла следом?..

Еще один выстрел. Вопреки здравому смыслу, Малая побежала на звук. Выскочила на длинный балкон, который тянулся по периметру большого зала – похоже, машинного отделения.

Бросила взгляд вниз, и голова вдруг закружилась.

Энцо.

Энцоэнцоэнцо…

Он лежал внизу, среди машин. Раскинулся звездой, лицом вниз, а от плеча по белым плитам растекалась кровь. Волосы на затылке слиплись, «гидра» лежала рядом – только руку протяни. Но он не протягивал.

Вообще не шевелился.

Его обступили трое: два вооруженных парня в кожанках и рабочий. Изучали тело, как странную находку. О чем-то тихо переговаривались. Один отошел и принялся осматривать зазоры между блоками машин. Искали ее.

Малая не могла сделать и шага. Ей словно ударили под дых, переломили одним ударом. Ноги отказали, и она сползла по

решетке ограждения. Втянула воздух, и тот оцарапал сухое небо. Голова гудела, как летящий дрон. В горле клокотал крик, грозя вырваться наружу.

Только не Энцо. Только не он. Нет.

– Нет, – прошептала она онемелыми губами.

Рабочий словно услышал ее. Обернулся, поднял голову, и они встретились взглядом. Тот самый «друган», Харон. Его впалые глаза сузились.

– Вон она! – Он хлопнул «пса» по спине. – Наверху.

Малая вскочила и помчалась обратно по цепочке перекрестков. Панели управления сменяли друг дружку на стенах, совершенно одинаковые. Рядом с ними мерцали указатели, но Малая не могла разобрать ни единого слова. Знаки издевательски плясали перед глазами…

На очередной развилке она остановилась и в отчаянии огляделась.

Она что, заблудилась? Юпитер всемогущий, только не сейчас…

Справа затопали шаги. Малая втиснулась в щель между блоками питания и присела.

Прислушалась.

Топот приблизился. На пересечении ходов он стих – преследователь оглядывался, совсем как Малая пару минут назад. Она до боли закусила губу, чтобы ненароком не заорать. На щеках сохли дорожки слез. Разъедали кожу.

Спустя пару невыносимо долгих секунд преследователь заторопился дальше; звук шагов метнулся эхом вдоль стен и стих.

Малая вылезла в коридор и побежала в противоположном направлении. Выбирала коридоры, которые шли на подъем. Заметив знакомую нишу – ту самую, в которой ее укрыл Энцо, – она припустила быстрее.

Коридор повернул, и она оказалась в тупике. Углубления по правую руку были забраны решетками; за ними чернела тьма. В стене утоплены кнопки, одинаковые у каждой решетки. Просто голубые круги диаметром с подушечку пальца.

Малая не сразу сообразила, что они вызывали лифт.

Она вдавила все по нескольку раз и заметалась по закутку, не в силах стоять спокойно. В шахтах загудело, закуток наполнился предательским шумом. Малая вздрогнула и сжалась. Гул механизмов отзывался под ребрами. Казалось, она оповестила о своем местонахождении всех в нижних тоннелях, от логова «псов» до поселений уровнями выше.

Малая вжалась спиной в решетку. Может, хоть так она не бросалась в глаза. Была не такой заметной мишенью. Но, по

правде, все равно находилась на виду. Как под светом прожектора, стреляй не хочу.

Из-за угла вышел мужчина в форме «псов». Обвел закуток взглядом и сперва не заметил Малой. Затем вздрогнул и вскинул оружие. На синем от татуировок лице читалась холодная решимость. Ему ничего не стоило разнести ей голову одним выстрелом.

Малая сморщилась. Вот сейчас. Сейчас он нажмет кнопку спуска и…

Лифт за спиной открылся, и она упала внутрь. Задыхаясь, нажала знак верхнего уровня. Решетка поползла в исходное положение. Кабина задрожала и выстрелила наверх – так резко и неожиданно, что колени подогнулись.

Снизу донеслись отголоски ругани. Они становились все тише. Малая привалилась к стене, дрожа от напряжения. За прозрачным пластиком мелькали стыки бетонных плит, обрубки коммуникаций и провода. Сердце колотилось. Нужно было успокоиться. Посчитать.

Да, так велел Энцо.

Раз, два, три…

Не успела она сосчитать до двадцати, как подъемник остановился.

Дрогнул и чуть съехал вниз по магнитным направляющим.

Малая вскочила. Паника остудила лоб. Нет! Только не обратно! Им что, управляли с нижнего уровня?

Что, если «псы» просто отключат питание и кабина упадет?

Она заколотила по сенсорному экрану. Тот не реагировал, как заклинило. Ни единой цифры, кабину как в невесомости подвесили. Пальцы вспотели, мысли заметались. Нужно было подключиться к системе управления, вот только как Малая ни старалась, ничего не выходило.

Кабина дрогнула и поползла вниз.

Малая опустилась на колени, склонилась к решетке пола. Светлое пятно нижнего уровня приближалось. Проводила взглядом пыль, которая сыпалась со дна лифта.

Все было зря? Неужели все было зря?

Она вжалась пылающим лбом в ладони и сдавленно завыла. Мир заволокла боль – как назойливый белый шум. Сдавила грудь, оглушила взрывной волной. Над головой звонко хлопнуло, плечи Малой осыпало кусочками стеклопластика.

Кабина погрузилась в гулкую тьму. Замедлила ход… и поехала вверх.

Малая перевернулась на спину и уставилась в зеленоватую тьму – окуляр переключился в ночной режим. Тело подбросило от

энергии, как делало каждый раз, когда она подключалась к сети. Кончики пальцев покалывало, волосы наэлектризовались и облепили лицо.

Она отдала приказ, и подъемник набрал скорость. Теперь огни за решеткой кабины проносились быстро, как звезды на небосклоне при перемотке. Малая чувствовала цифровые потоки данных, которые бежали по радиоканалам. Читала, направляла каждый из них.

Стала больше своего зримого тела.

Заполнила собой кабину.

Разбухла и поглотила шахту, уровни канализации внизу, ремонтную базу и стоянку рядом с ней наверху. Сотнями глаз-камер увидела «псов», рыскавших между жилыми контейнерами. Легионеров в экзоскелетах; те спускались по тоннелям, лазерные точки прицелов скакали по стенам и телам номеров. Рабочих, которых эвакуировали наверху.

Алариха, садящегося в черный «Клео». Одного взгляда на него хватило, чтобы захлестнула ярость. Он убегал! Пока легион зачищал тоннели, он спокойно убрал шасси и вылетел со стоянки. Силовое поле на выезде включилось слишком поздно, лучи едва чиркнули по бамперу, срезав краску.

Малая вернулась в тело. Ее трясло. Подъемник с рывком остановился, но она продолжала лежать, невидяще глядя в потолок. Чувствовала, как горе под ребрами сжимается в тугой комок. Вырождается в ярость, которая выстудила тело изнутри.

Проклятый Аларих.

Чтоб он,

сука,

сдох.

– Номер!

Оклик вырвал из транса. Малая села и уставилась на дуло нейтрализатора. Оружие держал легионер, судя по голосу, молоденький. Он стоял в комнатушке, заставленной панелями и каким-то механическим мигающим барахлом. Желтый искусственный свет заливал его экзоскелет сверху – черная и блестящая фигура, живая машина со светящимися полосами вдоль боков. Забрало шлема опущено, лица не видно.

– Встань и подними руки вверх, чтобы я мог сканировать чип.

Его голос звучал глухо из скорлупы костюма. Он придвинулся ближе. Ствол в руках дрогнул.

Малая медленно поднялась и склонила голову набок.

– Я. Не. Номер.

Индикаторы на рукояти нейтрализатора погасли, и легионер изумленно щелкнул предохранителем. Поняв, что оружие

неисправно, он отбросил его и потянулся к Малой.

– Стой на месте.

«Вот ты и стой», – подумала Малая. Центр управления экзоскелета находился над энергоблоком, между лопаток. Раз – и легионер застыл с протянутой рукой, растопырив пальцы. Еще немного, и схватил бы за запястье. Вот только страха Малая совсем не испытывала. Она чувствовала каркас легионерского костюма, каждый изгиб. Могла заставить его шагнуть в открытую шахту лифта, если бы пожелала. Барьеров, которые сдерживали силу, больше не было.

Теперь каждое подключение удавалось легко – как дыхание.

– Стоять! – Голос легионера сорвался.

Он ее боялся. Странно, но радости это не принесло.

Малая обогнула его и вышла в сухой кондиционированный воздух подземной стоянки. В отдалении выли сирены легионерских машин, кто-то вещал в громкоговоритель, приказывая очистить периметр. Она прошлась вдоль ряда припаркованных машин, разблокировала решетку со знаком вентилятора на створке и протиснулась между остановившихся лопастей.

Ее ждал новый лабиринт.

III. Pluto

Невинность

Таких посетителей у Н-3 еще не было. Патриции, конечно, славились экстравагантным вкусом, но обычно дамы старались избегать биометалла на теле. Заметные имплантаты – дурной тон, дешевка, признак бедняка.

Тем более металл на лице.

– Вам помочь, госпожа?

Она держала руку под прилавком, на кнопке вызова охраны. На всякий случай. Кто знал, что задумала эта дамочка? В последнее время грабежи участились. Заходили номера, одетые как патриции, приставляли к голове продавца пистолет и списывали все средства с кассового счета. А иногда и с личного счета продавца. Не хотелось бы попасть в такую переделку.

Клиентка обернулась. Убрала выбившуюся белую прядь в пучок. Серебряные цепочки увивали руку, закрывая ладонь и запястье – по последней патрицианской моде. Под ними вился узор золотой татуировки. Совсем молодая, с правильными чертами лица, острым подбородком и пухлыми губами. Не

римская, хрупкая красота. Прозерпина во плоти, если не считать военного окуляра.

– Мне нужен чемодан. Небольшой, но вместительный. Я собираюсь в долгую поездку.

– У нас есть все, чтобы удовлетворить самый требовательный вкус, – затараторила Н-3 и указала на демопанель. На ней неспешно сменяли друг друга кейсы и чемоданы всех мастей. – Любых расцветок, ударопрочные и водонепроницаемые, защита от радиации и тепла, функция антигравитации. Датчик слежения…

– Слежения? – клиентка приподняла бровь.

– Если ваш чемодан потеряется, госпожа, специалисты нашей службы смогут отыскать его в любой точке империи.

Клиентка рассеянно кивнула и пролистнула пару образцов на панели. Подол ее дорогой тоги зашуршал по полу, когда она шагнула к демонстрационной панели. Рубашка под тогой тоже стоила немало. Из полупрозрачного белого шелка. Натурального – большая редкость. На Н-3 она смотрелась бы куда лучше, чем на этой бледной моли.

Н-3 набралась духу для коронного вопроса. Правила обязывали его задать, но некоторые патриции реагировали совсем не сдержанно.

Конечно, если моль перед ней была из патрициев, а не проходимкой из тоннелей.

– Могу… Могу я сперва посмотреть ваши кредитные данные?

– Разумеется.

Тонкое запястье легло под сканер. Н-3 включила считывание данных и едва не упала, глянув на экран блокнота.

Сумма уже занимала всю верхнюю строку и продолжала расти. Ниже высветилось имя: Лидия Аврелия Малая. Центральная курия.

К ней что, зашла родственница самого императора? На эти деньги можно было купить магазин целиком и всю планету в придачу. И последнее имя такое… странное.

– Я хочу белый. – Лидия Аврелия прервала затянувшееся молчание. Она вынула руку из сканера и одернула манжету рубашки.

– Белый. Конечно, – закивала Н-3. – У нас есть замечательные образцы из новой свадебной линейки. Но если они вам не подойдут…

Взмах ладони заставил ее умолкнуть. Улыбка клиентки стала злой, и Н-3 еле подавила желание отступить за прилавок. От этой Лидии Аврелии по спине бежали мурашки.

– Свадебный. – Ее взгляд отпустил Н-3 и сполз на экран каталога. – Пожалуй, свадебный будет в самый раз. Без датчика

слежения, пожалуйста.

* * *

R-505 не любил, когда на него смотрели. Особенно так пристально и вызывающе, как делала патрицианка на скамье напротив. Вся в белом, как на торжество, в побрякушках (как только не боялась бродить одна в темноте?). Руки в татуировках; желтых – выцветших, что ли? Окуляр мигает. И взгляд живого глаза такой неприятный: белесый и холодный как лед. Под таким даже кусок в горло не лез, не то что вино.

R-505 завернул бутерброд обратно в фольгу, сунул бутылку в сумку и поднялся, едва сдерживаясь, чтобы не показать сучке средний палец. За оскорбление гражданина можно было и срок схлопотать. Не дала насладиться сумерками в парке – единственным временем, когда он мог законно выдохнуть и с полчаса сидеть в абсолютном молчании, слушая гул турбин на автострадах вдалеке.

Он двинулся вниз по аллее, вдоль выстриженных кустов и гипсовых чаш, из которых что-то неизменно и пышно росло. Пятна фонарей сменяли друг друга на песке. Летали белые песчаные бабочки. R-505 слыхал, что такие водились в пустынях дальних курий. Питались падалью. И кто их только сюда завез? Придурки, не иначе; думали, что бабочки-падальщицы – это красиво.

Услышав стук каблуков, он обернулся и нахмурился. Патрицианка шла следом. Следила за ним своими отмороженными глазищами. R-505 сплюнул. Она что, издевалась?

Он свернул к каналу и двинулся по мосту между бетонными берегами. Пахнуло тухлой водой и химическими отбросами. Это была окраина парка. Патриции сюда не совались.

R-505 покосился через плечо.

Хвала Юпитеру, дорога оказалась пуста. Только пятна фонарей и быстрые тени бабочек. R-505 поежился. После того как «псов» повязали, он что-то стал слишком нервным. Боялся баб, подумать только…

– Привет, Харон.

Он обернулся.

Патрицианка стояла за его спиной. Лицо ничего не выражало, под глазами залегли мертвые тени.

Харон? Откуда она узнала? Ее что, «псы» послали?

Точно. R-505 похолодел. Заметали следы, как пить дать, и теперь решили избавиться от свидетеля. Сволочи.

Он кинулся вперед, готовый выбить из сучки дух, но она

оказалась быстрее. Мелькнула спица, и синий луч едва не рассек R-505 живот.

– Энцо, – пропела она. Шагнула ближе, и налетевший ветер всколыхнул белые юбки. – За сколько ты его продал?

– Не понимаю, о чем…

– Все ты понимаешь.

Спица разрезала воздух перед носом, и R-505 отступил. Нужно было бежать… Или нет, спустить патрицианку с моста, а после свалить из курии.

В раздумьях R-505 сделал еще шаг и ткнулся ногами в низкое ограждение. Колени сами подогнулись, и не успел он сообразить, как завис над бурлящим потоком. Нелепо взмахнул руками – раз, два – и медленно, как в дурном сне, повалился назад.

Патрицианка следила за ним с моста.

Ее лицо было последним, что увидел R-505 прежде, чем воды сомкнулись.

* * *

Малая шла быстро, шагала в ногу с толпой. Зябко прятала руки в пушистую муфту, подбородок – в высокий воротник, который щекотал шею мехом.

Рядом чирикали торговые автоматы; их оконца перемигивались разными цветами, завлекая покупателей. Завлекали и магазинчики с вечно распахнутыми дверьми и яркой бахромой тряпья на вешалках. За барьером, который отделял тротуар от проезжей части, гудели машины. Мимо с воем пронеслась синяя «пуля» легионеров. На красном сигнале светофора она не остановилась, а просто набрала высоту, рыбкой вынырнула из общего потока и пролетела над крышами ожидающих машин. Сопла вспыхнули двумя жаркими огнями.

Малая торопливо опустила голову.

Сделала это по привычке: лицо ее уже не было прежним, равно как и чип. Прооперированный живой глаз теперь видел. И татуировку с шеи она тоже свела – за деньги, которые были на ее счету, в клиниках делали еще и не то. Теперь по мокрому тротуару стучали каблуки богатой и живой Лидии Аврелии. Никто бы не подумал проверить чип у дамы, в которую она превратилась. Простая милая Малая умерла вместе с Энцо; осталось только имя, как эхо.

На миг шум курии отступил, стал глухим и неразборчивым, как старческое бормотание. Его место занял стук сердца, быстрый от ненависти и болезненный от горя. Гулкий, как праздничный грохот барабанов за стенами храма. Как ропот богов, готовых к

зрелищу.

Бум-бум , звал барабан.

Охота началась.

Предплечья зачесались, и Малая поморщилась. Чем больше она пользовалась своей силой, тем явственнее проступал странный рисунок под кожей. Словно набили татуировку золотом. Стоило напрячься чуть сильнее, и вырисовывался новый завиток. Странное дело, но лучше об этом не думать. Все, что с ней происходило, было по меньшей мере странным. Странностью больше, странностью меньше…

На углу квартала ожидал белый «Арго» представительского класса. Малая нырнула в сумрачный салон и расправила полы пальто. Отыскав экран управления, включила диспенсер. Тонко запахло ванилью, совсем как в булочной Цепиона. Специальная настройка по ее требованию.

Стекло, отделявшее водительское сиденье от пассажирских, опустилось, и на нее глянул пожилой, повидавший виды номер. Тощий, с поцарапанной пластиной на подбородке и нездоровыми складками под глазами. Чино, так он представился при первой встрече, наплевав на законы и правила приличия. Потому Малая и выбрала его из сонмища рафинированных молодых парней, которых предлагало транспортное агентство.

– Куда едем, госпожа? – сипло осведомился Чино.

Малая отмахнулась:

– Пожалуйста, просто Лидия. К Первому Имперскому отелю.

Кивнув, Чино опустил ладонь на экран управления и выкрутил руль. «Арго» тронулся с места, влился в транспортный поток.

Первый Имперский был настоящей жемчужиной Четвертой курии. Клык из стали и стекла. Он высился над особняками и магазинами верхнего уровня, а кругом жужжали легионерские дроны, проносились люксовые авто, сверкали голограммы и плескали фонтаны с подсветкой. Из уличных динамиков звучал имперский гимн в какой-то новомодной обработке.

Малая ступила на расцвеченный неоном тротуар и зябко подняла воротник – близилась зима, и ветер уже кусал шею. Она поднялась по беломраморной лестнице отеля, улыбнулась швейцару-номеру, который поспешил открыть двери. Никакой автоматики, все по высшему разряду.

Холл встретил золоченой пустотой, в которую можно было провалиться. По прозрачному куполу скользили изображения первых имперских лиц, за двойной колоннадой светилась регистрационная стойка, где ожидали лощеные девочки. Высокие, длинноногие, похожие на кукол и до ужаса одинаковые.

Малая улыбнулась одной из них.

– Императорский люкс.

Взгляды привычно скользнули по окуляру, затем вернулись обратно к панелям внутренней сети отеля. Наманикюренные пальцы запорхали по виртуальной клавиатуре.

– Просим прощения, но императорский люкс занят.

Малая кивнула. Она знала, просто хотела убедиться еще разок.

– Хорошо.

– Мы можем предложить вам люкс этажом ниже.

– Отлично.

Она сунула запястье под сканер, взяла ключ-карту и двинулась к хромированным створкам лифтов. Подол пальто скользил по мрамору, заметая следы. Уже в кабине она ввела на панели последний этаж пентхауса. Как и думала, система безопасности выдала запрет; без ключ-карты доступа в императорский люкс не было.

Не беда.

Малая приложила к экрану ладонь, и из щели под панелью заструился дым. Двери закрылись, и кабина плавно набрала скорость, выстрелив к крыше небоскреба.

Динь, сказал лифт, остановившись.

Прибыли.

В императорском люксе оказалось жарко – во всех смыслах. Под туфлями хрустело битое стекло. Долбила электронная музыка, которая никак не сочеталась с величественными золочеными потолками и колоннами. На диванах лежали полуобморочные голые девицы; под носом одной застыла капля крови. Судя по капсулам использованных шприцев, красотки были под кайфом. Малая поморщилась. «В глубоком кайфе» – так говорил Аларих, когда кололся в ее камере.

В арке на другом конце гостиной стоял парень – в одних трусах, спиной к Малой. На шее скалилась татуировка песьей морды. Волосы и тело влажно блестели. Под ступнями натекла лужица воды, словно он только что выбрался из душа.

Как ни странно, имплантатов в его теле не было. Плохо.

Малая ухватила один нераспечатанный шприц, разломила упаковку. Быстрым шагом пересекла комнату и всадила иглу прямо в собачий нос татуировки. «Пес» шатнулся, изумленно обернулся. Повел помутневшими глазами, открыл рот, словно хотел что-то сказать… И сполз по стене.

Хватило дозы, даже такому быку.

Малая перешагнула его ноги и вышла в просторную залу с бассейном и стеклянным куполом. Императорский люкс во всем

его великолепии.

Большую часть «псов» повязали во время облавы – которая, как узнала Малая, явилась через пять минут после ее побега. Теперь легион отлавливал оставшихся, которые засветились в Четвертой курии. Может, и к этим уже ехал спецотряд. Но им, похоже, было плевать. Они кутили на полную катушку. Наплевали на безопасность, засветились где только могли во всей своей красе – будто специально нарывались. Решили отметить последние дни на свободе с блеском.

Егерь отмокал в бассейне в компании девиц. На бортиках обсыхали два марсианина; все пьяные и под кайфом.

– Что за благость на меня свалилась, в мои-то пенаты? – крикнул он, заметив Малую. – Прыгай ко мне.

Он шлепнул ладонью по воде, и пена окрасилась небесно-голубым. Девицы захихикали. Один из «псов» хлопнул бутылкой шампанского.

Малая улыбнулась. Разумеется, он ее не узнал.

– Есть разговор. – Краем глаза она заметила оружие на столике у окна. Три лазерные «спицы», пистолет и громоздкий распылитель.

– Разговор? – Егерь так загоготал, что чуть не захлебнулся пеной. – Снимай тряпки, поговорим.

Номера тоже засмеялись, совсем расслабились. Хорошо. В опасный момент всегда было лучше прикинуться слабой, эффект неожиданности еще никому не мешал.

Так говорил Энцо.

Егерь вдруг умолк – резко, будто подавился. Тряхнул головой, разметав мокрые пряди. Лицо побагровело, из груди вырвался хрип. Мозговой имплантат отдал команду, и нашпигованное наркотиками сердце замедлило ход.

«Псы» умолкли. Следили за боссом пьяными взглядами.

Малая прошлась вдоль бортика и взяла со стола распылитель. Достала из кармана проводок, сунула один коннектор к височной пластине окуляра. Второй подключила к рукояти. Отрегулировала силу выстрела.

Она могла контролировать каждого из присутствовавших, но не хотела тратить силы зря.

– В соседнюю комнату. – Она указала стволом в сторону спальни.

– Да пошла ты, – оскалился один из «псов».

Он перестал ухмыляться, когда бутылка в его руке рассыпалась пылью. Распылитель отозвался короткой дрожью, индикатор на батарее медленно разгорелся, показывая готовность к следующему выстрелу.

– Пошли *вы* .

Оба «пса» попятились; глаза того, что покрупнее, так и бегали. Похоже, что-то задумал. Прежде чем он успел что-либо выкинуть, Малая сожгла его нейропорт. Здоровяк рухнул как подкошенный; пальцы мелко подрагивали, будто его били током. Неприятно, но не смертельно. Просто отключился на время.

Второй «пес» не стал дожидаться той же участи; поднял руки и попятился в спальню. Малая захлопнула дверь и блокировала замок. Красавицы повылезали из воды и гуськом убежали прочь, оставив цепочку следов. Из бассейна парило влагой и дезинфектором.

– Ты? – прохрипел Егерь. Все так же полулежал на бортике, но без прежнего веселья. Похоже, все-таки понял, кто перед ним стоял. – Выжила, смотри-ка. Оказалась умнее, чем выглядишь.

Малая молчала. Собака лает, караван идет.

Оказавшись за его спиной, она отложила распылитель, вытащила пояс пальто из шлевок и намотала его на руку. Села на корточки. Влажный ирокез Егеря оказался совсем близко; в нос ударил запах сальной кожи.

– Я хочу знать, где Аларих.

Жилка на щетинистой шее забилась быстрее. Как, должно быть, он жалел, что не мог двинуться.

– Решила догнать папочку? Поздно, красавица, поезд ушел. Надо было прыгать на него, когда давали…

Малая намотала второй конец ремня на руку и захватила шею Егеря петлей.

Под сводами бассейна заметался хрип и плеск.

– Где Аларих?

Егерь извернулся и глянул на нее зелеными огоньками окуляров. Полузадушенный, все равно давил улыбку.

– Знаешь, что я отстрелил твоему крио в первую очередь? – Он пробежался языком по растрескавшимся губам. – Бубенцы. Столько крови было. Он визжал, как суч…

Неправда!

Гнев ударил в голову, как хмель, и Малая затянула петлю сильнее. Окуляр Егеря мигнул и потух. «Пес» взвыл, схватившись за лицо. Забарахтался, уходя под воду. Страшная боль, Малая знала. Воспоминания о первых днях после той подпольной и подвальной операции были еще свежи, и транслировать их нейроимпланту Егеря оказалось проще простого.

Как голова под пластиной горела.

Раскалывалась, словно в глазницу штырь продели.

Плюх, плюх, били ноги по воде.

Малая втянула вязкий воздух, подавила вспыхнувший гнев.

Она теряла контроль над своими способностями, когда злилась. А ей была нужна информация. Был нужен Аларих.

Она взломала прошивку нейроимпланта, и Егерь взвыл. Малая едва слышала его голос – ушла с головой в работу. Раскапывала данные, сохраненные в памяти устройства. Поднимала слой за слоем, отслеживала перемещения носителя.

И наконец нашла, вместе с новым именем.

– Аэровокзал.

Она улыбнулась, почувствовав дрожь Егеря под ладонями. Угадала, надо же. Она попыталась копнуть глубже, но узнать больше не успела.

Ее ухватили за ворот и швырнули в бассейн.

Вода ударила в лицо, обожгла кожу. Навалилась сверху. Перед глазами мелькнули затонувшие бутылки из-под шампанского, красные ниточки чьих-то сброшенных трусов. Волосатые ноги Егеря, кривые и голубоватые. Он подгребал ими, отчаянно пытаясь удержаться на поверхности.

Малая выпуталась из потяжелевшего пальто, скинула туфли и рывком вынырнула. Воздух ворвался в легкие, и она закашлялась.

На бортике стоял один из «псов». Целился в нее.

– Стреляй, придурок! В голову! – заорал Егерь, и Малая снова нырнула. Первый заряд прошел мимо, вскипятив воду.

Нужно было сломать пистолет, и как можно скорее. Со всей этой пеной на поверхности отыскать ее под водой было непросто, но возможно. Она была слишком неповоротлива, и воздух заканчивался. А покажешь макушку – и головы как не бывало.

«Сосредоточься!»

Малая отыскала источник импульсов и торопливо сожгла. Перегрела, заставив работать на пределе мощности.

Ноги Егеря вдруг задергались в судороге. Малая похолодела. Она что, поджарила нейроимплант вместо оружия? Только не это, Юпитер всемогущий!

Егеря вытащили из воды. Еще один заряд пронесся мимо. Оранжевый сгусток плазмы.

Из последних сил Малая отплыла к бортику и ухватилась за желоб стока, чтобы не всплыть раньше времени. Перед глазами уже рябило от нехватки кислорода. Выстрел прожужжал рядом. Вот же… Она была как на ладони из-за подсветки на дне…

Подсветка!

Малая коснулась светящейся полосы, и та погасла. Верхний свет тоже. Вода превратилась в непроглядные чернила. Малая всплыла, жадно глотнула воздуха и полезла на бортик. В отдалении хрипел и булькал Егерь, развалившись на спине. Рядом кралась бесшумная тень второго «пса». Уже без пистолета;

наверное, батарея села.

Малая глянула в угол, где чернел стол с оружием. «Пес» двигался слишком быстро, никак не успеть. И хватать еще одну пушку не собирался. Обошел бассейн кругом и двинулся к Малой. Глаза блестели, как у кота, лицо кривилось усмешкой.

По спине сбежал холодок. Он явно собирался скрутить ее голыми руками. Свернуть шею – и делов.

Она попятилась. Босая нога коснулась холодного металла; по каменным плитам что-то проскребло.

Распылитель.

Малая схватила оружие… Но ее сбили к стене, придавили шею локтем. Лицо «пса» оказалось совсем близко. Изо рта пахло брагой и нечищеными зубами.

Он навалился всем весом. Позвонки захрустели, воздух вышибло из легких. От адской боли помутилось в голове…

Нет! Только не так!..

Малая ткнула ствол «псу» в бок, надавила кнопку. Очень просто. Почти без отдачи.

«Пес» распахнул глаза и кашлянул пылью – прямо в лицо. Только тогда мелькнула мысль: с такого расстояния можно было и себя зацепить.

Но, кажется, она была цела. А хватка «пса» ослабла.

Малая вырвалась, толкнула его прочь. «Пес» отступил и с громким плеском погрузился в бассейн. Больше не всплывал.

Пошатываясь, Малая подошла к Егерю. Тот едва дышал. С него натекла лужа, синие губы дрожали. Мокрый ирокез прилип ко лбу. Его сознание угасало. Окуляры не работали, поврежденный нейропорт сбоил.

– Ты – худший из мутантов, поняла? – прохрипел он. – Радиоактивный ушлепок.

В его голосе звучало слишком много надежды на смерть. Малая опустила распылитель.

Хрена тебе. Живи, тварь, и жди легионеров. Личная капсула ждет.

– Кликеров давно пора стерилизовать, чтобы не рожали…

– Мои родители не были кликерами, – отрезала Малая.

– А то ты знаешь, кем они были. – Усмешка Егеря казалась рваной раной на лице.

Малая отключила его нейроимплант совсем. Тело Егеря дернулось и обмякло. В самый раз, чтобы дождаться легионеров.

Шлюхи на диванчиках в холле тоже мирно спали, видя наркотические сны. Малая обогнула россыпь осколков у их ног и заглянула в шкаф у двери. Отыскав одноразовые тапочки гигантского размера, она вызвала лифт. Оперлась на угол плечом,

задыхаясь от боли и адреналина.

Как бы Егерь ни был противен, здесь он оказался прав. Она ничего о себе не знала. Кем она была? Мутантом? Обычные люди не могли управлять электроникой силой мысли.

Она спустилась в холл. На нее, даже мокрую насквозь и обутую в белые одноразовые тапочки, смотрели подобострастно. Чувствовали размер счета издалека, не иначе. Конечно, у богатых ведь свои причуды. Хочется купаться в одежде? Юпитер в помощь.

Как Малая это ненавидела.

Еле спустившись по лестнице, она напоследок обернулась на стеклянный клык отеля. Наверное, стоило вызвать легионеров. Сэкономить им день поисков. Но звонок могли отследить.

Она почувствовала приближение информационного облака и вскинула голову. Дроны. Их полосатые тела, похожие на отполированные водой камни, вынырнули из-за угла небоскреба и неторопливо поползли над улицей, щупая ее усиками сканеров. Импульсы бежали по их микросхемам с неизменной частотой. Сигналы выстреливали к ближайшим вышкам приема. Малая подкорректировала их маршрут, и дроны, неловко покачиваясь, свернули на соседнюю улицу.

Она стала гораздо сильнее. Интересно, есть ли у ее способностей предел?

– Пора, госпожа, – окликнул Чино. Малая кивнула и рухнула в пропахший ванилью «Арго». Зашипела, когда спину прострелила острая боль.

Терпеть. Терпеть и молчать до следующей курии и регенерационной капсулы. Дорога предстояла долгая.

* * *

Из курии ехали через канализационные тоннели, в которые попали с подземных стоянок. Дорожных камер можно было избежать, лишь проехавшись по этим закоулкам, а никто не знал их лучше Чино. Машина летела над битой дорогой. Влажно блестела слизь на бетонных опорах. Шум турбин разносился гулким эхом; изредка в тенях мелькали силуэты.

Чино сплюнул в открытое окно.

– Все номера Четвертой курии живут здесь.

Не то чтобы Малая удивилась.

– Все? Здесь, в канализации?

Он кивнул, щурясь от ветра.

– Наверху жилье дорогое, с улиц легионеры гоняют. Номер, спящий в коробке, – патриции и гости империи не хотят такое видеть.

Малая поежилась. Мимо проносились отростки тоннелей и канавы тухлой воды вдоль стен. Дальше пестрели ряды самодельных домов, сложенных из чего попало; без окон, с куском пластика на петлях вместо двери. Бронированные коробки – обитые металлом, с числами на углах.

– Бедняги, – пробормотала Малая.

– Да что вы, госпожа! Это вы еще в Седьмой не были, – мигом отозвался Чино.

Еще как была.

Малая нахмурилась, и, поймав ее взгляд, водитель поднял руку.

– Прошу прощения, умолкаю.

Она отвернулась к окну, проследила за группой бритых номеров. На их куртках неоном светились нарисованные псы.

Последнее время она видела этот знак все чаще.

– Ты знаешь что-нибудь о «Псах Свободы»?

– Это те, что конюшни у трибуна взорвали?

Об этом Малая еще не слыхала.

– Квадратный километр провалился на уровень ниже. – Чино скривился. – Представьте, выходит утром трибун на балкон своего домины, а вместо конюшен – дыра. И через нее нижний город видно. Теперь ни дорогущих коней, ни скачек. У патрициев Четвертой курии горе.

Малая качнула головой:

– И у номеров, верно? Сколько человек погибло под обломками? Или номерам все средства хороши?

Патриции были мерзавцами, никто не спорил, но взрывы? На нижний уровень, прямо на головы номерам и другим патрициям. Террор в действии.

– Помочь могут не только «псы».

– А что вы сделаете, госпожа? Внушение императору? Перечислите номерам полмиллиона на расходы? – Чино пожал плечами. – У богатых все равно больше. Всегда будет больше.

Малая промолчала, не отрывая взгляда от теней, исчезавших за углом. Лучше делать хоть что-то, чем просто проехать мимо.

Если бы только все думали, как она.

Если бы только она могла на что-то повлиять.

* * *

Малая свернула слои текста – одной мысленной командой, так же легко, как и взломала.

Аларих купил билет до Третьей курии. Чужое имя, другое лицо. Неужто ехал в космопорт? Разыскивать главаря «псов» по

всей империи совсем не улыбалось.

Но Аларих не собирался улетать. Может, отпугнула строгая система досмотра или ориентировки, высланные всем легионерам на контрольно-пропускных пунктах. По тонкой ниточке следа – отсканированному отпечатку пальца, принадлежавшему «псу», который его сопровождал, – она вышла на заправку шоссе 3–2. Нашла его во Второй курии, в ресторане. Он ехал в центр. Малая даже усмехнулась. Снова в центр, как и месяцы тому назад. Хотя казалось, что прошли целые годы.

Она же так хотела туда попасть.

Другие документы, помеченные имперским орлом, отправились в особую папку на ее блокноте. Закрытое дело, которое вел декурион Луций Цецилий. Номер криокапсулы – вот что она сумела отыскать в его рапорте. Номер капсулы и больше ничего. Остальное лежало где-то в месте, недоступном для сети и ее новой силы. Архив Управления, так называлось это хранилище.

Еще один файл с пометкой «cito». Малая тронула его пальцем, и документ раскрылся. Только текст, ничего лишнего. Три цифры – два, ноль и шесть – повторялись в нем снова и снова. Издевательски выпрыгивали из каждой строки. «Вывести из крио». «Использовать для поимки вероятного убийцы». «Последующее заключение сроком до трех тысяч дней».

Легионеры использовали Энцо, чтобы поймать Алариха. Отправили в канализацию, как пушечное мясо. Как маячок, чтобы вычислить убежище «Псов». И списали в утиль, закрыли дело.

Она потерла лоб над сталью окуляра. Живой глаз защипало от слез, грудь сдавило от обиды.

«Никому не верь, Малая».

Шепот послышался совсем близко. Словно Энцо стоял за плечом.

Никого не слушай.

Никому не верь.

Малая отложила блокнот и вышла на балкон. У ног расстелилась Вторая курия. Город рокотал по-ночному глубоко, эхо улиц накатывало волнами.

Она опустилась на влажное после дождя покрытие, обняла колени и уставилась в очистившееся от туч ночное небо. Звездная, полная жизни чернота.

Когда-нибудь она улетит туда. Соберет вещи, поедет в космопорт, сядет в шаттл и улетит, далеко и навсегда. Покинуть Землю она мечтала с детства, а после имплантации окуляра взлетающие шаттлы буквально наводнили сны, ставшие невыносимо яркими. Сопла, будто капли расплавленного металла. Рокот турбин. Гладкие бока челноков. Сколько раз она

просматривала записи полетов на блокноте, сколько перечитала статей… Не счесть.

Малая хотела покинуть и планету, и империю, на отшибе которой та вертелась.

Днем ранее она заметила ребенка в проулке за парковкой. Тот потрошил мусоросборник за рестораном. Выуживал остатки еды черными от грязи пальцами и жадно запихивал их в рот. Но стоило выйти с коробкой готового обеда, как ребенок торопливо ускакал; прыгнул в какую-то расщелину и был таков.

И что будет с ним дальше?

Малая легла на спину и раскинула руки. Промокшая рубашка холодно прилипла к лопаткам. Сверху навалился бездонный космос. Он пульсировал радиосигналами, подмигивал огнями шаттлов.

Нужно улетать.

Останься Энцо жив, она позвала бы его с собой. Они бы сделали это вдвоем: бросили планету и «псов», Алариха и все деньги империи. Начали все заново, с нуля и в новом месте.

Мысли спутались, как делали при каждом воспоминании о нем. Его голос еще звучал эхом. Чудился каждый раз, когда ее звали «Малой». Его прикосновения остались на коже клеймом. Малой хотелось дотронуться до его плеч снова. Прокрутить время назад и побежать за ним. Не отпускать от себя. Может, тогда он остался бы жив.

Теперь он был где-то далеко, за слоями атмосферы, космической пыли, газа и туманностей.

«Когда-нибудь я улечу к тебе…» – подумала она и выключила окуляр.

Беа ар-Моуф

Эскалоп на тарелке – не соевый, настоящее мясо – дымился, испуская густой и жирный дух. Нож проскреб по расписной керамике, ломтик сел на вилку.

Вот так, правильно, совсем как делали патрицианки в ресторанах.

Малая отправила его в рот и глянула на ленты автострад далеко внизу, за полосой парка и городским кварталом. Далеко; даже двигателей не слышно. Кафе гнездилось на верхнем уровне, откуда просматривалась вся курия до цепочки искусственных водоемов на границе с центром. А за углом высилось здание Управления, в котором таилась нужная информация.

Малая поправила наушник и тронула блокнот.

На экране ожило изображение кабины трансгалактического

корабля. Виртуальная камера наехала на приборную панель с десятками слоев и рукоятей. Один из знаков вспыхнул изумрудным.

«Приземление, – сказал голос в наушнике. – *Шаг первый. Переведите систему в режим посадки».*

Малая любила учиться.

Как и месть, учеба придавала жизни смысл.

* * *

– Лидия Аврелия Малая. На меня оформлено разрешение.

Служащий потер тяжелый подбородок и уставился на экран панели, встроенный в стойку. Его сросшиеся брови выгнулись – совсем как мохнатая гусеница.

– Да, вижу. Действительно.

Голос оказался низким и бархатистым. В нем почудилось что-то знакомое… Но отголосок воспоминания вильнул хвостом и скрылся. Наверное, Малая запомнила бы такого типа – половина головы блестела шрамом. Досталось бедняге в свое время.

Она положила на стойку блокнот с данными.

– Мне нужна эта запись.

Лицо служащего вытянулось. Он даже побледнел… Или снова показалось?

– Допуск гражданских лиц в здание приостановлен. По новому уставу требуется дополнительная проверка личности. Запрос на нее отправляется после обеда. Вы можете обратиться в третье окно дальше по коридору.

Нет-нет. Она и так тянула до самого декабря, пока делала операции, бегала от легионеров и выслеживала «псов». Слишком долго, терпения не осталось. Один вертлявый патриций мог за это время сбежать.

– Информация нужна мне сейчас.

Малая облокотилась на стойку и приблизила свое лицо к лицу служащего. Без улыбки. Она давно не старалась кому-то понравиться. Теперь все вокруг пытались понравиться ей.

– Допуск высшего уровня, разве вы не видите? Или мне обратиться с жалобой в канцелярию императора? – Она тронула бейдж с именем, приколотый к нагрудному карману служащего. – Валерий Руфин, верно?

Руфин помрачнел еще больше, тонкие губы скривились. Все он понял. Понял и очень не любил, когда его ставили на место.

– Следуйте за мной.

Архив оказался таким же серым, как и остальное Управление. Темные, словно высеченные из гранита коридоры. Однообразные

уровни. Стальной лифт. Всю дорогу Руфин не оборачивался, а оказавшись с Малой в замкнутом пространстве, и вовсе повернулся задом. Стоял, вытянувшись по струнке, как заправский легионер. Наверняка им и был когда-то. Где-то же получил уродливый шрам на полголовы.

Лифт остановился на двенадцатом подземном уровне, и Малая вышла в необъятный зал, заставленный стеллажами. Они тянулись от стены до стены и поднимались до самого потолка, откуда доносился угрожающий гул. Огромное хранилище. С подключением к сети здания поиск информации был бы плевым делом. Но здесь данные не были внесены в базу, а лежали на носителях в контейнерах на полках. Сотни, тысячи контейнеров. Что за допотопная система…

Малая вопросительно глянула на непроницаемое лицо Руфина. Он тут же понял, чего от него хотят, и поманил за собой. Поколдовал над пультом управления одного из стеллажей. В воздух поднялся небольшой дрон. Завис в доброй сотне метров над их головами, выпустил манипуляторы и вытащил пластиковый короб.

– Пожалуйста.

Малая взяла с ладони Руфина черную карту памяти – тонкую, словно из жесткой пленки. Вставила ее в панель, и экран зажегся, рассыпавшись веером папок и слоев.

Руфин так и стоял за спиной. Вспомнив про него, Малая обернулась. Ей совершенно не хотелось, чтобы у нее дышали за плечом.

– Вы позволите?

Когда он отошел подальше, Малая надела наушники и включила первую подшивку материалов.

Спустя пару минут она забыла и про Руфина, и даже про Алариха.

* * *

Имманес. Так они звали себя.

Тот год – 6009 год Внеземной Эпохи – оказался знаменательным и насыщенным для Земли в частности и Нового Рима в целом. Весной того года случилось невероятное – у космопорта Второй курии запросил разрешение на посадку неопознанный корабль под названием «Аккарон». Корабль был матово-черный, с синей полосой на боку. Похожий на сплюснутый камень.

После долгих переговоров ему все-таки дали зеленый свет, и он выпустил три челнока. Те приземлились, впившись

металлическими когтями в покрытие посадочной зоны. По трапам спустились пять семей: мужчины, женщины и дети. Имманес, так они называли себя. Исследователи с некой планеты Мармарос, откуда-то из скопления Око Медеи, расположенного в тысячах световых лет от сфер империи.

Имманес знали язык и обычаи человеческого рода. Выглядели, как люди: отличались только хрупким телосложением и почти лишенными пигмента прозрачно-серыми глазами. Пугающе одинаковыми на разных по масти лицах. Владели удивительными машинами, которыми управляли силой мысли. Они путешествовали по вселенной с дипломатической и исследовательской миссией; предлагали развитым расам и цивилизациям обмен технологиями и опытом. И для Римской империи у них имелось особое предложение.

Никто так и не узнал, в чем оно заключалось. Население Земли ликовало. Усыпало имманес цветами и вопросами, приглашало на лекции и интервью. А через неделю всю команду исследовательского корабля «Аккарон» – тех самых мужчин, женщин и детей с глазами цвета ртути – заморозили в крио и отправили на орбиту по срочному распоряжению консулов Внешней Сферы. В центральной курии даже прошли какие-то демонстрации в защиту заключенных имманес. Особо сочувствующие из знатных семей трясли транспарантами, осаждали пред-крио Орбитальной тюрьмы.

Любая шумиха рано или поздно утихала и забывалась. Тот год не стал исключением. Земля зажила дальше. «Аккарон» отослали в Ядро империи для изучения, но тот не долетел – взорвался, едва оказавшись на пределами системы. Люди разошлись по своим делам, а капсулы с имманес погрузили на орбитальную станцию. Там они и болтались, бедолаги, пока рядом с Землей не пронесся метеоритный хвост одной кометы. Откуда она вдруг взялась, никто не знал – радары не успели засечь, ни один. В результате аварии капсулы с имманес разлетелись в открытом космосе. Взорвались на борту подбитой станции, сгорели в верхних слоях атмосферы.

Капсула, найденная под полом родительского дома, была совсем небольшой – так говорилось в рапорте Луция Цецилия. Теперь стало понятно, почему. Для детей имманес изготовили специальные криоконтейнеры. Уютная персональная капсулка. Да и авария на орбите случилась около пятнадцати лет тому назад. Значит…

Малая вывела детей на отдельный слой. Всего трое, указано: «Две особи женского пола, одна – мужского». Особи. Две белокурых, одна темноволосая.

Она ткнула в похожую на альбиноса девочку и вывела текст.

«Беа ар-Моуф. 3 года, 2 месяца. Срок заключения – без ограничений».

Беа взирала с голограммы не по-детски серьезно. Словно читала мысли Малой, перебирала их своим ртутным взглядом. Еще не обритые перед крио волосы падали на тонкую шею мягкими завитками. Остро торчали плечи, пухлые губы складывались в упрямую линию.

Машины. Вражеские лазутчики, захватчики, как их тогда назвал департамент безопасности.

Малая рывком выдернула носитель из слота. Слои изображений на панели схлопнулись.

Она вцепилась в пластиковый край панели и часто задышала, приводя себя в чувство. Будто очутилась в пустоте, выброшена в невесомость, отрезанная от корабля стадией открытого космоса. Ничего не могла поделать, только летела прочь от единственного островка света, крутясь, как орбитальный мусор. А воздух неумолимо подходил к концу, и в висках начало ломить…

Такое Малая ощущала лишь раз в своей жизни, когда допотопный лифт тащил ее на поверхность, а внизу остывало тело Энцо.

Она оскалилась, желая впиться в горло… кому? Императору? Легионерам? Трибунам? Ее мучил всего один вопрос. Почему, почему пропавшую экспедицию с Мармароса так никто и не искал?

– Звери… Ненавижу…

Слова подступали к губам, как тошнота. Свет в ангаре замерцал, по экрану панели побежала цветастая рябь. Окуляр принялся сбоить. Где-то наверху под куполом встревоженно зажужжали дроны. Они роились; снижались и набирали высоту.

Стоило успокоиться, пока Руфин не заметил их странные маневры.

Она ткнула в угол панели, и исчерченный помехами экран потемнел.

– А вы знали, что до вас эту запись уже просматривали?

Голос Руфина раздался так близко, что Малая вздрогнула. Она украдкой вытерла слезы, втянула воздух в попытке успокоиться и… нахмурилась.

Ей показался знакомый аромат.

След лаванды.

Все совпало с ужасающей четкостью. Голос, до боли знакомая манера, то, как Руфин прятал лицо… Малая обернулась и встретилась с ним взглядом.

Он тоже знает – читалось в сощуренных глазах.

В следующий миг он ударил с локтя. Малая упала, ослепнув от боли.

– Очень глупо с твоей стороны разыскивать меня. – Его голос дрожал. – I-45, верно? Сперва следователь, а теперь сама заявилась? Очень зря.

Малая попыталась встать, но Руфин толкнул ее в грудь ногой. Вытащил пистолет.

Лаванда… Тошнотворный аромат забил нос, даже голова закружилась. Паника накатила удушающей волной.

– Что ты сделала, а? – Руфин склонился над ней. – Тогда, в машине. Это твои инопланетные штучки, верно?

Малая почувствовала импульсы, которые испускали дроны. Отчетливые точки в зале архива.

Раз, раз – мигали индикаторы…

– Единственная выжившая имманес в моих руках, подумать только… Как ты думаешь, мне дадут повышение за твою поимку?

Руфин коротко ударил ее под ребра, и Малая вскрикнула, упустив тонкую связь. Стиснула зубы, заметив, как его рука потянулась к бусинам некса на ухе. Еще не хватало, чтобы он сообщил в пункт охраны. Нужно отключить имплантат – или Руфина целиком, – но она никак не могла сосредоточиться.

Раз. Раз.

Страх мешал. Лаванда лишила сил.

– Только представь: центурион Валерий Руфин. А может быть… – Глаза Руфина пьяно заблестели. – Может, консул Валерий Руфин?..

Мертвый консул Валерий Руфин.

Дрон приземлился прямо на его макушку, вилкой манипулятора вниз. Что-то тошнотворно хрустнуло. Руфин пошатнулся. Конвульсия пробежала по телу, по лбу и вискам потекли струйки крови.

Он так и рухнул, с дергающимся дроном на голове. Свободные манипуляторы скребли пол, размазывая полосы крови.

Малая поднялась и вытерла вспотевшие ладони о юбку. Зачем-то сунула карту-носитель в карман и перешагнула тело – осторожно, словно Руфин мог вскочить и схватить за лодыжки. Казалось, лавандовый запах впитался в одежду, волосы и кожу. Сердце колотилось как бешеное.

Уже в лифте Малая осмотрела руки. Белые, с прозрачной кожей и синеватыми прожилками вен.

Руки имманес.

Руки убийцы.

– Держись, – прошептала она и вдавила сенсорный экран. Двери сомкнулись, отрезав от гулкого зала архива.

«Держись, Малая» , – ответило знакомое эхо на грани сознания.

Медея

Родители уходили.

Сутулили спины в одинаковых заводских спецовках. Выше тянулись линии освещения; вдоль шоссе к горизонту, где встречались в слепящей точке. Еще выше улетали похожие на птиц тени космических челноков. Взрывались капсулы с имманес – как далекие вспышки сверхновых.

Энцо тоже уходил, сунув руки в карманы. Перешагнул лужу, блестевшую в свете фонаря. Ветер дернул его за каштановые пряди, и он вжал голову в плечи.

Малая осталась позади, немая и беспомощная. Невидимая. Не могла сделать и шага. Хотела крикнуть вслед, но горло пережало. Изо рта вырвалось жалкое сипение. Так Энцо и скрылся в зябкой мгле. Бесшумно, словно его и не было рядом.

Малая не сразу поняла, что это – сон.

Она распахнула глаз и вынырнула в душный сумрак. На потолке рассыпались блики пляжных фонарей, шторки раздувал напоенный пряностями ветер. Где-то выли ночные звери, ухали птицы в ниспадающей на балкон зелени.

Эос. Вилла. Спальня.

Малая моргнула, вытерла влагу с глаза. Хотелось забыть увиденное, но оно, как назло, будто отпечаталось на сетчатке: тени родителей и Энцо, которые растворялись в дорожной мгле. Все было так реально, сердце до сих пор саднило. Стало холодно, несмотря на плотное, приятно пахнущее одеяло.

Она уставилась на лестницу, которая вела на первый этаж. Не отрывая взгляда от темного провала, сунула руку под подушку и нащупала пистолет. Опустила ноги на теплые доски пола. Прокралась к лестнице.

Никого.

Спать больше не хотелось. Море низко ворчало – похоже, надвигался шторм. Волны бились об утес вдалеке, смывали оставленный туристами сор на глубину. У горизонта полыхнула молния; ее игла быстро кольнула вздымавшийся пенный бок. Звезды по очереди ныряли за горизонт.

Отчего-то вспомнились ночи под мостом. Как снаружи, за тонкими стенами контейнера шумела автострада.

Море шумело примерно так же, непрерывно и яростно.

В памяти пронеслись окрики легионеров, звуки ударов. Кислый запах воды. Очертания родной кровати. Складки

материнской шеи, которые сухо мялись под пальцами, когда Малая ее обнимала. Смех «псов». Шепот Энцо. Все завертелось в дикой пляске, наворачивало круг за кругом, убыстряя ход.

Малая сжала рукоять пистолета.

Наступало утро.

Утро, когда она убьет Алариха.

* * *

Курорт назывался Эос. Остров тропической жары, древний оазис Старой Земли, оставшийся еще со времен, когда люди не умели летать в соседние галактики. Огромная закрытая территория с пальмами, пляжами и даже небольшим морем с водой настолько прозрачной, что было видно дно. Рай для самых богатых любителей тепла и приватного отдыха всех сортов – как было написано в буклете.

Приватность и вседозволенность – девиз Эоса и его обитателей.

Малая сидела на краю бетонной плиты. В пустоте под ногами свистел ветер, сметая сор и кружа его в ущелье между высотками. На коленях лежал блокнот; обучающее видео на экране застыло на паузе. Сама Малая уже некоторое время смотрела не в него, а перед собой, выставив увеличение окуляра на максимум.

Стройка, на территории которой она находилась, пустовала во время Сатурналий. Здание возводили по соседству с главной торговой башней Эоса – стеклянной кишкой, внутренности которой прекрасно просматривались с помощью окуляра. Там-то и разгуливал Аларих. Остановился у витрины с длинными расшитыми тогами. Тоги были красивыми, тут Малая всецело согласилась.

Вот только такому уроду не пошла бы ни одна.

Она тронула старенький наушник-поводырь, увеличила громкость. Надула плотный пузырь жвачки. Вкус клубники уже не чувствовался, но хотелось просто чем-то занять рот – чтобы не скрипеть зубами.

Ветер усилился, горячий и сухой. *Бумбум,* стучала музыка в ушах. Пузырь жвачки лопнул и прилип к губам.

Дроны жужжали под куполом зала. Кружили над прозрачными боксами люксового барахла.

Один из них сменил траекторию и спустился чуть ниже. Его данные передались на окуляр: в правом верхнем углу, над верхушкой небоскреба побежали строки – координаты, скорость полета. Расстояние до цели.

Малая надула новый пузырь.

Грудь Алариха мерно вздымалась от дыхания. Толстые губы растянулись в улыбке. Он что-то сказал, и продавщица рассмеялась в ответ. Да, мог быть очаровашкой. Весельчаком с искрами во взгляде.

Малая закусила губу. Задержала дыхание.

Дрон нырнул еще ниже. Почти чиркал металлическим брюхом по линиям светильников. Набирал импульс для последнего броска.

Аларих прикинул тогу на себя. Малая могла разглядеть крошки в его рыжей бороде. На щеках играл здоровый румянец, совсем как у Юпитера на дешевых открытках…

Мерзавец.

Малая обрубила нить связи с дроном. Выплюнула жвачку, прыгнула на платформу строительного подъемника и запустила механизм. Магнитные линии загудели, и подъемник провалился в темный зев шахты.

Аларих должен был сдохнуть, но не так легко.

* * *

Он собирался на бои в честь Сатурналий. Это Малая узнала, вытащив из сети копию билета на его новое имя. Ложа на одного; похоже, всех «псов» Аларих бросил легионерам. Был настолько уверен, что в Эосе его не достанут?

Зря.

Малая хмыкнула и вплела за ухо цветок нарцисса. Расправила юбки столь же белого платья и вышла на раскаленный песок.

Солнце уже перевалило зенит и катилось к горизонту. Нестерпимо голубое в искусственной атмосфере Эоса, оно рассыпалось искрами в линзе окуляра. Здания в его лучах истончились, превратившись в зыбкие тени. Люди на улицах пестрели нарядами, блестели обнаженными телами. Отовсюду доносилась музыка – простая, грубая и быстрая, с барабанами, свистульками и трубами со встроенными усилителями. Навстречу Малой двигался оркестр. Трубач дул щеки; потные, голые по пояс парни лупили по барабанам.

Малая сдвинулась, пропуская музыкантов и танцующих под их музыку людей. *«Jo Saturnalia»* , – кричали и пели они.

Дома на восточной оконечности полуострова Тепетль лепились друг к дружке тесно, невысокие и в большинстве своем небогатые – в них жили номера из обслуживающего персонала. С балконов спускались яркие ленты. Когда их раздувал ветер, ушей Малой касался неясный звон. Она даже поймала одну за

нейлоновый хвост. К нему была пришита россыпь железных шариков, в которых что-то перекатывалось. Странное украшение.

Впрочем, в Эосе все казалось странным.

Малая спустилась вниз по склону. Продралась через гуляк, танцоров и пьяных туристов. Увернулась от аэроцикла, с трудом летевшего под весом четырех ездоков. Мир гудел, пах цветами и табаком.

«Jo Saturnalia», – неслось со всех сторон.

Площадь, на которую выходил главный выход арены, жила своей праздничной жизнью. От края до края качались головы. Настоящее море затылков. Лица были обращены к светилу и храмовому комплексу, который подпирал небо двойным рядом прозрачных колонн. За ними полыхало пламя в огромной чаше.

Все ждали зрелищ, и зрелище не заставило себя ждать.

Музыкальная какофония стихла. Вспыхнула подсветка, и на портик вышли танцоры. В одних повязках на бедрах, с белой краской на лицах и телах.

«Любите друг друга!» – прогремело над площадью.

Празднующие откликнулись радостным воем. Малая скривилась. В груди как змея заворочалась. Раскрыла пасть и голодно впилась в сердце.

«Женитесь! Плодитесь! Боги благословляют вас!»

Толпа взревела. Кто-то дул в пищалки. Грохотали барабаны. Танцовщицы и танцоры покачивались, как в наркотическом сне. Почудился запах жертвенных курильниц, затхлой влаги и крови.

«Jo, bona Saturnalia!»

Малая двинулась прочь. Растолкала раскрасневшихся туристов, увернулась от робота-уборщика, который застрял в мешанине тел и крутился на месте, не в силах выбрать направление.

Ее ждала арена и бои.

* * *

– Попробуйте мескаль.

Бармен плыл в дыму. По широким плечам и лицу ползали световые блики.

– Мескаль? Что это? – крикнула Малая ему на ухо, перекрывая гвалт.

Вместо ответа он наполнил рюмку и подмигнул.

– Отличная штука, вам понравится. *Bona Saturnalia* .

Перламутровая жидкость искрилась. Пахла ванилью и цветами, как булочки, тесто для которых она когда-то месила. Она выпила залпом и часто заморгала, давя горечь. Мескаль

оказался густым, как сок местных фруктов, и пах медом, а не алкоголем. В животе будто распустился огненный цветок, голова чуть закружилась. Малая облизнулась, поймала взгляд бармена и сдержанно улыбнулась. Выпить стоило – от нервов даже начал сбоить окуляр.

Бармен кивнул, довольный, что сумел угодить, и налил еще.

Музыка взревела с новой силой, и на песок арены ступили бойцы. Трое марсиан, с головы до пят покрытые татуировками. На бычьих шеях тускло блестела сталь ошейников. В первых рядах у канатов сидели патриции с пультами управления. Один тронул экран, и боец вскинул руки в знак приветствия.

Он повернулся спиной, и на шее стала видна заплата нейропорта. Кольнули сигналы, которые поступали с пульта игрока прямо в мозг бойца. Малая застыла в ужасе и отвращении. Должно быть, семьи бойцов очень нуждались. Какие еще могли быть причины для того, чтобы продать свое тело и сознание?

Прозвучал гонг. Боец сделал сальто назад и врезал кулачищем по лицу противника. Тут же получил сам – противник подсек его ногу. Игроки-патриции сосредоточенно давили кнопки. Зубы и брызги крови разлетались по рингу.

Аларих сидел по другую сторону ринга. Обнимал блондинку, которая поила его коктейлем. Она плеснула из бокала себе на грудь и захохотала, когда Аларих зарылся лицом в ее декольте.

Он сидел так близко… К горлу подкатила тошнота. Мир сгустил краски, замедлил ход. Голоса в зале зазвучали глуше, зажужжали, как встревоженные мухи.

Панель на стене замерцала и погасла.

Впрочем, никто не обратил на это внимания.

Малая приложила запястье к сканеру на стойке, подтвердила списание суммы и соскользнула с табурета. Зрители давно оставили свои места и столпились у ринга. Охватили его кольцом, плотно набились в боковые проходы. Малая протиснулась за стену человеческих тел, облила кого-то его же выпивкой и оказалась у самых канатов. Закрутила головой в поисках обходного пути.

На ринг у ее носа упала оторванная механическая рука. Пальцы подрагивали, разодранные проводки искрили. Песок разлетелся веером от заскорузлой мужской ступни.

А за рингом прямо на нее смотрел Аларих. И недоверие на его лице сменилось страхом. Словно по воде рябь прошла.

Он узнал ее. Внешность, взгляд или окуляр – не важно.

Узнал. И поднялся с места.

«Куда?!»

Малая подтянулась и вылезла на ринг. Ее ослепил свет, запах

крови ударил в нос. Зрители заорали громче от интересного поворота в программе. Один из бойцов бросился к ней. Казалось, он совсем ее не видел – взгляд был пустым. Малая считала сигнал, который поступил с пульта игрока, и поднырнула под кулак. Одним усилием воли отключила нейропорт, и боец пошатнулся.

Теперь его взгляд наполнился болью.

Он прижал к шее ладонь – словно из артерии била кровь, – и рухнул на песок. По зрительному залу пронесся еле слышный вздох.

А Малая заторопилась дальше. По диагонали, через ринг.

Кто-то ухватил ее за хвост волос. В глаза ударил свет софитов. Малая вцепилась в державшую ее руку. Холодная. Имплантат. Биометаллические пальцы разжались, повинуясь приказу. Малая не удержала равновесие и упала. Боец навис над ней – здоровый и страшный, с перекошенным от напряжения лицом. Приказы игрока боролись в нем с приказом Малой. Блестящая рука согнулась в локте и коротко ударила хозяина в нос.

Первый самонокаут на арене Эоса.

Малая обернулась, но место Алариха уже пустовало.

Она чуть не взвыла от разочарования. Отключила третьего бойца, едва глянув через плечо.

Времени не оставалось.

Она перебежала ринг и спрыгнула с другой стороны. Зрители расступились, давая ей дорогу. Больше никто не пытался к ней прикоснуться. Малая быстро огляделась в поисках Алариха.

Она не могла его упустить. Только не сейчас, после всех усилий.

У дверей черного хода показалась знакомая фигура в алой тоге, и Малая кинулась в том направлении. Оттолкнула с дороги одного зрителя, второго.

Перемахнула лавку.

Это точно был Аларих. Его мясистые плечи.

Оставался какой-то десяток шагов. Малая выскочила в пустой коридор и сжала рукоять пистолета в кармане. Если что, она всегда могла выстрелить. Сперва в ногу, чтобы не убежал, а затем в голову, глядя в его хитрые глаза…

Что-то врезалось в бок, и Малая повалилась на пол. Ударилась головой о стену. Перед глазами помутилось.

Ее перевернули на живот, лицом вниз, и на запястьях сомкнулась сталь.

Пропала девочка, рост метр шестьдесят

Все считали I-45 погибшей. Пропавшей без вести. После облавы она выбралась из канализации и исчезла. Ушла с концами. Ни следа, ни единой записи с камер наблюдения, ни одного сканирования личного чипа. Скорее всего, с ней разобрались «псы», говорили в Управлении.

Она не могла выжить, говорили они.

Так думали все, кроме Луция Цецилия. Дела Миния и «псов» отправились в архив, легионеры гонялись за оставшимися на свободе членами банды (которых оказалось куда больше, чем все думали), а он день за днем просматривал записи уличного наблюдения: с пойманными «псами», со всеми их контактами и дилерами, со всеми известными ходами в канализацию. Хватался за любую нить.

Именно поэтому он первый обнаружил I-45, когда из канала за пределами курии выловили раздувшееся тело номера R-505 по прозвищу Харон. Работника Имперской Ремонтной Службы, который часто дежурил в западном районе и протаскивал не желавших светиться номеров на поверхность. Незадолго до облавы о нем упоминал A-206. Позже Харон исчез и выплыл лишь в начале декабря – пузом кверху у решеток очистного сооружения. Он захлебнулся, сказали медэксперты, но, как обнаружил Луций на видеозаписи, далеко не по собственной неосторожности.

Также кто-то расправился с «псами» в люксе Первого Имперского отеля. Двое мертвы, один в коме после болевого шока. Это нападение тоже никто не расследовал. «Хороший пес – мертвый пес» – так говорили в легионе. Но Луций отыскал записи видеонаблюдения. На них оказалась все та же девушка.

Он снова и снова всматривался в призрак на записи. Ослепительно-белый на фоне ночного парка. Белая кожа, белые волосы, белое платье. Настоящий злой дух, ларва в обличии невесты.

Теперь ее звали Лидия Аврелия Малая, и в системе каким-то образом оказались все ее данные, включая приметы, отпечатки и регистрационные номера. Скромничать I-45 не стала: новое генеалогическое древо уходило корнями аж к Юлиям древнеземной эпохи. На счету числились миллионы (Луций еле уговорил киберотдел не замораживать средства – еще не хватало спугнуть имманес раньше времени), два дома в центральной курии (заброшенные и заколоченные по факту) и личный слуга по имени Аларих. Не будь I-45 убийцей, Луций даже порадовался бы ее чувству юмора.

К данным чипа прилагался билет на экспресс 2–1 с отправкой недельной давности и трехмерный снимок для имперской базы

данных. Это была она, имманес. Без регистрационной татуировки на шее, с другим лицом и в дорогой одежде, но это была она, вне всяких сомнений. Луций снова чувствовал, что движется в верном направлении. Казалось, стоило протянуть руку, чтобы ухватить беглянку за хвост светлых волос. Упечь в крио – на этот раз навсегда.

Или же расстрелять на месте. Луций не успел решить.

Казалось бы – такое важное дело и опасная преступница, а служебный челнок ему выдали с большим скрипом. Если бы не центурион Тит Пуллий, пришлось бы ехать двое суток на машине, рискуя тем, что имманес сбежит.

Как безответственно.

Луций влетел плечом в идущего навстречу легионера. Легионер охнул, что-то упало на пол и хрустнуло – похоже, блокнот. Извиняться Луций не стал. Его ждали дела поважнее, да и от одного «простите» его не стали бы любить.

Он нырнул в лифт, нажал цифру первого этажа. Повел плечами, выпрямил нывшую спину, собирая силы. Сумка с вещами уже лежала в багажнике. Полчаса лета, и он на космодроме. Хотелось «гелиоса». Чуть-чуть, самую малость, но…

«Я видел, что бывает, когда глотаешь его долго. Вам это не понравится». Кажется, так сказал А-206.

Луций взял себя в руки и вышел в холл.

Оставалось еще кое-что.

* * *

Служебное общежитие для малоимущих находилось в двух кварталах от Управления. Серое здание, под завязку набитое одинаковыми комнатушками на одного. Упаковки с живыми питомцами внутри. С информацией на каждой двери: номер, возраст, специализация, эффективность в работе, жизненные показатели. В конце коридора виднелась общая помывочная зона, кабинки туалета и медпункта.

Комната Бритвы оставляла желать лучшего. Стены изъедены пятнами: будто кто-то набрал в руку грязи и смешал ее с краской на стенах, протащил наискось, от двери до угла. Сама марсианка дрожала на койке в углу. Лежала лицом к стене, обхватив себя жилистыми руками. Без обычного костюма для аэроцикла или темно-синей формы, только полоса бандажа на груди и серые шорты. Позвоночник выпирал гребнем под смуглой кожей. Спутанные волосы скрывали шрамы на плечах.

– Собирайся, мы улетаем, – вырвалось у Луция.

Он собирался просто оставить «гелиос» – в качестве откупа –

и уйти, но эти стены, и эта койка, и воздух, пыль в котором стояла взвесью, несмотря на систему вентиляции… Все казалось таким знакомым. Настоящее погребение заживо.

– Вали отсюда.

Луций сощурил глаза и поставил пузырек «гелиоса» у изголовья койки.

– Собирайся. Я не шучу.

Бритва молчала. Луций положил ладонь на экран блокировки.

– Я не твоя шестерка, – глухо донеслось вслед, когда он переступил порог. – И не твоя подружка. Иди куда шел и сюда не суйся.

– Глотай таблетку и спускайся в холл, – бросил Луций через плечо. – Или через полчаса я вернусь с распылителем и предписанием.

Он очень надеялся, что через тридцать минут ему не придется возвращаться к Титу Пуллию и выбивать служебного нюхача в дополнение к служебному челноку.

* * *

Экран на пульте управления вспыхнул золотом, и из глубин хранилища выплыл ящичек. На пластиковом боку загорелись вензеля букв, патрицианско-пурпурные. Заиграла пошлая печальная музыка, при звуках которой захотелось прострелить стекло. Вытащить контейнер – слишком тесный для целого человека – и сбежать из колумбария к чертям собачьим. Похоронить друга детства нормально, в земле, а не в механической карусели с фальшивой шарманкой.

Но долг Минию Луций собирался отдать по-другому. По чести и духу настоящего римлянина.

Ящик уехал обратно во тьму. Музыка смолкла. Луций отнял пальцы от сенсорной панели и вернулся в кабину лифта. *«Седьмой уровень,* – сообщил приятный женский голос. – *Пожалуйста, укажите пункт вашего сле…»*

Луций заткнул программу, коснувшись знака наземного уровня, и присел на скамью в углу – ехать предстояло несколько минут.

Слишком много легионеров погибло при исполнении. Хороших парней, небогатых, но честных патрициев. Охраняли мир и покой верхних уровней курий и что получали взамен? Служба в легионах империи потеряла свой престиж. Гораздо больше ценилось умение красиво одеваться и зарабатывать. Торговаться. Бить исподтишка. Патриции легионеров презирали,

номера их ненавидели, хотя многие легионеры – Луций был свидетелем – не делали разницы между гражданами и негражданами. Защищали всех одинаково.

В памяти всплыли перекошенные лица. Десятки кулаков, ботинок, которые ломали ему ребра. Повисшее над ними влажное, тяжелое небо с точками пролетающих дронов.

Плебеи и патриции не могли быть на равных, сколько бы законов ни принимал Сенат. Сколько бы народных консулов ни сидело в его бронированных ячейках. «А Рим прогнил», – подумал Луций, щелкая зажигалкой. Электронный голос тут же ласково предупредил о грядущих штрафах за курение в неположенном месте. Луций ответил струей дыма в сенсоры на потолке.

Бритва ждала снаружи. Посвежела от вечернего холода; курила ту же марку сигарет – из пачки Луция. Усмехалась, но глаза не улыбались. Волосы цвета темного ореха золотились в жидком зимнем свете, их завитки рассыпались по крепким плечам. Ветер задул один – тонкий и юркий – на переносицу, и Луций машинально убрал его, зацепив концами пальцев.

Бритва отстранилась.

– Куда летим?

– В центр, – ответил Луций и двинулся к машине. Их ждал космодром.

* * *

Луций метался по салону корабля.

Делал это уже несколько часов кряду, стараясь привлекать как можно меньше внимания. Сперва втискивался в кухонный отсек и заглядывал в холодильник – будто за десяток минут на полках могло появиться что-то новое. Затем спотыкался о длинные ноги Бритвы, проверял показания приборов, что-то искал в сумках в хвосте. Что – сам не знал. Просто копался в стопках одежды, между которыми слоями лежало оружие и сменные заряженные батареи. Снова кабина пилота и панель управления. И так по кругу. Энергия грозила разорвать его на части, не позволяла даже сесть. Он был так близок к цели, что кончики пальцев зудели.

– Может, отдохнешь уже?

Луций вынырнул из холодильника.

– Отдохнул, спасибо.

Он смерил взглядом поджарое тело Бритвы и блокнот, в котором она что-то постоянно нажимала.

Задержался на смуглых пальцах, которые летали над экраном.

Вновь сунулся в холодильник. Из пластикового нутра донесся запах ветчины, давно размороженной картошки и яиц – отвратное месиво ароматов. Стоило плотнее прижимать крышки контейнеров, но Луций не любил напрягать себя мелочами.

Он закрыл хромированную дверцу. Поток ароматов как отрезало. Вновь споткнувшись о ботинки Бритвы, он прошел в кабину, отделенную от остального салона чешуей занавески с изображением имперского орла. Сел в кресло пилота и уставился на зелено-голубую кляксу Эоса – как пятно плесени на рыжем боку планеты. За прошедшие минуты оно успело вырасти до размеров футбольного мяча. Тень ночи все еще укрывала курорт, но полоса света уже подбиралась к рваному побережью. Время от времени из гористой складки выстреливали шаттлы; прокатывались по дуге, как залпы системы «тауроса», и уходили на верхний уровень, предназначенный для отбывающего транспорта. Направляющие буйки лениво плыли мимо, повторяя движение Земли.

Впереди плелась старая посудина. Еле ползла на автопилоте; то качала крылом, собираясь поворачивать, то ныряла с трассы, теряя высоту. Видимо, у нее барахлила система навигации, и Луций молился всем богам, чтобы она не развалилась при посадке. Он навел внешнюю камеру на ее хвост и приблизил. Номер Земли. Луций хмыкнул и выстучал команду на сенсорной панели. Стоило его записать. Найти Управление, техосмотр которого допустил к полету такой древний хлам, и оставить жалобу.

А то и две.

Он почувствовал запах Бритвы и остановился, забыв о снимке и жалобе. Аромат сладкого табака напомнил о курительном зале, в который они любили ходить с сокурсниками. Музыка, электронные кальяны, полуголые девицы с натертыми маслом телами…

– Где высадимся? – спросила она.

– В главном, – Луций указал на гористый залив. «Тепетль», – горело на приборной панели. Ниже в столбцах бежали цифры координат смещения и угла снижения.

Последний раз Лидию Аврелию видели в этом районе. Там же находилось Управление местной центурии, где следовало получить разрешение на оперативно-розыскную деятельность. Закрытый курорт, много проблем. Остров частной собственности, крайне нетерпимый к вмешательству в свои дела со стороны внешнего мира.

И легионеров других курий местные ненавидели с особенным смаком.

Посудина впереди снова чихнула и резко затормозила. Автопилот челнока тоже сбросил скорость. Тряхнуло. Бритва, охнув, привалилась к плечу Луция. Тот хмыкнул – из-за челнока впереди, не из-за прикосновения, – но Бритва торопливо отстранилась и вышла из кабины.

Луций смерил взглядом задницу, обтянутую костюмом. Вышел следом и вновь сунулся в холодильник.

* * *

Луций метался по салону корабля. Бритве даже захотелось выставить ногу – чтобы он наконец перестал бегать и немного передохнул. Пускай и лицом в рифленый пол.

Она вытянула ноги и скрестила их в лодыжках. Тронула квадрат на пластине блокнота. Затем еще один. Оба загорелись алым, замигали и исчезли. Глупая игра, но больше развлечений на борту не осталось. Только стандартные головоломки, по умолчанию встроенные в программу блокнота, и наблюдение за легионером. Которое, к слову, оказалось весьма любопытным зрелищем.

Бритва глянула над кромкой блокнота. Луций навис над холодильником. Оперся на крышку ладонью, кулак второй руки уткнул в поясницу, залитый кислотно-желтым светом холодильной подсветки. Казалось, он играет с продуктами в гляделки.

Его стоило отвлечь, иначе они могли остаться без припасов на обратную дорогу.

– Так чем имманес могли навредить людям? – Бритва запустила новый уровень игры. Квадраты сменили цвет, затем стали одинаково белыми.

Луций только пожал плечами. Без особого аппетита куснул разогретый бутерброд, брезгливо, двумя пальцами вытащил сырный ломтик из-под ветчины и со шлепком уронил его на вылизанную поверхность стола. Следом упала веточка базилика.

– Не похоже, что они были опасными. Мелкие, тощие умники. Прилетели для исследований, что такого-то? У этой, – Бритва указала пальцем на иллюминатор с приближавшимся Эосом, – просто крыша поехала. Крепко башкой приложилась, когда с орбиты упала.

Она вспомнила недавний случай в системе Цезарь-19. Вот где случилась настоящая бойня, имманес даже рядом не стояли. Роботы откопали каких-то паразитов в мантии планеты. Пришлось эвакуировать целые города. Бритву и сотни других марсиан направили туда для массовки: держать оборону, пока

челноки отбывали на орбиту. Стоять на границе курии пришлось целые сутки. Она не чувствовала ног, не чувствовала рук, в которых била отдачей махина распылителя широкого действия. Системы защиты на границах курий вышли из строя, в бреши лезли прозрачные членистоногие твари, а волны зарядов превращали их в пыль…

Собственно, центурион очень удивился ее возвращению на базу. Ей и раненому легионеру Гнею Марию, которого она тащила на плече. Наград от центурии не последовало – марсианам поощрения не полагались, – но позже ее наградил сам Гней Марий.

Лично.

Бритва задержала палец над блокнотом, чувствуя отголоски невнятной тоски. Заунывную тяжесть где-то под солнечным сплетением. Тронула квадрат на экране и покосилась на Луция. Тот в свою очередь смотрел на серп ночной тени, ползущей по поверхности Земли. Свет скользил по строгому профилю.

– Наша с тобой работа – выполнять приказы, а не думать, виновны осужденные или нет. Раз Сенат решил, что они опасны, значит, они опасны. И нужно найти эту имманес, I-45 или как ее теперь зовут. Это – дело имперской важности.

Бритва скривила губы. Что за узколобый взгляд на вещи?

Хлопнула дверца холодильника. Луций зашуршал обертками. Ткнул в панель кухонного модуля, и тот зажужжал, выдавливая забористое эспрессо.

– Почему в канализации ты своя? – донесся голос. – Ты сказала перед облавой.

Бритва похолодела. Простое любопытство или Луций что-то подозревает? Она даже не видела его лица – боялась поднять взгляд. Боялась себя выдать.

Она пожала плечами. Постаралась выглядеть и звучать как можно непринужденнее.

– У меня там много друзей.

– У легиона нет друзей в канализации, Три-Два-Шесть. Есть подельники и дилеры.

– Ты на что намекаешь?

Луций смотрел на нее с внимательным спокойствием. Читал как поданный рапорт, проницательный подонок.

Кухонный модуль пискнул, наполнив чашку до краев. Луций наконец отвернулся, и Бритва с облегчением спряталась за блокнот. Ткнула пару квадратов наобум. В голове теснились разные мысли, и приятных среди них было мало.

– Я просто констатирую факт, – услышала она. – Держись от «псов» подальше.

Ряд отмеченных кубиков замерцал красным.

«Вы проиграли» , – вспыхнуло поверх игрового поля.

* * *

Они ступили на землю Эоса ранним утром. Точнее, вывалились в сухую жару, с трудом переставляя ослабевшие после перегрузки ноги. Малоэтажные улицы курились в утренней дымке; уже пыхали жаром, испаряя остатки влаги. Курилась и стоянка у космопорта. Автомобили стояли рядами, как легионеры в экзоскелетах на плацу; смуглый служащий за стойкой обмахивался веером. Легионерам он не удивился, хотя они появлялись на Эосе редко.

Но взвился, стоило им попытаться забрать машину бесплатно.

После недолгой ругани потрепанный «Алеппо» пришлось честно оплатить. Салон вонял забродившим вином и дешевым освежителем. Бритва устроилась на пассажирском сиденье, закинув ноги на приборную панель.

Луций взглянул на бисер пота на ее лбу. За время, пока они не виделись, она осунулась. Лицо посерело и поблекло, пальцы едва заметно дрожали, и тлеющая сигарета подрагивала вместе с ними. Знакомые симптомы. Неделю назад такая же серость взирала на него из зеркала. Вкус «гелиоса» вяз на языке, к горлу комом подступала тошнота, насквозь пропотевшая майка липла к телу. А в голове крутились слова А-206.

Он резко свернул к обочине горного серпантина и остановил машину.

– Я сейчас, – сказал в ответ на удивленный взгляд. Выбрался из салона и направился к краю утеса.

Порывы прибрежного ветра забрались за воротник, солью осели на языке. Солнце выползало из-за океана голубой короной. По волнам бежали блики – как габаритные огни шаттлов. Разгоралось утро Сатурналий, и на пляже было особенно людно. Под кронами пальм играл оркестрик, рядом танцевали пары, а в воде качались сотни макушек.

Луций ступил на край обрыва, и потревоженная земля зашипела по склону белой змеей. Он глянул на мерно бьющиеся волны. Вытащил из кармана баночку – ту самую, которую оставил в каморке Бритвы и предусмотрительно забрал перед осмотром в космопорту. Золотые пластины таблеток перекатывались сокровищем за темными, словно стекла солнцезащитных очков, стенками.

Он коротко замахнулся и послал «гелиос» в воды залива. Тот

пролетел по сияющей дуге и исчез из виду. Никто и не заметил.

– Совсем зажрался.

Бритва подошла совсем неслышно. Стояла за спиной, скрестив руки на груди.

– Стоило оставить тебе для передоза?

Луций протянул ей руку. Чувствовал себя до невозможности глупо, но не знал, как сделать по-другому.

– С сегодняшнего дня мы с тобой слезаем. Ты и я, договорились?

Бритва нахохлилась, уставилась на протянутую ладонь. Легко пожала ее и побрела обратно к машине, в кои-то веки оставив без колкого ответа.

Луций задержался на обочине еще ненадолго. Солнце провело лучом по лицу. Из кустарника на склоне донесся птичий щебет. На пляже кто-то заливисто захохотал, облившись пенной выпивкой, и он невольно улыбнулся. Четвертая курия с конурой апартаментов, управлением, коробками машин и зимним дождем вдруг показалась далекой и нереальной. Пыльным старым сном, который смыла волна.

В тот миг пришло понимание, острое, как никогда. Больше заначек у них не было.

Никаких заначек. Никаких отговорок и путей отступления.

* * *

– Вы же понимаете, что у вас нет здесь полномочий?

Темнокожая центурион откинулась в кресле, меряя коллег неприязненным взглядом. Луций в свою очередь остался стоять; ему даже стула не предложили.

Управление Эоса располагалось на возвышенности делового района, с видом на ряды лаконичных административных зданий и яркие пятна жилых кварталов поодаль. Дома стояли тесно, как гильзы в патронташе. Свет отражался от стеклянных перегородок между кабинетами, наполнял офис пестрыми бликами. Людей почти не было – все отправились дежурить на праздник. В отдалении тихо переговаривалась группа легионеров. Судя по быстрым взглядам, обсуждали чужаков и в особенности Бритву, которая пила воду, облокотившись на кулер.

Все это, по мнению Луция, весьма отвлекало.

– У вас под носом разгуливает опасный преступник.

– Опасный? – Центурион ткнула в лицо I-45 на встроенной в стол панели. – Вот эта?

Луций коротко выдохнул, спуская злость. Сейчас эмоции лишь мешали. Он бывал на подобных курортах на других,

разморенных жарой планетках: персонала мало, преступлений еще меньше, а если и происходили стычки, то местные разбирались сами. Море смывало все.

Требовался другой подход.

– Смотрите. – Он перегнулся через стол и закрыл файл с фотографией белой имманес. Вывел на верхний слой видео. Пространство над столом заполнила лужа крови и бледное мертвое тело. Глаза закатились, пальцы скрючены. Манипуляторы дрона подрагивают, как лапки жука. Размазывают кровь.

Легионеры у кулера умолкли и уставились на изображение.

– Убила патриция в архиве Управления Второй.

– Хотите сказать, что это сделала та девушка?

– Ей даже понравилось, я уверен.

Мановением пальцев Луций раскрыл снимок с разбухшим телом в водорослях и грязной пене.

– Скинула номера с моста.

Бортик бассейна. Кровь на камне, голубоватая пена покачивается на воде.

– Застрелила «пса» и скинула его в бассейн. Отправила в кому главу преступной группировки. Сожгла нейроимплант.

Про силу ее мысли Луций умолчал. Еще не хватало, чтобы Титу Пулию отправили рекомендацию проверить свою центурию в психдиспансере.

– Вы же не хотите, чтобы кто-либо из ваших важных клиентов пострадал?

Центурион вскинула густые брови. Неприязни в ней поубавилось.

– На Эосе свои законы, – осторожно начала она. – В том числе наша центурия не имеет права задерживать гостей, кем бы они ни были. Такова политика курорта.

Луций почувствовал, как в горле запершило.

– Понимаю.

– Но мы ничего не сможем сделать, если вы сами обнаружите преступника и вывезете за пределы территории.

Першить в горле перестало. Луций улыбнулся, одними глазами.

– Понимаю.

Рядом шаркнули ботинки и запахло табаком. Бритва наконец опустошила кулер и подключилась к разговору.

– Также мы не имеем права выдавать адреса проживающих на Эосе лиц, но, в случае, если кто-то потерялся и ему может угрожать опасность, обязаны провести проверку по базе.

Ударом пальца центурион включила клавиатуру. В воздухе повисли проекции знаков.

– Скажите, вы кого-нибудь потеряли?

– О да. – Луций с готовностью кивнул. – Пропала моя племянница. Мы с супругой очень по ней скучаем.

Он обернулся на Бритву, и та печально качнула головой.

– Очень. – Ее рука скользнула под локоть Луция. – Рыдаем каждый день.

* * *

Бритва знала привычки Алариха. Говорить об этом Луцию не стала – неизменно возникли бы вопросы, но стоило им разделиться после изнурительной беготни по Эосу, как она отправилась прямиком в увеселительное пекло. На центральную арену.

И, разумеется, потный толстяк оказался там. Бритва узнала его запах. Как и запах I-45, что затрудняло дело. Сперва она хотела скрутить Алариха – все-таки девчонка не казалась такой страшной преступницей, какой ее рисовал Луций. Сила, якобы управляющая программами и механизмами, оставалась чем-то эфемерным, больше похожим на случайность, тогда как крови на руках Брута Аквиния было куда больше. Брут Аквиний давно напрашивался в крио лет этак на триста, чтобы после его вытряхивали из бочки со слизнем вместо мозгов.

Со слизнем тяжеловато выкладывать чужие секреты, которых у Бритвы была масса.

Это все она планировала до того, как I-45 вылезла на ринг и за две минуты вывела из строя троих здоровых марсиан. Просто взглянула на них, и нате, получите – все лежат мордой в песок.

Такая добыча показалась куда интересней.

– Зови меня Бритвой, – представилась она, скрутив девчонке руки и сцепив их наручниками. Имманес вздрогнула. Окуляр вспыхнул чуть ярче, наводя резкость. Взгляд живого глаза был мутным от гнева. Спустя миг растерянности ее губы растянулись в улыбке. По-змеиному холодной.

– Лидия Аврелия.

Голос оказался тонок и резковат. Неприятное сочетание. Бритва поставила ее на ноги и толкнула вперед, к выходу, надеясь, что некс передавал звук исправно. Луций должен был слышать все.

– Да ладно, Лидия Аврелия. Мы обе знаем, что ты не из патрициев, и не I-45. И даже не человек.

Имманес склонила голову набок, изучая ее зеленым огоньком окуляра.

– А вы, Бритва, случаем, не расистка?

– Я – очень большая расистка. – Бритва зло усмехнулась. – А еще в моих руках распылитель, который направлен прямо на твою задницу. Дернешься или попробуешь что-нибудь выкинуть – выстрелить я успею. Пушку на пол. – Она кивнула на карман пышной белой юбки.

Пистолет перекочевал на пол. Небольшой, такие продавались в любом оружейном магазине для патрициев. Имманес выпрямилась, держала руки на виду. Спокойная и собранная. Будто ее танцевать пригласили.

– Шевели копытами. Медленно, ясно?

Она послушно двинулась к двери черного хода. Бритва шла следом, уткнула дуло в тощий бок.

– Окуляр тебе идет, – сказала в узкое ухо. – Правда, говорят, что от крио они портятся. Мозг разрушают.

– Я не отправлюсь в крио, – так же тихо ответила имманес. – Не сейчас.

– Отправишься, еще как отправишься. Луций, – сказала она в некс, когда они оказались снаружи. Некс в ответ пшикнул помехами.

Ладно, еще найдется.

Бритва толкнула имманес к прибрежной полосе, прочь от арены и свидетелей. Та послушно двинулась в указанном направлении. Так и поглядывала по сторонам.

Именно потому Бритва любила поболтать с преступниками под конвоем. Тяжело просчитывать побег, когда приходится отвечать на вопросы.

– Скольких ты убила?

Имманес молчала, и Бритва взбодрила ее тычком пистолета в бок.

– Отвечай.

– Я… я не помню.

– Так много, что не помнишь?

– Нет! – Имманес раздула ноздри. – Нет.

Луна отражалась в темном зеркале моря, песок серебрился под ногами. Слева шумели заросли – судя по всему, местный парк, большой и плотный, с редкими нитями тропинок, что уходили вглубь, под смыкающиеся стены джунглей. Справа, по кромке воды прошла стайка туристов. Распылителя они видеть не могли, но при виде странно напряженных Бритвы и I-45 поутихли и прибавили шагу.

– Почему Брут Аквиний? Чего за ним бегаешь?

– А то вы не знаете.

– Не ерничай. Чего не поделили?

I-45 обернулась. Взгляд живого глаза был холоден как сталь.

– Он убил моего друга.

– Двести Шестого?

– Да.

Бритва хмыкнула. Месть. Это она понять могла.

– Вы не прикрыли его! – продолжала I-45. – Я знаю, что вы обещали и не прикрыли!

Вот же дурочка. Бритва качнула головой. Как будто легионеры специально это сделали. Да она лично оббегала три уровня… И нашла А-206 первой.

Этой имманес предстояло многое узнать.

– А патриций из архива?

– Теперь вы и насильников защищаете?

– Теперь за изнасилование полагается смерть? – парировала Бритва и чуть отстала при виде очередных встречных туристов. Заметив, как имманес дернулась в сторону парковых зарослей, она шикнула:

– Ты все еще у меня на мушке, не рыпайся. Что с патрицием, отвечай.

– Несчастный случай.

– Про несчастный случай бабушке своей расскажешь. У него дрон из башки торчал.

Бритва облизнула пересохшие губы и задала вопрос, интересовавший не только ее. Только бы некс передавал звук…

– Легионер из театра тоже случайно погиб?

Имманес невольно вжала голову в плечи. Упрямо молчала.

– Это же ты сделала, верно?

Услышать ответ ей не довелось.

Мимо шли трое парней с досками для серфинга в руках. В шортах и морском песке, они босо топали навстречу по мосткам, гогоча и ероша мокрые волосы. На руке одного поблескивал браслет – специальная панель для пловцов.

– Простите, – обратилась к нему имманес. – Вы не подскажете, который час?

Пожав плечами, серфингист остановился и надавил на панель; его друзья неловко столпились на мостках, отрезав Бритву от имманес. Она могла видеть лишь белую макушку…

Как та мелькнула за плечами парней и скрылась в гуще парковой зелени.

Сдавленно рыкнув, Бритва растолкала ошарашенных парней и кинулась следом.

Белая тень мелькнула за поворотом, фосфоресцирующая в мягкой мгле. Тропинка пружинила под ногами. Зыбкая, влажная земля. Сплетающиеся корни, в которых путались ноги. Плечо ужалили шипы какой-то дряни, но Бритва лишь ускорила бег.

Мчалась в кромешной тьме, почти по запаху и звуку. Путалась в сплетении лиан, скользила по гнилой грязи и стряхивала паразитов с рук.

Поворот.

Еще поворот.

Она вывалилась на стоянку для аэроциклов, оглядела два выезда на шоссе. Оба были пусты и темны. Пахло отработанным топливом.

Бритва чертыхнулась.

Похоже, имманес уехала на аэроцикле.

От Морфея

Сердце грохотало, как барабан. Безумный ритм, кровавая музыка Сатурналий.

Кровь чудилась везде: в ночном тумане, в пульсации огней, в грязи под пузом аэроцикла. На языке тоже застыл вкус крови из прокушенной губы. Зрение сузилось до узкого тоннеля перед глазами.

Малая летела по автостраде вдоль восточной оконечности полуострова. Повсюду ревели моторы и гудки, из окон доносилась ругань, алели сопла. Их пламя обжигало ноги. Малая с трудом протискивалась между машинами. Случайно заехала локтем по голове водителя, сунувшегося в окно. Другой водитель попытался открыть перед ее аэроциклом дверь; Малая едва успела свернуть.

Проскочив последний отрезок пробки – в тоннеле, проложенном в скальной породе за пределами Тепетля, – она свернула на съезд и полетела под крутым углом к кронам баньяна.

Аларих ехал в космопорт. Малая едва не умерла, когда подключилась к системе уличного наблюдения и узнала об этом. Мерзавец мог запросто ускользнуть из ее рук! Ужас парализовал при одной мысли об этом.

А затем придал столько энергии, что Малая была готова взлететь сама, без помощи аэроцикла.

Конечно, она потеряла много времени с марсианкой-легионером. И, конечно, от марсианки можно было избавиться – одним усилием воли. Малая чувствовала каждый имплантат в ее теле, знала, как причинить с их помощью боль. Но вредить еще кому бы то ни было без причины не хотелось.

Эта Бритва… Она напомнила Энцо. Может, силой, может, грубоватой честностью. Не заслужила она смерти, просто выполняла свою работу.

Открыть служебные ворота космопорта было просто. Малая выбрала самый дальний грузовой отсек и заехала внутрь. Бросила аэроцикл в тень за рядом контейнеров, чтобы не привлекал внимание. Отключила все камеры. Поколдовала над экраном замка, и шлюз открылся, мигнув зелеными огнями.

Освещение коридоров включилось автоматически – очень некстати. Она и так выделялась на фоне серых переходов – как будто заблудилась. Но, хвала Юпитеру, во время Сатурналий персонала почти не было. Встретился только заспанный уборщик, который даже не поднял головы. Похоже, номера старались не касаться патрициев даже взглядом.

Неужели и она когда-то была такой?

Уровнем выше кипела жизнь. На информационных табло сменялись десятки систем и планет. Плыли тележки, нагруженные чемоданами; звякала посуда в кафе. Стены на миг содрогнулись, и следом пришел звук – низкий рокот взлетающего шаттла.

Малая прошлась вдоль стоек регистрации. Времени подключаться к камерам и искать Алариха не оставалось. Слишком долго, учитывая, что ее выследили легионеры с Четвертой. Она покосилась на пару охранников у выхода из терминала. Стояли к ней спиной и о чем-то увлеченно разговаривали. Не желая испытывать удачу, Малая обогнула их широким кругом.

Она снова оглядела длинные очереди к стойкам регистрации. Сбоку от них притулилась справочная будка с выразительным знаком вопроса на голографической вывеске.

Малая направилась прямо к ней.

– Прошу прощения… – Она облокотилась на стойку и заглянула внутрь. На нее уставился худенький служащий с зализанными набок волосами. – Я разминулась с другом, никак не могу его найти. Скажите, ваша система оповещения действует во всех терминалах?

Она широко улыбнулась, и служащий улыбнулся в ответ. Явно не привык к вниманию хорошеньких патрицианок.

– По вашему желанию. Если захотите во всех, то мы сообщим во всех.

Бинго.

Малая закивала. Заправила прядь волос за ухо, и взгляд паренька последовал за ее рукой к обнаженной шее.

– Скажите, что Егерь ждет Алариха у выхода в десятый терминал. И что это срочно.

– Егерь?!

– Мое прозвище. – Малая подмигнула. – Знаю, это странно.

Как мы только друг друга не называем.

* * *

Он явился.

Он правда явился; озирался на углу рядом с автоматами с водой. Заметив Малую, он насторожился. Затем обвел взглядом шедшие мимо потоки людей, и выражение его лица стало уверенным и самодовольным.

Кругом полно свидетелей. Малая остановилась, чувствуя себя полной дурой. Может, в темноте и гаме у ринга она смогла бы затеряться и сбежать, но в охраняемом здании космопорта они с Аларихом были как на ладони.

Да, этот момент она не успела продумать. Если честно, она вообще не думала над тем, что будет *после* того, как отомстит.

Она попробовала найти хоть что-нибудь, чем могла управлять, но ничего не чувствовала. Ни дронов, ни сигналы автоматических дверей и шаттлов за стеной. Ничего. Пусто. Только взгляд Алариха. Он смотрел на нее, как тогда, в камере. Свысока. Как будто знал, что она ничего не сделает. Ни на что не способна.

Малая поискала еще. Горло сдавила паника. Неужели силы оставили ее? О боги, только не это.

Только не сейчас.

Ухмылка Алариха стала похожей на оскал. Ему нравилась эта заминка.

Он протянул руку к экрану вызова охраны и склонился к микрофону.

– Здесь девушка. – Его взволнованный голос никак не вязался с хищным взглядом. – Мне кажется, я ее узнал. Она была в сводке легиона…

Охрана что-то крякнула в ответ, но Аларих отключил связь и вразвалочку приблизился к Малой.

– Ну, что ты сделаешь?

Мерзкая рожа! Малая попыталась его ударить, но он с легкостью перехватил кулаки. Сдавил так, что она вскрикнула от боли. Пассажиры шли мимо, не обращали на них никакого внимания. Должно быть, думали, что перед ними развернулась обычная семейная сцена. Любовница скандалит, и ее ставят на место. Обычное дело.

Вот, она нашла Алариха, и что?

Что дальше?

– Сейчас тебя схватят. – Шепот обжег ухо. – И отправят в крио, где тебе самое место.

Малая едва не разрыдалась. Стала извиваться, пытаясь вырваться, но Аларих будто высосал все силы одним прикосновением. Его тело прижималось к ней; выпирал тяжелый живот. Борода колола щеку, пахло потом. Мерзко, мерзко, как же мерзко…

К горлу подступил ком. Пальцы закололи сотни игл, как электричество.

– Ты же слабая.

Вспомнился погибший Энцо. Кровь на полу машинного отсека. Камера, в которой ее держали как зверя. Травля в канализации. Обман.

– Слабая, глупая…

Хотелось убить Алариха. Растоптать. Раздавить его голову, как скорлупу. Выцарапать глаза, как когда-то выцарапали ей.

– …Дешевая…

Малая слышала шум. Словно вода журчала по трубам.

– …Шлюха.

И что-то ритмично постукивало. Глухо, гулко.

Совсем как удары барабана.

– Передавай привет Энцо, когда тебя заморозят.

Малая зажмурилась и сжала кулаки. На один очень долгий миг показалось, что от напряжения вот-вот лопнут вены на всем теле…

Что-то влажно чмокнуло. Горячие капли впились в лицо, грудь и руки. Малая задохнулась, подумав, что ее вены, ее кожа все-таки не выдержали.

Она распахнула глаз.

Аларих смотрел на нее влажными дырами глазниц. Они пульсировали, выталкивая кровь. По щекам поползли алые нити, тело качнулось и упало на спину. Раскинуло руки. Разметало запятнанные складки тоги.

Малая медленно стерла кровь с лица. Пальцы дрожали.

Неужели это сделала она?

Кто-то завизжал. Кого-то стошнило, кто-то снова нажал кнопку вызова охраны. В отдалении взвыла сигнализация, загудели голоса.

Бежать.

Малая растолкала собравшихся зевак. Влетела в первый попавшийся туалет – не успела даже заметить, мужской или женский. Взглянула в зеркало и чуть не заорала сама. Лицо белое в алую точку. Руки по локоть в крови. На платье алый передник, налипла слизь. Кусочки чего-то, о чем страшно было подумать…

И снова она отмывалась в кабинке туалета. Правда, на этот раз туалет был роскошным, как вилла патриция из центральной

курии: золоченый унитаз, зеркало со встроенной новостной строкой, мрамор на стенах. Пах розами. Разбавленная кровь Алариха капала в лужицу на полу. Вода текла из крана горячей, а зеркало запотело так, что на нем можно было рисовать. Малая ежилась и оттирала руки до красноты. Сняла платье и застирала его в раковине.

За дверью выла сирена.

Звук льющейся воды доносился как издалека, и Малая поняла, что еще немного, и рухнет в обморок. Странно, но радости и облегчения от совершенной мести совсем не было. Ужас – вот что стучало в висках. Ужас и паника. Куда теперь бежать? Космопорт кишмя кишел легионерами, ее наверняка уже искали. Обратно в курию не выбраться.

Оставался один путь.

Она расправила влажную ткань на плечах, еще раз глянула в зеркало.

– Удачи, – сказала своему зыбкому отражению. Отражение хитро сощурило один глаз. Прозрачный.

Совсем как у имманес, которого били током на старом видео.

Содрогнувшись, Малая вышла из туалета и зашагала к пропускной зоне. Не оборачивалась – и так слышала крики в отдалении. Тревожный гул, будто рой растревожили.

Проход в зону посадки был открыт – видимо, все легионеры сбежались к месту происшествия. За прозрачной стеной по левую руку виднелись взлетные площадки. Ревели турбины. Один из кораблей с ревом проткнул ночные облака, оставив плотный столб следа. Свет прожекторов, освещавших площадку, на время сменился алым, засуетились машины уборщиков. На линии ожидания стояло еще две машины – внутренние рейсы, судя по имперским орлам на блестящих боках. Вдали задирали носы к небу частные корабли без опознавательных знаков. Походили на серебристых ос – с покатыми боками и хищными острыми носами. Пассажиры вытекали из здания космопорта и рассыпались по подсвеченным дорожкам с номерами рейсов.

Раньше это показалось бы красивым. Сколько ночей Малая грезила полетом в космос. Мечтала увидеть трансгалактические корабли вживую. Но сейчас не чувствовала ничего: ни восхищения, ни интереса, ни восторга. Лишь страх, усталость и желание оказаться в безопасности.

Она встала в очередь на сканирование. Сунув руки в карманы, нащупала что-то плоское, прямоугольное и вытащила находку в свет прожекторов. Карта памяти с делом имманес. Спица обиды кольнула сердце. Где они были, эти имманес? Где их носило, когда они были так нужны?

Малая бросила карту в мусоросборник. Очередь сдвинулась, и она шагнула к стойке. Подставила запястье под сканер, и луч чиркнул по коже. Хорошо, что она заранее забронировала себе билет с открытой датой. Хоть что-то предусмотрела. Она бы не смогла сейчас даже свет выключить, не то что проникнуть в базу данных и подделать билет.

– Первый класс, – кивнул служащий. – Провозите ли вы с собой оружие? Клик-препараты?

– Нет.

Служащий улыбнулся.

Малая слишком поздно заметила его руку на кнопке вызова охраны. Не чуя под собой ног, она быстро зашагала дальше по коридору. Обернулась.

Служащий говорил с кем-то по коммуникатору. Взглянул на нее и кивнул.

Она сорвалась с места и побежала.

* * *

– Туда побежала, только что!

Едва завидев клеймо легиона, служащий затряс рукой в направлении зоны вылета. Луций мрачно отпихнул его в сторону, нырнул через рамки металлоискателя – те зашлись бешеным визгом – и припустил вниз по коридору.

Впереди была развилка: два указателя к посадочным трапам челноков и один – в сторону служебного выхода в зону погрузки для грузовых кораблей.

И куда имманес могла пойти?

Луций остановился, нажал на мочку уха и назвал номер своего чипа.

– Запрос видео с камер наблюдения. Режим реального времени, зона вылета.

«Запрос принят» , – ответил дежурный из рубки.

Полный доступ Луций выбил еще в машине, когда гнал по шоссе. Получив сообщение Бритвы, он сразу понял, где следует искать беглую имманес, и связался с охраной космопорта. Сперва его не восприняли всерьез, но стоило голове Алариха взорваться в одном из пассажирских терминалов, как Луцию сразу выдали максимальный допуск.

Он нажал другую бусину на раковине уха. В затылке кольнуло, и на стены терминала легло полупрозрачное изображение с десятка камер. На одном из них плеснул белый хвост волос. Получив координаты, Луций отключил некс и свернул в зону погрузки.

За шлюзом коридор ушел на нижний уровень. Два лестничных пролета, одна выключенная рамка металлоискателя, и Луций вывалился на открытый воздух к рядам контейнеров. Готовые к отправке, они стояли друг на друге, складывая лабиринт с проходами такими узкими, что в них не смогла бы разойтись и пара человек. Зону окружало силовое поле; его было легко угадать по ряби в воздухе.

Бежать некуда.

Луций вытащил распылитель из кобуры и выставил среднюю величину заряда. Большая мощность в тесных проходах повредила бы не только имманес, но и его самого. К тому же он не знал, что содержалось в контейнерах. Взлететь на воздух по неосторожности как-то не улыбалось.

Еще Луций поглядывал на неподвижную лапу крана над головой. Был готов к тому, что тот опустится и прицельно проломит голову. Или свалит парочку контейнеров. Или… Он поморщился, схватился за затылок. Или имманес просто выведет из строя его имплантат.

Очень не хотелось бы умереть вот так, на временном складе, от рук какой-то девчонки. Не для того он выжил в десятке боевых миссий.

Луцию не пришлось долго искать. Зря I-45 надела белое платье. Выделялась в ночи, как маяк в открытом космосе. Бежать ей было некуда, проход плотно охватывал и жертву, и ловца. И заканчивался тупиком.

Но, словно не веря, I-45 долетела-таки до конца. Ударила по металлической стене ладонью и обернулась. Живой глаз лихорадочно блестел, грудь вздымалась от бега. Тело просвечивало сквозь мокрую ткань.

Ее взгляд был слишком уж пристальным, и Луций нацелил распылитель ей в лоб.

– Я выстрелю.

I-45 медленно подняла руки… И бросилась в сторону, метя в боковой проход между контейнерами.

Луций ухватил ее за волосы. Бросил на стену. Его трясло при одном взгляде на нее. Имманес напоминала ему крысу. Белую, загнанную в угол крысу, которой самое место в лабораторной клетке.

– Ты – убийца. – Луций ткнул пушкой в плоский живот. – Просто маленькая убийца, такая же, как и сотни других.

Он склонился к ее лицу, покрытому бисеринами пота.

– Убила моего напарника. Ведь так?

– Это был несчастный случай, – прохрипела I-45. Луций скривился, заметив в ее глазах слезы. Какая дешевая игра.

– Ты убила его, и ты это знаешь. Его и еще с десяток других. Они заслужили смерть, как по-твоему?

– Я не хотела…

– Ничем не отличаешься от Алариха.

– Нет!

Луций сжал ее горло и приподнял над землей. Оказалась совсем легкой, как ребенок. Как животное, которое следовало усыпить.

Хотелось просто придушить ее. Приставить к виску распылитель и нажать на спусковой крючок. Но казнить за смерть патриция и легионера следовало по-другому. Долго. Жестоко. Без суда.

Сандалии I-45 проскребли по боку контейнера.

– Я не хочу причинять тебе вред, – прохрипела она.

– Да пошла ты.

То, что случилось после, Луций не рассказывал никому и никогда.

Индикатор на батарее распылителя погас, а пальцы сами разжались, выпустив рукоять. Луций растерянно втянул воздух. Хотел усмирить взбесившиеся руки, но те словно принадлежали кому-то еще. Не ему.

Взрыв боли – словно между ног ударили, так, что перед глазами потемнело. Некс взвыл помехами, позвоночник как надвое переломился.

Луций завалился на землю. Из последних сил двинул имманес в живот и услышал крик боли. Похоже, достал.

Он перевернулся на спину. Контейнеры кружились перед глазами. В ушах стоял гул, словно рядом ударили в храмовый колокол.

I-45 стояла над ним, целилась из распылителя ему в лицо. Ничего страшного. Оружие настраивалось под каждого легионера индивидуально и в чужих руках не срабатывало.

I-45 отпустила кнопку предохранителя, и распылитель мигнул индикаторами, готовый к выстрелу.

Луций сглотнул.

Вот черт.

Ничего не слышно.

Никак не подняться.

Лишь мелкое дыхание слетало с губ.

Вот сейчас. Он уставился на плоскую щель дула. Один миг, один заряд – и все закончится…

Спину вновь пронзила боль, и перед глазами потемнело. Луций сощурился от яркого света взлетающего шаттла. Проводил взглядом стройные бледные ноги. I-45 перешагнула через него,

оставив наедине с раскаленным, тяжелым от звезд небом.

Оно навалилось на Луция, и сознание благодарно угасло.

* * *

Малая ковыляла по взлетному полю, не в силах дышать из-за зверской боли в груди. Похоже, проклятый легионер сломал ей ребро. Но настоящая боль еще не пришла, помогал адреналин. Пока она чувствовала лишь тень грядущей муки.

Нужно было найти аптечку.

– Нужно улетать, – сказала она вслух.

Позади молчаливо темнели сотни контейнеров, между которых остался лежать легионер. Впереди лежала взлетная зона частного сектора. Лощеное, но безлюдное место: всего две площадки, яркая зона парковки и одноэтажный ресторан под башней диспетчерской. В окнах за золочеными колоннами ходили официанты в синих тогах, горел свет. Ветер доносил обрывки музыки. За рестораном и силовым полем шумели заросли джунглей, из которых что-то ухало и стрекотало. Пахло топливом, гарью и солью с береговой линии.

Ей повезло – один из кораблей не пустовал. Небольшой челнок на четыре персоны, способный долететь разве что до соседней системы, – она видела такие в обучающей программе. Трап спущен, за стеклом кабины копается пилот. Собирается уходить; судя по окуркам в пепельнице на приборной панели и душному запаху табачного дыма, недавно приземлился после долгого полета.

Успел ли он заправиться? Хороший вопрос, но других вариантов не оставалось.

– Пошел вон.

Малая нырнула за шторку и отпустила предохранитель распылителя. Заряд набрался полный, даже ладонь закололо. В салоне за спиной один за другим стягивались шлюзы, в брюхе машины загудели внутренности. Малая подключилась к системе и запускала двигатели. Полная готовность к взлету.

Пилот обвел загоревшуюся панель недоуменным взглядом. Обернулся.

– Вы же не хотите, чтобы я вызвал легионеров? – Он покачал бритой головой с разъемами нейропортов. – Вы даже не представляете, кому принадлежит этот корабль…

Да плевать. Хоть самому императору.

– Вон!

Малая слегка нажала кнопку спуска, и распылитель затрещал. Пилот неохотно попятился, выбрался из салона.

Задраив последний шлюз, Малая вывела корабль на взлетную полосу. Запустила двигатели, и корабль, урча, набрал высоту. Далеко внизу поплыли желтые огни космопорта.

Малая следила за надписями, которые загорались на сенсорной панели.

Что-то она делала не то.

Челнок резко накренился, перелетел полосу джунглей и понесся под углом куда-то в сторону диспетчерских вышек, грозя укоротить их как минимум вдвое.

Малая потеряла равновесие, приложилась спиной о переборку. Отбросила распылитель, с трудом подтянулась к панели управления и ввела команды повторно. Ткнула в еще одну надпись.

«Включено голосовое управление» .

– Выровнять курс. Набрать высоту до одной стадии.

Голос дрожал. Малая не могла оторвать взгляда от вышек за лобовым стеклом. Они приближались, медленно и неотвратимо, как в дурном сне. На крышах мигали алые бусины сигнальных огней.

Система соображала слишком долго.

«Принято».

Челнок проехался боком о стальную балку – страшный скрежет – и плавно набрал высоту.

– Включить автопилот.

«Выберите пункт назначения на панели управления» .

На панели открылся новый слой, высыпал список названий.

– Популярные маршруты.

Список сократился до двадцати наименований.

– Лета, – решила Малая.

«Принято. Пункт назначения – Лета. Время в пути – сорок шесть часов тридцать минут. Приятного полета».

Малая без сил обрушилась в похожее на кокон кресло и вцепилась себе в волосы.

Юпитер всемогущий, что она наделала? И куда она летела?

Челнок поднимался все выше. Вспомнив о безопасности, Малая притянула себя ремнями. Застонала, когда накатила тошнота от перегрузки. За стеклом гудела раскаленная плазма. Яркая. Малая зажмурилась, но рыжий свет будто отпечатался на сетчатке.

Корабль перестало трясти, свет как отрезало.

Малая распахнула глаза. Над ней чернел космос. В отдалении дрейфовали крейсеры легиона, торговые суда и сплетения орбитальных станций. Челнок вышел из атмосферы планеты и все больше ускорялся, борясь со слабеющей силой притяжения.

Покинутая Земля уменьшалась, красная, как пустынная грязь. В кабине стояла нестерпимая духота, словно воздух вскипел. Климат-контроль, вспомнила Малая, облизывая потрескавшиеся губы. Забыла включить перед взлетом, как советовала обучающая программа.

Что-то едва слышно хрустнуло. Затем еще раз. Как на стеклянную крошку наступили.

На стекле расползлась сеть трещин.

Заметив их, Малая сдавленно вскрикнула и забарабанила по панели. Давление в салоне падало. Кислород утекал. Похоже, столкновение повредило стекло. Один небольшой дефект, который обернулся настоящей катастрофой.

Она изменила параметры системы, повысила выработку кислорода на борту. Все делала правильно, но данные на панели неизменно ухудшались. Процент кислорода падал. Датчики заверещали – звук был пронзительный, сводил с ума еще больше. За иллюминатором проплыли каменные осколки и рваный обрывок корабельного корпуса. Стукнулись в защитное поле челнока и так же медленно потащились в сторону раскаленного солнечного шара.

Малая сжала зубы, быстро вытерла глаз ладонью.

Все будет хорошо. Она справится. Она же всегда справлялась, верно? Верно?

Корабль тряхнуло. Малую вжало в кресло. Челнок перевернулся, и она повисла на ремнях. Потянулась за маской, но та слетела с крепления на панели и укатилась.

Все было паршиво. Хуже некуда.

Она зачарованно уставилась на сеть трещин, которая расползлась на лобовом стекле. Раздался тоненький свист. Стало тяжело дышать, перед глазами замелькали световые точки – как мошки. Лоб похолодел от пота.

Вот и конец.

«Энцо, Энцо, Энцо», – стучало сердце, замедляя ход.

«Я иду к тебе».

Заскрежетал металл. Обшивка корабля расползлась, и над Малой разверзлись небеса. Светлые, с мягкими завитками облаков, как пар, который валит из помещения на холод. Ее залил нестерпимо-белый свет, очертания предметов поплыли. Таяли.

Стало холодно.

И из сияния к ней спустились боги.

Не по уставу

– И что теперь?

Луций не ответил. Он сидел, облокотившись на колени, и жмурился, пока Бритва обрабатывала его голову антисептиком – его посоветовали в медпункте. Регенерационную капсулу не предоставили, сказали обращаться по месту работы. Вонял этот антисептик страшно, потому наносить пришлось на улице, прямо на ступенях мотеля.

До того Луций успел залить кровью диспетчерскую космопорта. Не хотел успокаиваться, пока не получил всю информацию.

Данные систем слежения показали, что корабль, совершивший незапланированный вылет из частной зоны, взорвался на орбите. Служебные челноки обследовали останки и не обнаружили ни признаков жизни, ни тела. Спасательный модуль был на месте. Подтвердив это, Луция проводили из диспетчерской и посоветовали не возвращаться. Никогда.

Имманес погибла. Взорвалась там же, где и ее сородичи тридцать лет тому назад.

Дело закрыто.

– Не знаю. – Луций зашипел от очередного впрыска дезинфицирующей пены. – Думаю, нам надо передохнуть.

– Или просто сдохнуть, да, Цецилий? На это нарывался? Куда пошел без подкрепления? Некс перестал работать?

– Ну и дала бы мне сдохнуть, чего распереживалась?

Бритва отвернулась. Вновь взялась за серую тряпицу – вроде как полотенце из кафе неподалеку – и принялась втирать пену в рану. Так быстрее заживет, пояснила она, но Луций подозревал, что ей просто нравилось делать ему больно.

Тряпица вновь закрыла глаз. В редкие мгновения, когда она поднималась, взгляду представали крепкие загорелые бедра Бритвы, стянутые короткими неуставными шортами. Кожа блестела в утреннем свете, и Луцию отчего-то захотелось ее лизнуть. Или укусить.

Должно быть, последствие травмы. Им стоило надеть форму обратно; гражданская одежда наводила на странные мысли. Вдобавок затылок начало ломить. Подступала знакомая шквальная боль.

– Как насчет выпить?

Бритва вскинула темные дуги бровей.

– Вечером. – Она усмехнулась, отложила антисептик и вытерла руки. Послала пузырек и тряпку в урну.

– Дерьмовая ночка выдалась, пойду посплю.

Луций зачарованно кивнул.

Когда она нагибалась, на животе заминалась смуглая складка.

Когда она шагала по ступеням, нижние половины ягодиц вылезали из шорт. Очень упругие на вид, рука так и тянулась…

– Эй! – окликнул ее Луций. Бритва замерла на середине ржавой лестницы. Развернулась боком, придерживаясь за перила. Ветер взбил и без того растрепанные темные кудри, на миг укрыв лицо.

– Спасибо.

Она кивнула. Вновь сверкнула голыми ягодицами и поднялась в номер.

* * *

Как она бегала по всему космопорту – страшно было вспомнить. Запеленговала сигнал и мчалась по лабиринту контейнеров. Ветер пах кровью, и пальцы предательски холодели от страха. Еще не хватало мертвого легионера на ее совести. От этой мысли, от возможности такого исхода становилось дурно.

Луция она нашла на расчищенном пятаке у ворот склада. Оглушенного, но все-таки живого. Он распластался по асфальту, на разбитой голове блестела кровь, в которой уже извивались нити местных пиявок. Бритва прогнала их огнем зажигалки – пальцы тряслись так, что она боялась заодно спалить щетину волос. Затем взвалила Луция на себя и потащила к медпункту.

Луций шатался, но шел. В полубреду что-то бормотал про имманес, много и со смаком ругался, заваливался на Бритву, утыкаясь макушкой в шею, и перемазал ее кровью. Почти не открывал глаз, пока на яркий миг в небе не вспыхнула сверхновая и небо не посветлело от взрыва. Они остановились у грузового шлюза, тесно прижавшись друг к другу, и зачарованно наблюдали пик, затухание и остаточные волны, бирюзовые, как морская вода.

Лишь после они узнали о неудавшемся бегстве I-45. Что ж, скатертью дорога. О сумасшедших суках Бритва никогда не жалела.

И теперь она играла в доктора. Луций задумчиво изучал ее голый живот под краем обрезанной майки, – Бритва с удовольствием влезла в нее после душной шкуры спецовки. Держал пальцы в опасной близости от ее бедер. Поднимал затуманенный взгляд, от которого внутри все переворачивалось.

Когда он так делал, Бритва давила на рану сильнее. Луций приходил в себя и вскрикивал от боли. Пена шипела на краях сорванной кожи, лопалась пузырьками на коротких иглах темных волос.

– Как начет выпить? – донесся его глухой голос. Бритва опустила взгляд, отчаянно надеясь, что ослышалась. Но Луций

ожидал ответа с непрошибаемой серьезностью.

– Вечером, – ответила она вперед своего здравого смысла. – Дерьмовая ночка выдалась, пойду посплю.

Она бросила опустошенный пузырек с антисептиком и тряпку в урну. Снова оценила рану. Голову от кровавой коросты они отмыли, и теперь ранение выглядело не так устрашающе. Просто царапина; содранная полоса кожи от лба до затылка. Кровавый пробор.

Пациент жить будет.

– Эй! Спасибо.

Бритва даже обернулась, не веря своим ушам. Похоже, травма головы немного вправила Луцию мозги.

Уже в гостиничной ячейке она привалилась лопатками к двери и накрыла лицо ладонями. Со стоном растерла лоб и щеки, один за другим скинула ботинки в угол. Те зацепили бамбуковую стойку-вешалку и повалили на пол. Бритва не стала ее поднимать. Прошла к кровати и рухнула лицом в одноразовые, пахнущие химией простыни. Ноги гудели. Тело расслабилось, проваливаясь в долгожданный сон…

Заверещал коммуникатор.

Бритва вскинула голову и нахмурилась. На личный номер ей звонили крайне редко. Она завела его для своих дел, которые не предназначались для ушей коллег из Управления.

Она поднялась – так резко, что перед глазами заискрило. Подошла к окну и вытащила верещащий кусок пластика из куртки. Номер был незнакомым, семизначный код Второй курии.

Бритва запустила руку под волосы на затылке, надавила на бугорок под кожей. Теперь чип, встроенный в имплантат, не записывал. Она вставила наушник в свободное от некса ухо и приняла звонок.

– Да?

«Привет, Три-Два-Шесть. Как дела?»

А голос оказался вполне знакомым. Эзоп. Его хриплый лай Бритва узнала бы с любого конца вселенной.

Вышел-таки на свободу. Интересно, что для этого пришлось сделать «псам»?..

– Не родила пока. Чего звонишь? – Она решила перейти сразу к делу. Некс, отключенный надолго, мог привлечь ненужное внимание в Управлении. – Я работала с Аларихом. Он мертв.

«Аларих – всего лишь пиксель в нашем знамени, забыла? «Псы» вызывают, Три-Два-Шесть. Завтра».

Остатки сна как рукой сняло. Бритва скрипнула зубами. Она и не думала, что до последнего этапа дойдет дело. Хотелось отключить коммуникатор и притвориться, что она ничего не

знала. Не видела, не слышала, была ни при чем.

Вот только с Эзопом такие трюки не прокатывали.

– Я не в Управлении.

«Знаю. Не беда. Цецилий с тобой?»

– Да. – Она накрутила бисерную нить занавески на палец. Луций во дворе наконец поднялся – тяжело, опершись на колени, – и похромал в свою комнату на первом этаже.

«Потеряй его».

Палец Бритвы остановился, выпустив бисерную нить.

– Что?

«Ну, грохни его».

Бритва ошеломленно молчала.

«Послушай, никто и не заметит. Расследовать на территории Эоса никто не даст. У вас в Управлении даже голубя Юпитеру пожертвуют, лишь бы не возвращался».

Она нахмурилась. От этих слов в груди поднялась злость – как рвота.

– Пошел в задницу, и больше не звони.

Из наушника донесся усталый вздох.

«Не нарывайся. Думаешь, если с тобой что случится, кто-нибудь из них будет тебя искать? Номер-легионер – это пушечное мясо, Бритва. Ты – мясо с клеймом…»

Бритва отключила связь.

Подумав, бросила коммуникатор на пол и разбила двумя ударами ботинка.

Быть с декурионом она не могла ни по закону, ни по происхождению. Но она могла прикрыть его спину.

Так делали напарники во все времена.

На Эос опустился влажный и душный вечер. Прибрежные кварталы опутала тьма и запахи курений. Играла музыка, танцевали пары, но Сатурналии уже шли на спад. Люди нагулялись и разлетались по куриям. В море, далеко на горизонте, вспыхивали и затухали огни – совсем как биение далекого сердца.

Луций и Бритва заняли столик на веранде бара неподалеку от мотеля. Кроме них посетителей не было. Пляж пусто синел до самой кромки воды, на висящую над столиком лампу садились мошки, за стойкой вытирал бокалы бармен.

– Декурион Луций Цецилий Авианий Марс, – нараспев произнесла Бритва и оперлась щекой на кулак.

– Что? – Луций отвлекся от вида океана. Его недоумение было смешным, Бритва даже фыркнула.

– Имя красивое.

Недоумение сменилось полуулыбкой. Когда Луций улыбался,

черты его лица казались мягче. У глаз собирались лапки морщинок.

– Три-Два-Шесть, ты допиваешь свой последний стакан.

Зачем что-то заканчивать, когда так хорошо? Тихо, прохладно, спокойно. Алкоголь горячит тело.

Бритва зажмурилась, глотая обжигающий напиток. Октли, кажется, так его называли. Она подняла палец, пережидая жар в горле.

– Тебя назвали именем бога. Это большая честь.

– Вы, марсиане, кроме Марса, никого и не знаете.

– Кроме Марса, никого знать и не нужно.

Вообще, она не была религиозной. Но к образу бога войны испытывала особую, присущую всем марсианам тягу. Может, воспитание накладывалось. Может, Марс остался единственным символом, который объединял выходцев с Красной планеты.

Она покосилась на Луция. Он тоже курил. Глубоко затягивался, отчего на щеках западали ямки, и выпускал дым через ноздри. Цветные блики россыпью искрились в ежике волос, скатывались по сильной шее, сдавленной воротником рубашки.

Он повернулся; будто почуял, что на него смотрят.

– Как ты оказалась в легионе, Три-Два-Шесть?

Бритва усмехнулась. Какой любопытный.

– Отвечу, если выпьешь. – Она придвинула малинового цвета стопку к его руке. Торопливо, пока не успела остыть и передумать.

Луций сощурился, но все же кивнул. Ухватил стопку и указал на Бритву пальцем.

– Но ты пьешь со мной.

– А ты отвечаешь со мной.

Они пожали руки. Луций махнул бармену и на столике выстроилась целая колонна стопок всех цветов, от светло-желтого до синего, цвета военной униформы.

Безумие. Чистой воды безумие.

Со странной смесью азарта и страха Бритва ухватила ближайшую к себе стопку с лиловым нечто. Внутри плавали золотые блестки.

– Итак? – Луцию явно не терпелось напиться.

– Легионеры помогли, когда была нужда. Вообще, только они и помогли.

Когда брата били свои же, а другие номера проходили мимо. Отворачивались. Будто ничего особенного не происходило. Так, очередного марсианина убивали на улицах курии.

Правда, его потом все равно сунули в крио и отправили на орбиту. Сам виноват, совсем съехал с катушек. Полез грабить

виллу на верхнем уровне и подстрелил хозяйку.

– То есть ты из благодарности?

– Да не. Не только. – Бритва пожала плечом. – Мне нравится эта работа. И в легионе тоже нравилось, когда, знаешь, отправляли в разные квадраты.

Пару мгновений Луций рассматривал ее лицо: внимательно, будто узнавал заново. Затем с уважением кивнул.

– Куда именно?

– Цезарь-19.

– Та история с паразитами?

– А ты, я смотрю, наслышан.

– Тоже служил.

– Командование?

– Пехота, – ответил Луций как на духу. Бритве это понравилось. Обычно патриции стеснялись простых назначений и грязной работы. Отсиживались в командных пунктах, пока номера стреляли на позициях.

– И где?

Вот теперь он увел взгляд, будто вспомнил что-то крайне неприятное.

– Иридий.

Да, неприятное было местечко лет десять тому назад. И история тоже неприятная: гражданская война, свои против своих, ополченцы в горах. Засели плотно, не выкурить…

– Это на Иридии тебя так пришкварило, что «гелиос» пьешь? – Бритва тронула стальную полосу наградного браслета, запаянную на его запястье. – Тоже оттуда?

Луций кивнул. Рассказывать больше он явно не собирался, и Бритва решила его не трогать. У самой были такие моменты в прошлом, которые лучше лишний раз не ворошить.

– А ты почему в легионе? – Она махнула зеленой долькой лайма. – Я слышала, Цецилии очень богаты. Дома, компании, голоса в Сенате, все дела. Почему пехота и Управление?

Луций помрачнел еще больше. Казалось, он вот-вот слезет со стула и покинет бар.

– Я что, похож на модника из центральной?

Бритва качнула головой.

– Нет. Потому и спрашиваю.

Луций не походил ни на кого из встреченных Бритвой патрициев.

Он уставился на ряды бутылок в пестром баре через стойку. Уставился, но сам будто находился в совсем ином месте. Пристукивал ботинком по ножке стула.

– Отец считает службу делом бедных семей. Говорит, это –

занятие для номеров и дураков. Для тех, кто больше ни на что не способен. Но армия – это скелет империи, ее основа. Настоящие мужчины… и женщины, – поправился он, глянув на Бритву, – не занимаются торговлей. Не наедают зады в элитных ресторанах. Не спускают миллионы на одежду и тачки.

Его лицо заострилось, взгляд стал жестким. Сигарета давно истлела, осыпавшись пеплом под ладонь.

– Они забыли. Они совсем забыли, на чем стоит Рим. О чести и достоинстве воина и гражданина. Если бы они видели то, что видел я. Или ты.

– Сдохли бы там же, – фыркнула Бритва.

Луций кивнул и глотнул внеочередную стопку. Бритве даже захотелось тронуть его за руку. Сказать, что неправильным был совсем не он, а сволочи из Сената…

Но это оказалось бы совсем не по Уставу.

– Ладно, мой черед. О чем тебе поведать? – Она улыбнулась и облокотилась на стол.

Луций поставил порожнюю рюмку и глубоко втянул воздух, смаргивая слезы. От местных настоек корежило даже Бритву.

– Расскажи, что за художество? – Он указал на татуировку на ее щеке. – И почему не на лбу?

Спустя час разговоров сидеть надоело. Бритва встала и потянулась. Прошлась по скрипучим доскам до конца веранды и обратно. Она поймала ритм мелодии, которая доносилась из пустого бара, и двинулась, прикрыв веки. Наедине с музыкой.

Давно не чувствовала себя такой живой.

Луций следил за ней. Молчал, не улыбался. Прибрежные фонари погасли, над морем повисла луна – как сопло улетающего корабля. В ее свете глаза Луция казались черными, тени легли под скулами синевой, очертили контур упрямого подбородка.

– Знаешь, я в детстве мечтала танцевать. – Бритва прикрыла веки. – Не в толпе на Сатурналиях, а на сцене… Где-нибудь в центральной курии.

Она качнула бедрами и почувствовала, как к ее спине прижались. Она и не услышала, как Луций оказался рядом. Только запах стал явственнее. Его запах, особенный. Кровь, пот, след оружейного заряда, адреналин.

Бритва не отстранилась; продолжила танцевать, подставив лицо лунному свету. По телу пробежали мурашки, когда на талию легли тяжелые ладони.

Бедра качнулись вправо и влево.

Плечи качнулись вправо и влево.

Дыхание Луция опалило шею…

Хотелось прижаться, почувствовать больше.

Бритва развернулась и откинула голову. Они зацепились губами – совсем чуть. Будто случайно. Смешали частое горячее дыхание.

Она отстранилась, сама не своя от внезапной близости.

– Хочу еще той дряни. Октли, да?

Она двинулась в зал. Стойка пусто мигала рекламными изображениями. За ней манили краны дозаторов с октли и десятком других напитков.

Бритва перегнулась к панели розлива и едва не выронила стакан, когда ее развернули и ухватили за подбородок.

Луций был серьезен, как никогда. Прикосновение его пальцев отчего-то жгло кожу.

– Это что еще?

– Тебе хватит.

– Не указывай. Я не твой личный номер, Цецилий.

– Нет, мой, – с патрицианской уверенностью сказал Луций.

Будто точку поставил.

– Ты – моя, понятно?

Бритва уставилась на него снизу вверх. Облизнула губу, теряясь в желаниях.

– Идиот. – Она попыталась его оттолкнуть, выпутаться из рук, прикосновение которых обжигало, но он не пустил. Словно в дурном танце, они попятились к барной стойке. Бритва отступала, не слишком охотно; Луций прижимался ближе.

Его сердце ухало под жестким каркасом мышц.

Сердце Бритвы ухало в ответ. Билось где-то в животе, там, где соприкасались их тела.

Он ухватил ее за волосы, потянул, не давая спрятать лицо. В голове помутилось. Вдруг стало тяжело дышать, словно весь воздух вытек из голубоватого сумрака бара. Бритва ухватила Луция за колючий подбородок и прикрыла глаза, когда во рту скользнул его язык.

Поцелуй они прерывали дважды: чтобы оплатить выпитое и отпереть дверь комнаты. Застежки рубашки кололи пальцы, расползлись одна за другой. Бритва попыталась оседлать Луция, но тут же оказалась снизу, лицом в простыни. Он заломил ей руки, не давая вывернуться.

Она выгнулась, когда с нее стянули шорты и трусики. Горячий язык спустился по спине, сменился губами между ягодиц. Терпеть больше не было сил. Бритва запрокинула голову на плечо Луция, ловя воздух губами. Хрипло застонала, когда он вошел; одним плавным движением заполнил и прижал к себе, заключив в жаркий кокон.

Пальцы сдавили ей грудь.

Потолок над кроватью плавился и кружился.

Патриций и легионер. Как же она ошибалась… И как хотела ошибиться. Хотя бы на одну ночь.

* * *

Когда Луций уснул, Бритва выскользнула из-под его тяжелой руки. Не хотела этого делать, слишком уютно лежалось. Потерла плечи, усыпанные мурашками от ночной прохлады, что врывалась через окно.

Отчего-то вспомнился давний вечер – когда северное полушарие клонилось к лету и в парке верхнего уровня сгущалась особая, теплая тьма. У фонарей кружили мохнатые бабочки, по небу пролетали искры шаттлов, а Гней Марий никак не мог сказать о расставании. Юлил, петлял мыслью и не мог выдавить из себя главного: что он стыдился марсианки и номера. Что секс оставался прекрасен и вполне его удовлетворял (и если она окажется проездом в центральной курии, то он совсем не против и всегда рад), но женитьба уже была делом серьезным и всецело зависела не от него. Смешные были потуги. Беспощадный оральный понос.

Она не могла оказаться в старой ловушке, из которой выбралась с таким трудом. Сдирая мясо с костей. Растоптав остатки надежды, которая теперь подло проросла обратно.

Нет.

Только не снова. Номер, привязанный к патрицию, обрекал себя на боль.

Бритва влезла в костюм, провела пальцем по застежке-герметику, и половинки куртки срослись в единое полотно. Воротник плотно охватил шею – придушил, как невысказанные слова.

Луций продолжал спать. Свет пионовой луны лежал на его щеках, выделял твердый подбородок. Даже во сне Луций хмурился и поджимал губы. Захотелось положить ладонь ему на лоб, разгладить злые складки, без которых он выглядел гораздо моложе.

Бритва отдернула руку. Сжала зубы до скрипа.

Он только казался близким. Все их сходство было фикцией, игрой воображения и гормонов. Она справится. Разумеется, справится и забудет.

Она закинула сумку на плечо, вышла из номера и сбежала по лестнице. Ступив на песок, втянула воздух и нахмурилась. Отчего-то пахло старым маслом для шаттлов и обеденным пакетом для перелетов – бурдой из тюбиков…

Что-то с треском опустилось на голову. Короткая боль – и наступила тьма.

Эпилог

Сознание пришло внезапно. Обрушилось приливной волной и выдернуло из забытья. Постепенно вернулись воспоминания. Выползали на свет одно за другим, как гады из стока, пока не прошиб холодный пот.

Малая!

Энцо попытался вскочить, но трубки помешали. В сгиб локтя впилась игла. Страх распирал грудь, выступил на лбу испариной.

Он лежал на койке в небольшой палате на одного. Воздух перед дверью рябил от силового поля – значит, палата особого назначения. На панели у изножья мигали показатели жизнедеятельности, по коридору за прозрачной дверью ходили врачи, на улице темнела ночь, а у окна стоял легионер. Сцепил руки за спиной. Из-под манжет выглядывали наградные браслеты.

– Где она?! – прохрипел Энцо.

Легионер обернулся и придвинулся ближе. Центурион Тит Пуллий со своей биометаллической пластиной.

Энцо все понял по одному выражению его лица.

– Как?

– Разгерметизация корабля. На орбите.

Тит Пуллий взгляда не отводил, не прикрывался ложным сожалением. Конечно, ему не было жаль. Чего жалеть номеров?

Его слова доходили туго. Вязли, как в густой крови.

– Когда?.. – Голос сорвался. – Сколько я?..

– Сейчас апрель.

Он спокойно ждал, пока Энцо сделает нехитрые расчеты.

Шесть месяцев прошло!

Энцо стиснул зубы до скрипа. Шесть месяцев с момента облавы. Шесть месяцев лежал на больничной койке.

За это время погибла Малая. Долго ли ей удавалось скрываться? Искала ли она его? На орбите. Значит, ей почти удалось улететь.

Почти.

Несколько долгих секунд Энцо не шевелился, просто глядел в потолок.

Затем выдернул иглу из вены и с ревом бросился на центуриона.

Сил хватило только на бросок. Энцо судорожно вцепился в Тита Пуллия, тот не удержался на ногах, и оба повалились на

пол.

– Мать твою, Два-Ноль-Шесть!

Тит Пуллий поднялся и отряхнул штаны. Вытер лицо, размазав кровь по губе. Энцо распластался на холодных плитках. Одна радость – успел-таки боднуть центуриона в нос.

Ноги были как ватные. Будто не его. Только бы не парализовало. Лучше сдохнуть, чем кататься в кресле и клянчить на картонке. Энцо попробовал шевельнуть ступней и с облегчением выдохнул, когда та дрогнула. Никаких картонок, слава Марсу.

Тит Пуллий не стал его поднимать. Сел на койку и устало качнул головой.

– Она сама туда полезла, Два-Ноль-Шесть. А перед этим убила нескольких человек.

Молодец, чо. Убила – значит, поделом.

– Я договорился о медкапсуле. Послезавтра бегать будешь, если поможешь. Нужна информация о «псах», все, что помнишь. Ты же работал на Эзопа?

Энцо зло щерился. Раскорячился так, что сквозняк холодил ляжки. Помощь им нужна, надо же.

«Поцелуй мои бубенцы, центурион».

Уже разок помог «орлам», спасибо. Подставили, отправили без прикрытия, кинули на койку и оживили, когда понадобился. Заморозили-разморозили. Нет, больше не прокатит. Он же не кусок мяса.

Тит Пуллий следил за ним внимательно. Серьезный. Видать, сильно их припекли.

– Сорок Пятая хотела бы твоего выздоровления. Хоть ты и урод, Два-Ноль-Шесть.

Вот это он зря. Даже зубы зачесались, так захотелось впиться ему в ногу. Еще хоть слово о Малой, еще хоть одна попытка использовать ее…

Тит вдруг поднялся и коснулся имплантата на мочке. Похоже, по нексу звонили.

– Центурион Тит Пуллий, – сказал он и помрачнел. Напрягся, будто в зад спицу вставили. Смотрел на Энцо, но, казалось, в упор не видел.

– Далеко? – Он провел ладонью по лбу. – Как так…

Он вдруг ухватился за ухо, побагровел и согнулся; едва не ткнулся лбом в пол. Больно, видать. Энцо даже не стал ему добавлять, хотя мог – стойкой капельницы.

Свет в палате погас. Стихло пиканье приборов, стих гул силового поля у двери. Тишина прерывалась встревоженными голосами из коридора. Похоже, рубануло во всем здании.

На улице вроде тоже потемнело. Энцо перекатился на живот и прополз до окна. Подтянулся на подоконник, выглянул наружу.

Энергии не было во всей курии. Черные линии эстакад, черные ноги жилых колонн. Ни машины, ни огонька. Даже аварийные генераторы вышли из строя, хотя должны были включиться. Больница же.

Чертовщина какая-то.

На горизонте что-то полыхнуло. И еще раз. То ближе, то дальше, и каждый раз в белой зарнице проносилась тень. Будто с орбиты что-то валилось. Энцо сощурился, пытаясь разглядеть, и едва не ослеп, когда сверкнуло над больницей.

На парковку приземлилась какая-то металлическая дрянь. Круглая и здоровая, как шаттл. Она выпустила ноги. Включила огни, осветила временный пост с орлом легиона на боку и плюнула зарядом.

Короткая вспышка сожгла два этажа дотла. Энцо даже испугаться не успел.

– Марсовы яйца… – пробормотал он.

Рядом щелкнул предохранителем Тит Пуллий. Оружие заурчало, готовое к выстрелу.

– Они самые.

* * *

«Боевая готовность через десять минут».

Еще целых десять минут. За это время можно пробежаться из грузового отсека до рубки и обратно. Правда, имманес не бегали. Они вообще не торопились и, казалось, никогда не волновались. Спокойные, доброжелательные, уравновешенные. Вежливые машины.

Чего не скажешь о Малой. Она едва не подпрыгивала от напряжения. Каждая секунда ожидания казалась мучительной.

Она пробежалась пальцами по стене, и в отсеке зажегся свет. Далеко внизу, под площадкой, на которой она стояла, приглушенно замерцали верхушки туб освещения. Как пятна из игры в блокноте. Прямо в стенах бежали столбцы символов – все поверхности в жилищах и кораблях имманес были интегрированы в информационную сеть. В отдалении что-то урчало. Может, двигатели, может, еще что – она так и не поняла, с помощью чего эти корабли летали и как умудрялись развивать такую скорость.

Малая вытащила из кармана проволоку, свернутую в кольцо. Не спеша расправила ее. Стали видны полупрозрачные бляшки электродов. Сидели на металлической нити, как янтарные капли.

Она закрепила электроды на висках и лбу. Кожу кольнуло, и

мир вдруг расширился, вобрал ее в себя. Как будто на дно утянуло: звуки стали глуше, краски перед глазами поблекли, мышцы налились тяжестью. Малая чувствовала такое, когда подключалась к сети на Старой Земле. И в день облавы, когда поднималась на лифте. Она словно оказалась в центре паутины. Нити связей разбегались от ее тела; мерно пульсировали, как гигантское сердце.

Они дрогнули, и в глубине отсека зашевелились тени. Дрогнули и побежали. Разделились на потоки, огибая стойки освещения. Свет заскользил по голым телам и лысым макушкам. По черной, будто обугленной коже.

Малая чувствовала, как работают сотни мышц – как ее собственные. Чуяла запах крови и нестерпимый голод.

Минута – и бегущие достигли основания рубки управления.

Еще полминуты – они облепили склон грузового отсека, полезли наверх. Несколько выбрались на платформу и замерли в шаге от Малой. Все одинаковые, лишенные половых признаков. Вместо глаз хитиновые пластины. Вместо носов провалы. Зубы блестят длинными иглами. Впалые грудные клетки часто вздымаются.

Малая провела рукой перед мордой ближайшего. Тот проследил за ней движением головы.

Инферио, так их звали. Мертвые имманес. Настоящая боевая сила. Аларих обделался бы, увидев такого на улице. Все «псы» и легионеры бы обделались.

Мертвецы не боялись смерти и ранений.

Не истекали кровью.

Не нуждались в питании – находили еду сами.

Каждый имманес знал, что после смерти переродится и послужит потомкам. Отличное и разумное решение развитого общества. Думали о других, а не только о себе, как делали люди.

Теперь Малая сама отчасти была инферио. За последние недели использовала нить каждый день и погружалась в иную реальность все чаще. Связь с мертвыми заполнила пустоту, которая не отпускала после гибели Энцо. Успокоила, как делали когда-то его прикосновения.

Лучше, чем все его прикосновения и поцелуи.

Малая склонила голову, и инферио повторил движение. В хитиновой пластине отразилась ее голова – вытянутая и сплюснутая сверху, как в кривом зеркале. Малая взялась за нос. Инферио попытался повторить и это, но костистые пальцы ухватили воздух – вместо носа у него чернела впадина. Просто две щели, затянутые сморщенной кожей.

«Он может быть моим предком. Или твоим. Будь

почтительна».

Услышав этот голос, Малая торопливо сняла нить – электроды с трудом отлепились от кожи. Нажала знак на черной лаковой стене отсека, и рядом возникло изображение молодого мужчины. Только лицо и плечи. Весь белый, как она сама: пепельные волосы, прозрачная кожа, светло-серые глаза. В форменной куртке без отличительных знаков.

Бел Шаи ар-Илла любил быть ближе к народу.

«Добрый день, Беа».

– Малая, – уже по привычке поправила Малая. Бел Шаи наотрез отказывался принимать имена, которые дали ей люди. – Мы на месте.

Бел Шаи кивнул.

«Прекрасно. Начинайте».

Малая замялась. Вроде все решила, все продумала. Хотела мести больше всего на свете. Но что-то не давало покоя. Какой-то голосок нудел на границе сознания; напоминал о бывших соседях под мостом Десятой курии. О номерах, которые жили в канализации.

Интересно, в тоннелях крепкие опоры? Выдержат атаку или обвалятся прямо на головы?

– Может быть, нам стоит начать с переговоров? Предложим Сенату выбор. Скажем, что…

«Мы уже это обсуждали, Беа. Убийство имманес непростительно».

Взгляд Бел Шаи был холоден, и Малая пожалела о своих словах. Надо было молчать в тряпочку и делать, что говорят. В конце концов, она получила возможность отомстить. Изменить жизнь на Земле к лучшему. Такое упускать нельзя.

Вдруг он сейчас передумает и велит выбросить ее в открытый космос вместе с отходами? Или просто прикажет инферио сожрать ее. Он тоже мог ими управлять. Возьмут и обойдутся без нее, ее способностей и знаний об империи. Найдут еще одного имманес с золотым рисунком на коже.

«Мы можем оставить все как есть. Выбор за тобой».

– Нет, я готова, – поспешила ответить Малая.

Хватит слабости и сомнений.

И снова она шагала по коридорам. Слишком быстро – не могла сдерживать кипевшую в ней энергию. Вела обратный отсчет про себя, хотя знала, что без нее не начнут.

В рубке царил полумрак, желтоватый от знаков, которые скользили по прозрачным перегородкам. За каждой работал имманес; свет выхватывал их сосредоточенные лица. Дальше проход упирался в огромный иллюминатор, за которым лениво

плыла Земля. Выжженная веками, рыжая, с кляксами воздушных куполов.

– Сигналы подавлены, – один имманес отвлекся от панели.

Отлично. Теперь имперцы не могли позвать на подмогу. Вообще ничего не могли, даже позвонить по коммуникатору.

«Все системы готовы» , – сообщили из динамика. По иллюминатору тоже побежали символы, и Малая тронула один из них.

– Запуск подтверждаю, – сказал капитан.

«Онагры выпущены» .

Малая завела руки за спину и впилась ногтями в ладони. Все, сожгла мосты. Отступать некуда. Осталось немного подождать.

Все правильно.

Еще на Земле она прочла сборник древних мифов, который оказался во встроенной библиотеке блокнота. Там был и миф о Тесее. Не такая уж длинная книга про не такого уж героя. Он обманул Ариадну. Увез от отца, наигрался и бросил на острове. Использовал и выкинул, как топливные отходы. Боги наказали его за это. Боги все видели.

«Пятнадцать секунд до приземления».

Боги накажут и патрициев.

«Десять».

И легионеров, которые закрывают глаза на убийства номеров. Унижают, пытают.

«Восемь».

И «псов».

«Шесть».

Малая оскалилась и резко втянула воздух через зубы.

Особенно «псов» с их манией величия. Нашлись спасители человечества. Воры, лжецы.

«Пять».

Насильники, убийцы.

«Три».

Они не заслуживали жизни. Никто из них. Ни один. Их ждала только смерть. Сперва на Земле, а потом и на других планетах империи.

От мысли об этом сердце забилось чаще. Во рту повлажнело, как от запаха еды. Может, сказывался голод инферио. Мертвые нервничали, и она вместе с ними.

На экране возникло изображение Первой курии. Оно быстро увеличивалось – онагр снижался. Дрожь, легкая рябь, и картинка остановилась. Малая узнала колонны Сената. Обрамлявший его парк, фонтаны, дорожки. Все темное и пустое.

И куда подевались дорогие машины и разодетые патриции?

Обычно верхние уровни курий гуляли до самого рассвета. Неужто успели засечь меганоид имманес на подлете? Или что-то произошло на самой планете? Малая недовольно сморщила нос.

Хотя роли это не играло.

– Огонь.

Полыхнуло пламя. Земля вздыбилась, ломая сотни мраморных колонн, сминая белые ступени. Вспухла и осела на много уровней вниз. Прямо в канализацию, куда патриции обычно не спускались.

Все бывает в первый раз.

Малая провела пальцем по запотевшему стеклу иллюминатора. По боку планеты ползла линия рассвета. На темной половине зажигались точки взрывов.

Доброе утро, Земля.

Я дома.